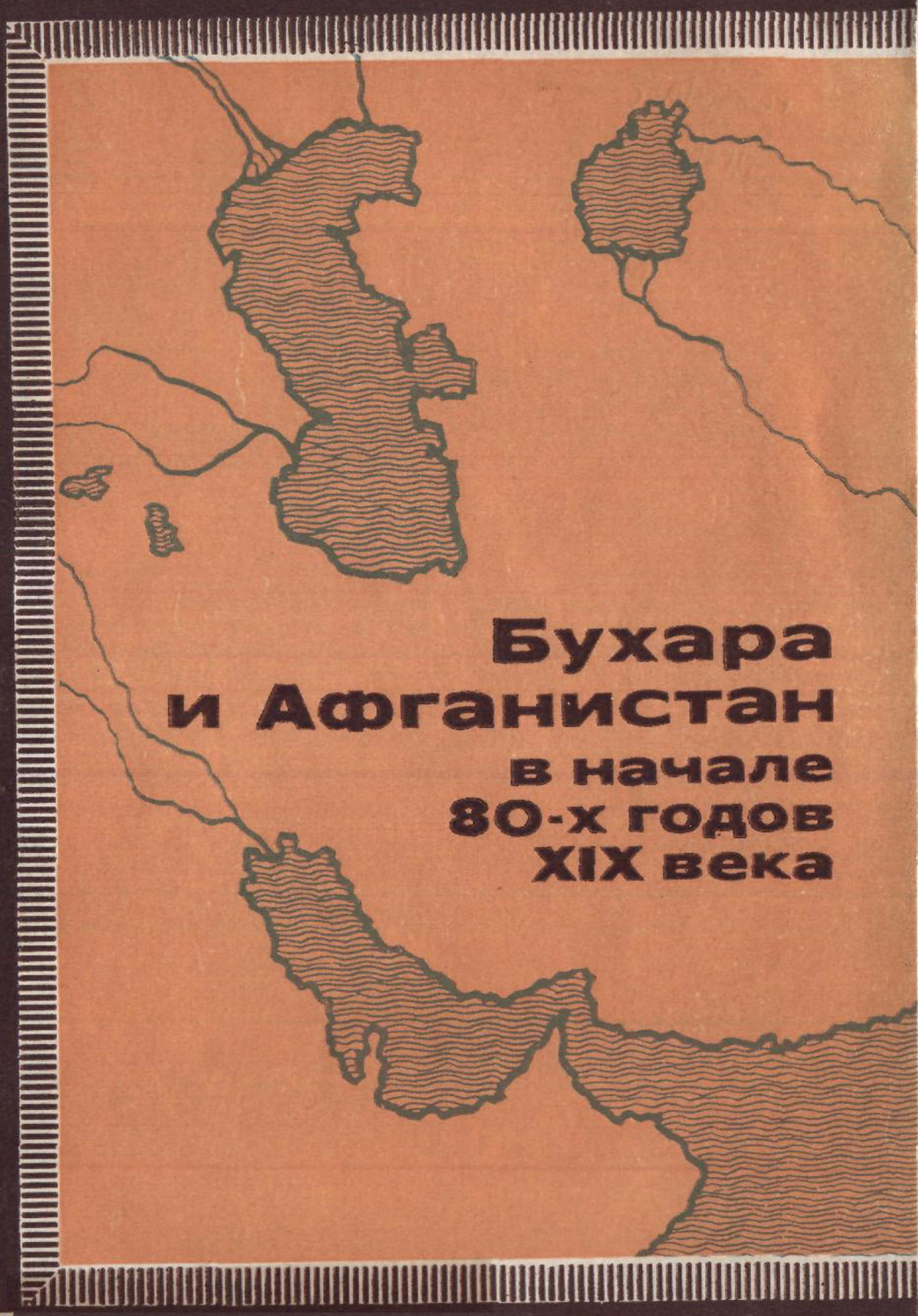

Бухара и Афганистан в начале 80-х годов XIX века

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ГЛАВНОЕ
АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ
УЗБЕКСКОЙ ССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Центральная Азия в источниках и материалах XIX-начала XX века

Бухара и Афганистан в начале 80-х годов XIX века

(ЖУРНАЛЫ КОМАНДИРОВОК Г. А. АРЕНДАРЕНКО)

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1974

9(С)17
Б 90

Редакционная коллегия

Б. Г. Гафуров (председатель), И. С. Брагинский, О. К. Дрейер, Н. А. Кузнецова (ответственный секретарь), В. А. Ромодин, А. В. Станишевский, С. Л. Тихвинский, Н. А. Халфин (заместитель председателя)

Ответственный редактор
Н. А. ХАЛФИН

Бухара и Афганистан в начале 80-х годов XIX в.
Б 90 (Журналы командировок Г. А. Арендаренко), М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1974.

143 стр. («Центральная Азия в источниках и материалах XIX — начала XX в.»).

Книга представляет собой отчеты одного из военных деятелей Туркестанского края — капитана Г. А. Арендаренко — о его командировках в Бухарское ханство. Журналы являются интересным источником по истории Средней Азии и Афганистана во второй половине XIX в.

9(С)17

Б $\frac{10604\text{-}113}{013(02)\text{-}74}$ 124-74

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1974.

ВАЖНЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ И АФГАНИСТАНА

В конце 70-х годов XIX в. резко обострилась обстановка на границах России в Средней Азии. Это было вызвано активизацией британской агрессии против Афганистана.

Еще в 40-х годах афганский народ в героической, самоотверженной борьбе сорвал намерения Англии превратить его страну в свою колонию (первая англо-афганская война 1838—1842 гг.). В огне сражений была уничтожена 16-тысячная британская армия. Погиб и ставленник экспансионистов — Шах Шуджа уль-Мульк. Эмирский престол в Кабуле снова занял законный правитель Дост Мухаммад-хан. После его смерти (1863 г.) между его сыновьями вспыхнули раздоры. Продолжавшиеся вплоть до 1869 г. столкновения принесли успех Ширали-хану, который и унаследовал отцовский трон. Двое соперников — племянники эмира Ширали-хана — Абдуррахман-хан и Исхак-хан, потерпевшие неудачу в этой междоусобице, покинули Афганистан и нашли убежище сначала в соседней Бухаре, а затем в русском Туркестане. Они были поселены в Самарканде, где получали своего рода «пенсию» от царского правительства.

Ширали-хану удалось стабилизовать положение в стране. Он тщательно соблюдал условия договоров «о дружбе», заключенных Дост Мухаммадом в 1855 и 1857 гг. с Британской империей, которые предусматривали взаимное невмешательство во внутренние дела. Тем не менее примерно с середины 70-х годов правящие круги Англии все более открыто стали проявлять агрессивные тенденции по отношению к Афганистану. По мере перехода Великобритании на империалистическую стадию развития ее правительство поставило задачи не только закабаления афганского народа, но и закрепления своих позиций в Иране, Средней Азии, западных областях Китая, т. е. во всей Центральной Азии.

Эта программа особенно настойчиво стала проводиться в жизнь с приходом к власти в 1874 г. консервативного кабинета Дизраэли. На протяжении 1875 и начала 1876 г. английский вице-король Индии лорд Норсбрук получил несколько предписаний статс-секретаря по делам Индии, а затем министра иностранных дел Солсбери о принятии «быстрых и эффективных мер» для укрепления британского влияния в Кабуле и повсеместно в Афганистане, размещении в узловых пунктах агентов Англии, об установлении действенного контроля над эмиром. Однако лорд Норсбрук

не был сторонником подобных мер и недостаточно энергично осуществлял директивы Лондона. Поэтому в апреле 1876 г. он был заменен лордом Литтоном, полностью разделявшим взгляды Дизраэли, который и предложил его кандидатуру.

27 августа 1876 г. новый вице-король писал одному из своих коллег, что, если Ширали-хан «быстро не докажет, что он наш лояльный друг, мы вынуждены будем считать его нашим врагом и соответствующим образом с ним обращаться» [1].

В нашем небольшом очерке, посвященном несколько иному вопросу, нет необходимости подробно останавливаться на предыстории второй войны, навязанной в 1878 г. британскими экспансионистами афганскому народу [2]. Коснемся лишь тех событий, которые непосредственно связаны с нашей темой

В ноябре 1878 г. 35-тысячная английская армия тремя колоннами, две из которых шли на Кабул, а одна — на Кандагар, вторглась в пределы Афганистана. Слабые войска этого государства не смогли оказать серьезное сопротивление вооруженным до зубов агрессорам. Эмир обратился к «английским сановникам» с заявлением, осуждавшим вторжение. Он сообщил, что отправляется в Петербург, чтобы созвать международный конгресс для обсуждения и прекращения британской экспансии [3]. Но по дороге в Россию он тяжело заболел и в феврале 1879 г. умер от гангрены ноги в Мазари-Шарифе, на севере своей страны.

Якуб-хан, сын и преемник скончавшегося Ширали-хана, еще при жизни отца был известен проанглийскими симпатиями. Он практически капитулировал перед захватчиками и 26 мая 1879 г. подписал в местечке Гандамак, близ Кабула, неравноправный, кабальный для Афганистана мирный договор. Это соглашение полностью превращало страну в рынок британских товаров. В столице располагалось английское посольство, которое должно было осуществлять надзор над внутренним положением государства, тогда как в решении вопросов внешней политики оно могло иметь дело только с правительством Англии. Афганистан лишался важных в стратегическом отношении районов и горных проходов, в связи с чем войска агрессоров контролировали все его жизненные центры [4].

Однако, как это было и в период войны 1838—1842 гг., капитуляция некоторых представителей правящей феодальной верхушки вовсе не означала, что афганские патриоты смирились с поражением. Среди них ширилось недовольство бесчинствами оккупантов, соглашательской политикой Якуб-хана. На английские гарнизоны совершались нападения. 3 сентября 1879 г. в Кабуле вспыхнуло народное восстание, в ходе которого была полностью истреблена британская миссия во главе с послом Льюисом

---

[1] Betty Balfour, The History of Lord Lytton's Indian Administration, New York — Bombay, 1899, стр. 30.

[2] См., в частности, В. М. Массон и В. А. Ромодин, История Афганистана, т. II, М., 1966; Н. А. Халфин, Провал британской агрессии в Афганистане, М., 1959.

[3] ЦГА УзССР, И-1. оп. 34, д. 406, л. 60.

[4] [C. U. Aitchison], A Collection of Treaties, Engagements and Sanads, Relating to India and Neighbouring Countries, Compiled by C. U. Aitchison, vol. XIII, Calcutta, 1933.

Каваньяри, а оккупационные войска были блокированы в Ширпурском укрепленном лагере. Еще недавно единое государство распалось на разрозненные части. На северо-западе, в Герате, собирал силы младший брат Якуб-хана — непримиримый враг чужеземных захватчиков Аюб-хан. В столице царило безвластие: после уничтожения Каваньяри с его свитой англичане обвинили эмира Якуб-хана в потворстве и содействии повстанцам. Он был отстранен от управления и выслан в Индию. На севере, в так называемом Афганском Туркестане, ситуация была чрезвычайно запутанной. Присланный сюда еще Ширали-ханом правитель Гулям Хайдар-хан не имел четкой ориентации. Между тем позиция не затронутого войной Северного Афганистана и его правителя имела немалое значение для усиления натиска патриотов на британских агрессоров.

Открытая борьба в Афганистане сочеталась с активной подрывной деятельностью Англии в соседних землях. Ее разведчики проникали в Среднюю Азию — в Бухарское и Хивинское ханства, в русский Туркестан, изучали возможности и пути экономической и военно-политической экспансии Британской империи. Эти провокационные действия британских агентов в Средней Азии вызывали острое беспокойство царского правительства.

* * *

Еще в 1868 г. вооруженная борьба между Российской империей и Бухарским ханством завершилась поражением последнего. Бухаре был навязан неравноправный договор, и она стала вассалом Российского государства. Однако царские власти, и в первую очередь туркестанский генерал-губернатор К. П. Кауфман, заставивший эмира Сеид Музаффар-хана принять это соглашение, отнюдь не был уверен в его преданности. Тем более что до него беспрерывно доходили слухи и сообщения о различных интригах британских посланцев в окрестных землях, причем их роль зачастую выполняли выходцы из азиатских стран [5].

Российских администраторов в центре края — Ташкенте и в соседнем с ханством Зеравшанском округе — чрезвычайно беспокоила реакция Сеид Музаффар-хана и его окружения на события в Афганистане, где британские войска на первых этапах добились серьезных успехов. Царские представители опасались, что правители «Благородной Бухары» откликнутся на различные посулы и обещания английских посланцев. Основания для этих опасений заключались еще и в том, что в 1879 г. царская армия потерпела чуть ли не единственное за все время «туркестанских походов» серьезное поражение под туркменской крепостью Геок-Тепе.

Кроме того, существовала угроза, что бухарские феодалы пожелают воспользоваться «афганским хаосом», чтобы утвердиться на левобережье Амударьи, население которого некогда находилось в вассальной зависимости от ханства. Это могло вовлечь царское правительство в нежела-

[5] В первых же донесениях — «журналах» — читатель встретит упоминания о некоем Шир Мухаммаде Газни, т. е. уроженце афганского города Газни, который оказался в Бухаре с какой-то тайной, но очень тревожившей русских чиновников в Туркестане миссией.

тельный конфликт с Лондоном, да и ослабить патриотические силы Афганистана, боровшиеся против английских захватчиков на Среднем Востоке.

Имелся еще один аспект проблемы. Неудачный претендент на кабульский престол — Абдуррахман-хан в течение всего периода пребывания под опекой России настойчиво добивался предоставления ему денег и оружия для выступления против своих врагов. Кауфман отказывал ему в этом. В 1869—1873 гг. Британская и Российская империи договорились о признании Амударьи в ее верхнем и среднем течении разграничительной линией между английской и русской сферами влияния в этом районе, и Петербург не хотел нарушать этого соглашения.

В связи с распадом центральной власти в Афганистане царское правительство сочло возможным разрешить внуку Дост Мухаммад-хана Абдуррахман-хану и его двоюродному брату сардару Исхак-хану вернуться на родину и попытать счастья. Некоторые круги России предполагали (особенно всесильный «хозяин» Туркестанского края генерал Кауфман), что бывший изгнанник не будет ставить перед собой далеко идущих целей, а ограничится утверждением своего господства в Северном Афганистане («Южном Туркестане»), где создаст самостоятельное владение.

Однако русская дипломатия опасалась обвинений со стороны Англии во вмешательстве в афганские дела. Поэтому Абдуррахман-хану не было оказано никакого серьезного содействия. Ему только позволили «бежать домой» без особых помех. На рубеже 1879 и 1880 гг. сардар, как его именовали в официальных документах, покинул Самарканд и в сопровождении небольшой свиты пересек бухарские земли, переправился через Амударью и оказался в своем бывшем владении [6].

Туркестанскую администрацию чрезвычайно волновал переплет этих событий. Но Ташкент был далеко от них. Поэтому Кауфман решил отправить в Бухару, поближе к Афганистану и к эмиру Сеиду Музаффару, сведущего и опытного человека, который смог бы разобраться во всем на месте. Там, куда съезжались купцы и странствующие люди, в караван-сараях и на дорогах такой посланец мог бы расспросить очевидцев, недавно вернувшихся из долгой поездки на юг. Выбор туркестанского генерал-губернатора пал на начальника Самаркандского отдела соседнего с Бухарским ханством Зеравшанского округа капитана Г. А. Арендаренко.

Обосновывая свое решение, К. П. Кауфман 16 января 1880 г. писал начальнику азиатского департамента министерства иностранных дел: «По дошедшим до меня сведениям, события в Афганистане не остались без влияния на умы в Бухарском ханстве. Толки бухарцев, если только они дошли до меня в непреувеличенном виде в отношении сопоставления нас с англичанами, весьма характерны и далеко не в нашу пользу. В особенности обращает на себя внимание слух о том, что в сентябре месяце прошлого года в Бухару приезжал английский посланец...»

Далее генерал-губернатор Туркестана сообщал о тесных связях между эмиром и наместником Северного Афганистана (или «Четырех про-

[6] См. об этом подробно: А. А. Семенов, «Бегство» Абдуррахман-хана из Ташкента в Афганистан,— «Кауфманский сборник», М., 1910, стр. 100—117.

винций» — Чар-Вилойят) Гулям Хайдар-ханом, который «не склонился еще ни на сторону англичан, ни на сторону восстания против них» и предлагает свои услуги и бухарскому эмиру, и британцам, т. е. любому, кто больше пообещает. Кауфмана волновало, что такое поведение наиб-уль-хукуме (наместника) «может возбуждать в бухарском эмире желание тем или другим способом овладеть Чар-Вилойятом», поэтому генерал-губернатор «не счел возможным оставлять течение дел в Бухаре без самого тщательного наблюдения».

Неточность и разнобой поступающих из ханства сведений, продолжал Кауфман, вынудили его воспользоваться ст. 16 русско-бухарского мирного договора от 28 сентября 1873 г., по которой правительство Российской империи получило право держать при эмире своего представителя, и «временно командировать в Бухару доверенное лицо как для надзора за всеми внешними сношениями эмира, так и для собирания сведений о положении дел в Чар-Вилойяте и других частях Афганистана». К. П. Кауфман объяснял, что его выбор «доверенного лица» пал на капитана Арендаренко как на человека, «известного мне своей даровитостью и умением обращаться с азиатцами и хорошо притом знакомого с туземным языком и обычаями».

Письмо Н. К. Гирсу завершалось сообщением, что 13 января 1880 г. капитан Арендаренко «уже выехал из Самарканда в Шахрисябз — место настоящего пребывания эмира...»[7]. Так началась командировка начальника Самаркандского отдела Зеравшанского округа, результатом которой оказались публикуемые «журналы», или своего рода отчет о поездке, содержащий много интересных данных о событиях начала 80-х годов.

Естественно, что глубина и острота восприятия окружающей обстановки и происходящих событий зависели от подготовленности «доверенного лица» туркестанского генерал-губернатора, от его наблюдательности, желания и умения «увидеть» не только лежащее на поверхности, но и глубинные процессы, их предпосылки и развитие, а также подметить отдельные мелкие, но типичные и характерные детали. Положение осложнялось еще тем, что такие качества нужно было проявить в чужой стране, где не всегда могло быть полезно одно лишь знание (в какой-то мере поверхностное) «туземного языка и обычаев».

Поэтому необходимо сказать несколько слов о жизненном пути Георгия Алексеевича Арендаренко до того момента, когда правитель Туркестанского края снарядил его в не ограниченную временем командировку.

Как свидетельствует «полный послужной список» Г. Арендаренко, хранящийся в Отделе дореволюционных фондов Центрального госархива Узбекской ССР, он родился 4 февраля 1846 г. в семье дворян Черниговской губернии, где в Нежинском уезде его мать имела родовое имение в 700 десятин. С августа 1863 до сентября 1865 г. он обучался в I военном Павловском училище, после чего был переведен в Михайловское артиллерийское училище, по окончании которого (декабрь 1865 г.) получил назначение в Оренбургский стрелковый батальон.

Во второй половине 60-х годов начались растянувшиеся на долгие

---

[7] АВПР, СПб. Главный архив, I-9, оп. 8, 1880-13, лл. 1—3.

годы «туркестанские походы», приведшие к присоединению Средней Азии к России и формированию там особой системы власти, названной «военно-народным управлением», при котором лишь самые низшие административные должности замещались представителями местного населения, а средние и высшие — царскими офицерами.

Г. А. Арендаренко был среди тех, кто брал крепость Ура-тюбе в 1866 г. Он возглавлял отряд, выступивший в 1875—1876 гг. против горных матчинцев, и получил в ноябре 1876 г. орден Владимира IV степени «в награду за храбрость против кокандцев». Но его послужной список значительно более насыщен записями о работе на различных административных постах, чем об участии в военных передвижениях и столкновениях, хотя он и этого не избегал. Конечно, сейчас трудно судить, зависело ли это от стремлений и желаний самого Арендаренко или от начальства.

Мы часто встречаем фамилию Арендаренко в числе тех, кто трудился в области мирного устройства покоренных земель, причем нередко на таких ролях, которые не сразу «увязываются» с его офицерскими погонами. Так, с октября 1866 по декабрь 1867 г. подпоручик Арендаренко выступает в качестве помощника «заведующего Уратюбинским районом», с декабря 1867 по август 1868 г. является членом Аулиэатинской организационной комиссии, потом перемещается «на усиление военно-народного управления Джизакского уезда», занимает последовательно должности джизакского, перовского, снова джизакского и туркестанского уездного судьи, а в ноябре 1874 г. в чине штабс-капитана получает важное назначение управляющим нагорными тюменями Зеравшанского округа.

С мая 1868 г., когда Самарканд открыл ворота перед наступавшими царскими войсками, до января 1887 г., когда вступило в действие «Положение об управлении Туркестанского края 1886 г.», Петербург не знал, что ему делать с этим городом и окружающей территорией. Существовали планы его передачи бухарскому эмиру. Этому решительно противился туркестанский генерал-губернатор К. П. Кауфман. Он ссылался на ключевое положение Самарканда, контролирующего доступ вод реки Зеравшан в Бухару, на его политическое значение бывшей столицы империи Тимура, на пограничный характер местности. Пока вопрос не был окончательно решен, в Зеравшанский округ (с 1887 г. — Самаркандская область) и его составные части — Самаркандский отдел и нагорные тюмени — назначались наиболее подготовленные лица, в какой-то степени — доверенные Кауфмана.

Нет сомнений, что во время многочисленных «перекочевок» из одного города Туркестана в другой Г. А. Арендаренко имел возможность достаточно хорошо изучить нравы и обычаи жителей, освоить язык. Летом 1877 г. он был произведен в капитаны и приказом по Туркестанскому генерал-губернаторству переведен на пост начальника Самаркандского отдела. Затем последовала уже известная нам командировка в Бухарское ханство, откуда он вернулся через восемь месяцев, в сентябре 1880 г.

Георгий Алексеевич Арендаренко был, несомненно, незаурядным человеком. В 1887 г., после преобразования Самаркандского отдела в уезд, Г. А. Арендаренко, уже в чине подполковника, стал уездным начальником.

По-видимому, в конце 1889 г. у него произошел какой-то конфликт

с высшими властями Туркестана, ибо он был уволен «согласно прошению, от службы, с зачислением в запас армейской пехоты», и получал пенсию из государственного казначейства. Но пребывание Арендаренко вне службы продолжалось полгода. В июне 1890 г. он был назначен исполняющим должность начальника Мервского уезда. Отметим, что этот уезд входил в состав Закаспийской области, которая одно время подчинялась не Ташкенту, а Тифлису, где находился центр Кавказского наместничества. В этой должности он и был утвержден. Затем он стал полковником, генерал-майором — на посту генерала для особых поручений при командующем войсками Туркестанского военного округа, а с июня 1901 г. — военным губернатором Ферганской области.

В Фергане Арендаренко пробыл сравнительно недолго: 9 декабря 1904 г. он был «уволен по домашним обстоятельствам от службы, с мундиром и пенсией». Более или менее обычный путь царского служаки. Но были и черты, выделявшие его из среды, где преобладали солдафоны и каратели, мздоимцы и казнокрады, герои Гоголя и Салтыкова-Щедрина. Так, он был «почетным блюстителем» городского двухклассного начального училища и городского женского двухклассного училища в Мерве, энергично способствовал проведению первой всеобщей переписи населения в России, проявил большую распорядительность при оказании помощи жертвам трагического землетрясения 1903 г. в Андижане и окрестностях.

Пытливый наблюдатель, Г. А. Арендаренко интересовался всем, что происходило вокруг него. Нечего и говорить, что далеко не все царские офицеры, даже находившиеся на административных должностях, овладевали «языком туземцев», проявляли внимание к быту и нравам местных жителей. Для Арендаренко же это было делом первостепенной важности. Так, из письма исполнявшего должность туркестанского генерал-губернатора Г. А. Колпаковского Н. К. Гирсу от 7 апреля 1882 г. становится известным, что Арендаренко попросил разрешить ему отправиться в южные и восточные бекства Бухарского ханства. Цель поездки — сбор материалов по этнографии, статистике населения и экономическому положению этих бекств «для издания полного описания современного состояния Бухарского ханства, так как сведения о центральных бекствах были собраны им во время командировки его в ханство в 1880 г.» [8].

Колпаковский санкционировал этот выезд. 20 марта Арендаренко двинулся в путь, а 7 мая того же, 1882 г. генерал-губернатор уже мог с его слов сообщить Гирсу некоторые подробности взаимоотношений между бухарским эмиром и туркменскими феодальными вождями [9]. Но Георгий Алексеевич видел свою задачу отнюдь не только в информировании ташкентских или петербургских властей.

Подобно А. К. Гейнсу, А. П. Хорошхину, Н. А. Маеву и другим (нечего и говорить о выдающихся исследователях и путешественниках — А. П. Федченко, Н. А. Северцове, И. В. Мушкетове), Г. А. Арендаренко оставил свой след в литературе о Средней Азии. С 1874 г. он публиковал

---

[8] АВПР. СПб. Главный архив, I-9, 1880-13, л. 170.
[9] Там же, лл. 172—173.

в периодической печати статьи о посещенных им районах и о жизни их населения. В 1889 г. вышла в свет в Петербурге большая книга «Досуги в Туркестане» (фамилия автора на ней почему-то названа несколько иначе — «Арандаренко», как, впрочем, и в записях последних лет в послужном списке).

Этот труд насыщен значительным количеством фактов и статистических данных, характеризующих военно-политическую и экономическую обстановку в отдельных областях среднеазиатских владений Российской империи, в Бухарском ханстве, в Северном Афганистане, географическими и этнографическими зарисовками. Но это не набор фактов. Г. А. Арендаренко стремится осмыслить увиденное, дать ему свою трактовку, обобщить разрозненные наблюдения.

Здесь нашла отражение борьба в «Афганском Туркестане» на рубеже 1870—1880-х годов, и автор включает в ее описание даже несколько абзацев из своих журналов; но, в общем, эта тема трактуется в более широком плане с экскурсами в далекую историческую эпоху. Очень содержательные очерки посвящены Дарвазу и Каратегину, причем многие сведения об этих местностях и их жителях приводятся впервые, окрашенные впечатлениями очевидца. Почти гротеском звучит написанный в серьезных тонах рассказ о бухарской армии, ее подготовке, организации и боевой силе.

Однако беглый пересказ книги — отнюдь не лучший способ познакомить с ее содержанием. Мы рекомендуем всем, проявляющим интерес к дореволюционной Средней Азии, ознакомиться с ней в оригинале, хотя это не так легко: труд стал библиографической редкостью. Для нас же упоминание о ней должно было подкрепить мысль о том, что Георгий Алексеевич Арендаренко не заслуживает полного забвения.

Но есть еще один любопытный момент: как оценивали его личность и деятельность современники? Нам кажется целесообразным и возможным завершить этот по необходимости беглый и краткий очерк характеристикой, которую дал действующему в нем лицу достаточно компетентный со многих точек зрения специалист-востоковед Н. И. Веселовский, хорошо знакомый с Г. А. Арендаренко, его деятельностью и трудами. Да простится нам длинная цитата, но она хорошо подытоживает сказанное выше.

«Автор „Досугов" Г. А. Арандаренко, занимал в Туркестанском крае весьма ответственную должность по военно-народному управлению: сперва помощника, а потом начальника нагорных тюменей и Самаркандского отдела (уезда), должность первостепенной важности для русского влияния на туземцев и для водворения у них русской гражданственности. По своим обширным правам, по близкому и постоянному соприкосновению с народом уездный начальник имеет возможность руководить жизнью туземцев. Управление человека добросовестного, преданного своему делу принесет людям, вверенным его попечению, великую пользу, как с другой стороны преследование им личных интересов при помощи разных темных дел (примеры бывали), стремление к получению отличий будет иметь вредное, развращающее влияние на народ, уронит в глазах его значение русской власти.

В *плодотворной административной деятельности* г. Арандаренко мог убедиться всякий, кому привелось посетить Самарканд в его управление. И если в этом случае, пожалуй, можно было увлечься показной стороной дела, наружным блеском, то книга г. Арандаренко раскрывает нам внутренний смысл его деятельности, показывает, сколько труда и энергии положено этим человеком для изучения своего отдела и его населения.

И нельзя не пожалеть, что г. Арандаренко вслед за другими лучшими людьми покидает край (рецензия относилась к 1890 г., когда Г. А. Арендаренко временно, а быть может и навсегда, «ушел в запас».— *Н. Х.*): *Это удаление мы готовы объяснить тем, что с водворившимися в крае* новыми порядками, крайне сложными и для туземцев несвоевременными, тяжело теперь оставаться в управлении и служить делу, которому не сочувствуешь (еще одно свидетельство конфликта с высшей администрацией Туркестана.— *Н. Х.*).

При обширности района туркестанских уездов, при массе самого разнообразного дела, возложенного на уездных начальников, досуга остается им очень немного, и очень немногие воспользовались своим досугом так, как воспользовался им г. Арандаренко» [10].

Сделанный Н. И. Веселовским общий вывод гласил: для Туркестанского края книга «должна иметь большое значение, как (труд) человека, основательно знающего край, постигшего его нужды, а потому вполне авторитетного». Но это уже оценка не только, а быть может, и не столько изданного труда, сколько оценка человека.

* * *

Какие же вопросы привлекали внимание К. П. Кауфмана? Что беспокоило этого «ярым-подшо» (полуцаря), всесильного наместника русского императора в Средней Азии? Прежде всего и главным образом — угроза британского проникновения, возможные контакты Англии с Бухарским ханством. Этот круг проблем и был поставлен во главу угла заданий Арендаренко. Ему поручалось выяснить взаимоотношения правителей Бухары с англичанами и Афганистаном, приезжают ли в ханство разведчики — британцы либо индийцы,— действующие от их имени. В частности, *приезжал ли в сентябре* 1879 г. афганец «Шир-Магомет», присланный якобы в Бухару из Лахора.

Туркестанского генерал-губернатора интересовала интенсивность переписки между эмиром Сеид Музаффаром и его представителем в Мазари-Шарифе Касым-ходжой ураком: «как народ смотрит» на это представительство и чем вызывается его необходимость; каковы отношения между эмиром и правителем Чар-Вилойята Гулямом Хайдар-ханом, будто *бы именующим Сеид Музаффара своим повелителем. Справедливы ли* слухи о попытках укрепившихся в Афганистане англичан силами местного населения улучшать ведущие на север дороги (Кабул—Ташкурган)?

Действия Гуляма Хайдар-хана вызывали подозрения в Ташкенте, и

---

[10] «Записки Восточного отдела Русского Археологического общества», т. IV, вып. III и IV, СПб., 1890, стр. 408—413.

Арендаренко должен был проверить обоснованность утверждений о том, что наиб-уль-хукуме Северного Афганистана «сторонник англичан и действует им в руку; что англичане советовали ему распустить по домам находящиеся в Чар-Вилояте войска; что Гулям Хайдар-хан находится в постоянных сношениях с англичанами и действует по их указаниям», и т. д., и т. п.

Особое место в планах командированного в Бухару капитана, по указанию Кауфмана, занимал сбор сведений о беглецах из Средней Азии, потенциальных противниках установившейся политической системы — бывшем кокандском хане Худояре, сыне Сеида Музаффара Абдул Малике (Катта-Тюре), некогда боровшемся с отцом за власть, бывшем правителе одной из областей Восточной Бухары Сары-хане и других лицах, — не хотят ли они вновь попытать счастья и вторгнуться в покинутые страны при поддержке британских покровителей?

Из экономических проблем в задачи Арендаренко входило выяснение, какой порядок по взиманию налога (закята) с денег существовал в Бухарском ханстве; при этом он должен был лично «удостовериться через расспросы, платят ли закят с денег бухарские подданные».

Но миссия капитана Арендаренко не ограничивалась получением важной информации. Ему давались и дипломатические поручения. Среди них существеннейшее заключалось в том, чтобы не допустить эмира Сеида Музаффара к захвату власти в Чар-Вилояте. Кауфман весьма опасался чрезмерной активности своего протеже, которая могла бы дать Британской империи предлог для вторжения в Среднюю Азию. Поэтому посланцу генерал-губернатора предлагалось разъяснить эмиру, что следует «осторожнее относиться к письмам Гуляма Хайдар-хана, который при настоящем положении дел в Афганистане иначе к нему относиться не может...», и «высказать эмиру, чтобы он, основываясь на словах Гуляма Хайдар-хана, не предпринимал бы теперь никаких мер к занятию Мазари-Шарифа».

Второй по значению темой для бесед с Сеидом Музаффаром должен был служить «побег» сардара Абдуррахман-хана. Бухарского владыку надлежало поставить в известность, что «за все время нахождения» сардара «под покровительством России за ним не было замечено ничего дурного, и потому когда Абдуррахман-хан решился бежать, то не было оснований ловить его и препятствовать ему испытать счастье на своей родине, и что он ни нам, ни эмиру не имеет намерения сделать какое-либо зло».

Совместно с бухарским кушбеги (премьер-министр) Арендаренко поручалось разработать систему выдачи паспортов подданным эмира, проживающим в городах Российской империи. Как человек, занимавшийся внешнеполитическими вопросами империи, и в частности Туркестанского генерал-губернаторства, К. П. Кауфман стремился быть в курсе событий во всех окрестных странах, сколь бы малы они ни были. Он ожидал от капитана сообщений о положении в Дарвазе, Бадахшане, о землях, находящихся на пути от Амударьи к Мервскому оазису, о взаимоотношениях с Сеидом Музаффаром влиятельных лиц на этих территориях.

Как видим, капитану Арендаренко поручался круг вопросов большой важности. Забегая вперед, можно констатировать, что он очень хорошо

справился с довольно сложным заданием. Во всяком случае, высшие круги администрации Туркестанского края были вполне удовлетворены его деятельностью. Доказательством этого служит то обстоятельство, что он был одним из первых и главных кандидатов на замещение поста руководителя Российского императорского политического агентства в Бухаре, когда оно формировалось (оно было открыто с 1886 г., но агентом был назначен присланный из Петербурга чиновник министерства иностранных дел).

* * *

Одним из результатов поездки капитана Арендаренко в Бухару явились «подробные донесения в виде журналов», предусмотренные инструкцией генерал-губернатора. Кауфман внимательно читал их, знакомил с ними своих приближенных — дипломатического чиновника Фриде, редактора «Туркестанских ведомостей» Маева и других, а главное — отправлял копии этих донесений в Петербург в министерства — иностранных дел и военное. Таким образом, деятельность капитана Арендаренко позволяла правящим кругам империи и высшим властям генерал-губернаторства ориентироваться во всех перипетиях событий в соседних азиатских владениях. От его наблюдательности, обстоятельности и объективности зависело немало.

Как правило, Арендаренко точен и беспристрастен (хотя с некоторыми его оценками и попытками судить о целых народах по отдельным их представителям нельзя согласиться). Его так называемые «журналы командировок (1880 г.)» насыщены обширным, порой еще неизвестным материалом о расстановке политических сил в ханстве и в Афганистане, прежде всего — в Северном; разнообразными деталями, характеризующими отдельные экономические факторы, жизнь населения. Они рисуют картину постепенного укрепления позиций «бежавшего сардара» — Абдуррахман-хана, который вскоре занял кабульский престол и царствовал более двадцати лет (до 1901 г.), оставив о себе память как об одном из наиболее волевых и целеустремленных эмиров в афганской истории.

Публикуемые ныне журналы Г. А. Арендаренко также несут на себе печать авторской индивидуальности. Они принадлежат перу «основательно знающего» свой предмет человека и, без всякого сомнения, пополнят наши представления о Бухаре и Афганистане в сложные годы их жизни.

Рассматриваемый нами источник позволяет уточнить многие стороны бурных событий из прошлого Бухарского ханства и нашего южного соседа. На некоторых аспектах журналов останавливается в написанных по нашей просьбе комментариях к ним известный востоковед Андрей Владимирович Станишевский.

* * *

В настоящее издание включено 26 хранящихся в Центральном государственном архиве (ЦГА) УзССР журналов донесений капитана Георгия Алексеевича Арендаренко, охватывающих период двух его команди-

ровок в Бухарское ханство: с 13 января по 17 апреля и с 28 мая по 10 сентября 1880 г. Донесения адресованы туркестанскому генерал-губернатору К. П. Кауфману. В них отражена политическая, экономическая и социальная жизнь Бухарского ханства в конце XIX в.; детально описаны встречи с бухарским эмиром, переговоры с ним и его приближенными.

Кроме этих донесений в архиве имеются письма Г. А. Арендаренко К. П. Кауфману, переписка с исполнявшим должность чиновника по дипломатической части И. И. Ибрагимовым и много телеграмм, касающихся командировок.

В связи с тем что переписка отражает в основном организационную и финансовую стороны командировок, а содержание телеграмм поглощается донесениями, в сборник включены только последние.

Публикация подготовлена в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (Москва, 1969 г.).

Текст донесений публикуется по новой орфографии. Сокращенные слова воспроизведены полностью, кроме общепринятых сокращений.

При передаче текста документов восточные термины унифицированы, как и различные транскрипции географических названий, имен и фамилий. Иноязычные выражения, применяемые автором, текстуальны. Оставлены в тексте вопросительные знаки, поставленные автором. Словесные обозначения чисел заменены цифрами.

Так как в своих донесениях Г. А. Арендаренко часто ссылается на предыдущие донесения, то в текстуальных примечаниях даны перекрестные ссылки с указанием на номер документа.

К ссылкам на публикуемые материалы в текстуальных примечаниях даны контрольно-справочные сведения об их местонахождении. Здесь же оговариваются документы, не обнаруженные в архиве.

В сборник включены документы одной разновидности (журналы) и одного автора, поэтому всем дан один общий заголовок. Номера журналов совпадают с номерами публикуемых документов, поэтому они в заголовках не повторяются.

Документы датированы по старому стилю и расположены в хронологической последовательности. Для документов с № 15 по № 26 место написания в заголовок взято из препроводительных рапортов.

Документы снабжены контрольно-справочными сведениями. Ввиду того что все они находятся в одном фонде И-1 (Канцелярия туркестанского генерал-губернатора), включены в опись № 29, написаны от руки чернилами и являются подлинниками, контрольно-справочные сведения ограничены указанием номеров дел и листов.

Сборник снабжен развернутыми именным и географическим указателями. В именном указателе все ссылочные данные и сведения сосредоточены под общепринятыми правильными именами соответствующих лиц. Разночтения приводятся в круглых скобках вслед за правильным именем, а также в соответствующих местах указателя со ссылками на правильное имя. По такому же принципу построен и географический указатель, в котором названия географических пунктов уточнены по картам 1880 г.

В сборник включен словарь восточных терминов и этнических названий.

Сборник документов «Журналы командировок Г. А. Арендаренко (1880 г.)» подготовлен к печати заведующим отделом научной информации и публикации Главного архивного управления при Совете Министров Узбекской ССР В. И. Кузьменко. В выявлении документальных материалов принимал участие ст. научный сотрудник Д. А. Иоффе.

Статья «Несколько слов о журналах Г. А. Арендаренко», словарь восточных терминов и этнических названий составлены А. В. Станишевским, принимавшим также непосредственное участие в подготовке именного и географического указателей.

Н. А. Халфин

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЖУРНАЛАХ Г. А. АРЕНДАРЕНКО

Журналы Г. А. Арендаренко являются первоисточником, освещающим некоторые моменты истории Бухары и Афганистана, которые еще до сих пор недостаточно изучены.

Автор журналов описывает свои встречи с бухарским эмиром; отмечает прочные связи его с Россией и с Афганистаном, а также стремление Англии проникнуть в Среднюю Азию.

Политический смысл поездки Арендаренко в свое время попытался отметить один из дореволюционных исследователей Бухары Д. Н. Логофет, имевший доступ ко многим туркестанским государственным документам. Он писал: «...после того, как вопреки русско-английскому договору афганский эмир Абдуррахман-хан занял часть бухарских беков Рушан и Шугнан, неотложная необходимость понудила генерала... Кауфмана... немедленно командировать бывшего в то время начальником Зарафшанского округа капитана Арендаренко в Бухару... Особой инструкцией ему предписано было собирать сведения о положении дел в Афганистане и Бухаре, представляя периодически составляемые им журналы, которые по просмотре генерал-губернатор отправлял министру иностранных дел»[1]. Но, отметив этот факт, Логофет не подчеркнул более важного, а именно того, что журналы Арендаренко подтверждали осторожную политику невмешательства, проводившуюся в ту пору К. П. Кауфманом.

Интересны также работы и некоторых других авторов. Например, в вышедшем уже в наше время капитальном труде афганского историка С. К. Риштия «Афганистан в XIX веке»[2] отъезд Абдуррахман-хана из Туркестана в Афганистан освещен следующим образом: «Сардар Абдуррахман-хан, получив разрешение правительства России, выехал из Ташкента. Ввиду того что бухарский эмир дал указание задержать сардара Абдуррахман-хана, ему пришлось ехать через Шахрисябз и вступить на землю Афганистана в районе Бадахшана». Вызывает удивление высказывание автора о том, что русское правительство разрешило Абдуррахман-хану выехать на родину, а бухарский эмир после этого дал указание

[1] Д. Н. Логофет, Бухарское ханство под русским протекторатом, СПб., 1911, стр. 170—171.

[2] С. К. Риштия, Афганистан в XIX веке, М., 1958.

задержать его и ему пришлось ехать через Шахрисябз. А как известно, Сеид Музаффар находился именно в Шахрисябзе!

После смерти эмира Ширали-хана на севере Афганистана сложилась ситуация, дававшая повод для вмешательства если не самой России, то ее послушного вассала эмира бухарского. Наместник Чар-Вилойята Гулям Хайдар-хан Вардак хотел создать в Чар-Вилойяте государство, целиком независимое от Афганистана. В Чар-Вилойяте еще в XVIII в. сложилось довольно прочное объединение четырех владений: Кундуз, Балх, Андхой, Меймене. Сарыпуль, Шиберган, Хульм, Гури, Баглан и др. в XVII—XVIII вв. играли сравнительно меньшую политическую роль, и поэтому в названии объединения отразилось преобладание только четырех основных владений.

Однако было наивно думать о самостоятельности подобного государства, поэтому Гуляма Хайдар-хана устраивало покровительство Бухарского ханства, за которым реально стояла Россия. Англия довольно откровенно демонстрировала свои намерения расчленить Афганистан, что шло вразрез с договором 1872 г. Сепаратистские стремления гератской и кандагарской группировок в немалой мере подкреплялись английским золотом.

В 1879 г. единый Афганистан, казалось, перестал существовать. В Кандагаре было автономное правительство сардара Ширали-хана (сына Шердиль-хана), в Герате правил Мухаммад Аюб-хан, в Кабуле — Мухаммад Якуб-хан. Логическим завершением было бы провозглашение независимости Чар-Вилойята. Обращение к эмиру бухарскому с просьбой о покровительстве выглядело бы тоже вполне естественно. К тому же и экономических предпосылок для объединения географически обособленного Чар-Вилойята с чисто афганскими областями не было. Этнически и географически Чар-Вилойят всегда был неразрывно связан с левобережьем Амударьи. Река, какой бы широкой и полноводной она ни была, никогда в условиях аридной (засушливой) зоны не играла роли этнического рубежа. Наоборот, чем крупнее и полноводнее оказывалась река, тем бо́льшую роль она играла в объединении племен, селившихся в ее долине.

Чар-Вилойят часто служил источником пополнения казны афганских эмиров. Так, чтобы содержать создаваемую ими регулярную армию, необходимую для укрепления централизованного афганского государства, они беззастенчиво облагали жителей налогами. Такие меры лишь способствовали стремлению населения Чар-Вилойята сбросить иго непрошеных завоевателей.

* * *

Утверждение С. К. Риштия о том, что Абдуррахман-хан принужден был пробираться через всю Восточную Бухару в Бадахшан якобы из-за запрета эмира бухарского двигаться по территории Бухарского ханства в Афганистан, весьма сомнительно. От Дербента, где был 31 декабря 1879 г. Абдуррахман-хан, до границы Афганистана три перехода, а кулябским маршрутом надо было двигаться восемь суток. Абдуррахман-хан

стремился в Бадахшан не случайно. Еще в первые годы своей жизни в самаркандском изгнании Абдуррахман-хан воспользовался приездом туда бежавшего бадахшанского правителя мира Джахандар-Шо, чтобы заключить династийный брак. Он женился на дочери наследственного бадахшанского мира, чтобы иметь в дальнейшем повод вмешиваться в бадахшанские распри.

Эта горная страна давно страдала от бесконечных феодальных столкновений и войн. Со времени основания в XVII в. миром Ярбеком, выходцем из Датбита, династии самостоятельных миров (правителей) Бадахшана, почти все миры, за редким исключением, умирали не своей смертью (для того чтобы яснее было политическое положение лиц, упоминающихся в журналах Аренларенко, в приложении дается схема родословной бадахшанских миров, сделанная на основе открытого нами в 1928 г. списка «Тарих-и Бадахшон» и включающая только основные фигуры, игравшие заметную роль в политической жизни Бадахшана).

Феодальные распри в Бадахшане обострились после смерти эмира Шир-али-хана. Жившие в плену в Мазари-Шарифе родичи последнего независимого правителя Бадахшана, мир Баба-хан и шо Ибрагим-хан, воспользовались смертью эмира и отправились в Бадахшан, где уже велись военные действия против афганцев, которые впервые появились в Бадахшане в 1869 г., пытаясь утвердить там власть кабульского эмира. Вскоре после прибытия мира Баба-хана и шо Ибрагим-хана афганцы из Бадахшана были изгнаны, и мир Баба-хан стал там верховным правителем. Но затем из Ферганской области прибыли Шо-заде Хасан — брат последнего независимого правителя мира Джахандар-шо и его двоюродный брат Мухаммад Умар-хан. Они захватили в плен мира Баба-хана и отправили его к правителю Шугнана. Бадахшанским миром был объявлен Шо-заде Хасан, а мир Мухаммад Умар-хан сделался правителем Рустака. При дворе нового главы Бадахшана видную роль стал играть сын правителя незадолго перед тем завоеванного бухарским эмиром Дарваза. Это обеспокоило Музаффар-хана, и он отправил в Куляб еще одного претендента на бадахшанский престол — мира Алим-хана, жившего в изгнании в Бухаре.

Шо-заде Хасан, не желая обострять отношений с бухарским эмиром, выдал сына бежавшего дарвазского правителя кулябскому беку Худай Назар-аталыку, а мира Алим-хана сам пригласил в Бадахшан. Эмир Музаффар-хан, сделав ставку на последнего, просчитался. По мужской линии Шо-заде Хасан и мир Алим-хан были троюродными братьями и по здешним традициям должны были бы враждовать друг с другом. Но мало кто знал, что со стороны матери они были кровные братья: мать мира Алим-хана после смерти его отца была, на основе левирата, взята в жены правителем Бадахшана миром Шо-Заманэтдином, и от этого брака появился на свет Шо-заде Хасан. Дети от одной матери редко враждовали между собой (кстати, это очень интересный пережиток матриархата и его влияние на распри между родичами в Афганистане легко проследить: Мухаммад Афзаль, отец Абдуррахман-хана, был родным братом по матери с Мухаммад Азамом, отцом Мухаммад Исхак-хана, и оба они в бесконечных распрях 29 сыновей Дост Мухмамад-хана всегда выступали

союзниками. Такие же группировки сыновей от одной матери можно проследить и в предыдущих поколениях.)

После перехода мира Алим-хана в Бадахшан Шо-заде Хасан пожаловал ему во владение Кишм, где сидел правителем двоюродный брат. Шо-заде Хасана — мир Султан Шо. Последний бежал к своему родному брату, правителю Рустака — миру Мухаммад Умар-хану. Распри между двоюродными братьями вспыхнули с новой силой (приведем любопытную иллюстрацию: в кругах феодальной знати Бадахшана слово «амакбача» — «двоюродный брат», точнее — «сын брата отца», стало синонимом «враг, соперник»). Чтобы найти еще одного союзника в борьбе, Шо-заде Хасан вызвал из Шугнана высланного ранее туда бывшего правителя Бадахшана мира Баба-хана, с тем чтобы отдать ему во владение Рустак. Тогда мир Мухаммад Умар-хан бежал в Куляб и там встретился с только что приехавшим Абдуррахман-ханом.

Ознакомившись с обстановкой, Абдуррахман-хан решил обосноваться в Рустаке. Место было удобное: недалеко от Кундуза, а оттуда прямые пути в Кабул и в Чар-Вилойят. Случись неудача — в тот же день можно перейти на бухарскую сторону. В то же время — место на отшибе. А бадахшанские распри и борьба в Чар-Вилойяте обойдут Рустак стороной, если он не ввяжется в драку. У Абдуррахман-хана не было ни сил, ни средств для активных действий. Зато у него были терпение, трезвое понимание обстановки и дипломатическое умение. На правах родича, козыряя своим родством с бадахшанским миром, благодаря женитьбе на родной племяннице Шо-заде Хасана Абдуррахман-хан написал письмо правителю Бадахшана, объявив о том, что намерен взять в свои руки власть в «наследственном Афганистане».

Шо-заде Хасан на письмо не ответил и приказал новому правителю Рустака миру Баба-хану не допускать Абдуррахман-хана на территорию Бадахшана. Баба-хан направил охрану к переправе, но было уже поздно: Абдуррахман-хан пересек Пяндж и занял крепость Янги-кала, в 38 *км* северо-западнее Рустака. Мир Баба-хан быстро переориентировался и с почетом проводил сардара в Рустак. Абдуррахман-хан посулил покладистому хану свою милость в будущем, а пока приказал изгнать Шо-заде Хасана из Бадахшана. Два десятка афганских всадников из свиты Абдуррахман-хана служили наглядным подтверждением участия сардара в боевой операции, и эта моральная поддержка сыграла не последнюю роль в победе мира Баба-хана. Шо-заде Хасан бежал в Читрал, мир Алим-хан снова удалился в Куляб, а Абдуррахман-хан остался, на всякий случай, в безопасном Рустаке, рассылая оттуда письма в Кундуз, Чар-Вилойят, Кабул и одновременно нащупывая связи с англичанами.

Время и события играли на руку Абдуррахман-хану. Над британскими оккупантами в Афганистане сгущались тучи новой всенародной войны. Политика невмешательства России (и ее вассала эмира бухарского) лишила правителя Чар-Вилойята Гулям Хайдар-хана какой бы то ни было опоры. Абдуррахман-хан отнюдь не геройствуя на полях сражений, продолжал рассылать письма, приближаясь с каждой неделей незаметно к своей конечной цели, хотя и продолжал находиться где-то в стороне, в бадахшанском захолустье. Именно в этом и был его блестяще продуман-

ный ход, приведший не к прославленным святыням Мазари-Шарифа, не к гиндукушским перевалам, ведущим в Кабул, а всего лишь в самый отдаленный от событий в стране Бадахшан.

Мы так подробно остановились на мотивировке замысла Абдуррахман-хана потому, что ключ к его расшифровке во многом дает такой еще недостаточно введенный в обиход источник, как список «Тарих-и Бадахшон». В свете этих данных донесения капитана Арендаренко приобретают еще большее значение и заслуживают самого серьезного внимания историков. Поэтому публикация его журналов своевременна и полезна.

Однако необходимо остановиться на некоторых частных недостатках этих документов. В первую очередь надо отметить нечеткую транскрипцию топонимов. Также надо предостеречь исследователя и от другой крайности — от увлечения пресловутой «правильностью» написания терминов, которая нередко приводит к абсурду. Необходимо так передавать названия (топонимы), как они произносятся в данной местности, ибо реальные топонимы местных жителей зачастую весьма далеки от «теоретически правильных» измышлений, поэтому в географическом указателе мы отмечаем и широко принятые народные названия.

В известной мере то же самое можно сказать и об именах. В Бадахшане часто встречается как частица имени слово «ша». Произносится это слово в Бадахшане как «шо» (в Шугнане — «ха»), а у нас транскрибируют «шах», «шох». Поэтому в прилагаемом указателе имен бадахшанскую частицу «шо» передаем так, как говорят в Бадахшане.

Сделаем еще общее замечание о маршруте, по которому следовал Абдуррахман-хан из Ташкента в Бадахшан. Отрезок пути от Ура-тюбе до пределов Бухарского ханства описан отнюдь не таким, каким он был в действительности. Например, между селениями Обурдон и Вишаб перевала нет. Арендаренко, видимо, пользовался неточными расспросными сведениями, и поэтому овринг около Вишаба превратился в перевал.

Абдуррахман-хан после неудавшейся попытки увидеться с эмиром бухарским направлялся именно в Бадахшан. От Дербента ему был открыт путь к границам Чар-Вилойята, но Абдуррахман-хан не отклонился от маршрута, ведшего к Бадахшану. Его финишная прямая началась от Денау и все время шла параллельно границе до самого Куляба. Зато первый участок маршрута кажется непродуманно-замысловатым: Ташкент. Ходжент, Ура-Тюбе, перевал Обурдон, селение Обурдон, Урмитан, Матиан, Фараб, Джаус (см. прилагаемую схему). До Обурдона путь шел естественно на юг, в сторону границ Бадахшана. Но от Обурдона хан резко повернул на запад, до селения Джаус (в пределах Бухарского ханства). Потом опять курс изменился к югу и только от Дербента свернул на восток.

Из Ура-Тюбе шла старинная караванная тропа к Кулябу через перевалы Шахристан и Анзоб. Эта тропа, известная более двух тысяч лет, ровно в два раза короче пути, проделанного Абдуррахмана-ханом. Значит, у него была определенная цель сделать такой крюк. В Фарабе у Абдуррахман-хана был довольно длительный отдых. Можно предположить, что еще из Урмитана Абдуррахман-хан послал в Самарканд гонца с письмами сардарам Мухаммад Исхак-хану, Мухаммад Сарвар-хану и Абдул Кудду-

хану. От Урмитана до Самарканда три обычных перехода для всадника. Гонец мог прибыть в Самарканд в тот же день, когда Абдуррахман-хан со спутниками прибыл в Фараб. Предположительно это было 22 декабря 1879 г.

По словам Г. А. Арендаренко, из Самарканда через Джам на юг, к афганской границе, выступил отряд во главе с тремя афганскими сардарами. Устная традиция 20-х годов XX в. указывала, что другой отряд (по-видимому, челядь Абдуррахман-хана) за два дня до выступления сардаров направился через Ургут в Фараб к Абдуррахман-хану. Прямая тропа через Ургут и перевал Акбаи Джума была пригодна для всадников, которые покрывали этот путь за два перехода (70 верст). Абдуррахман-хан, однако, не спешил выступать из Фараба. Он еще из Урмитана послал вперед конного курьера в Шахрисябз с письмом к эмиру Бухарскому. Ответа он ждал в Фарабе.

Насколько известно, эмир Музаффар письменно не ответил Абдуррахман-хану, и тогда Абдуррахман-хан, поняв, что эмир бухарский не намерен принимать участие в его делах, окончательно решил двигаться в Бадахшан. Именно такова была причина, заставившая Абдуррахман-хана двигаться не прямо на Куляб из Ура-Тюбе, а сделать этот очень большой крюк. Ему, очевидно, надо было подать сардарам сигнал к действию, и к тому же он рассчитывал повидаться с эмиром Музаффаром. Можно предположить, что если бы эмир согласился оказать ему поддержку, то Абдуррахман-хан мог бы рискнуть перейти в Чар-Вилойят, имея позади такую солидную страховку. Увидав же, что эмир не хочет вмешиваться в чарвилойятскую авантюру, Абдуррахман-хан окончательно избрал бадахшанский вариант. Этим и объясняется строгая целеустремленность его маршрута на Куляб.

Очевидно, только так можно прокомментировать особенности маршрута Абдуррахман-хана, приведенные в журналах Г. А. Арендаренко.

А. В. Станишевский

ЖУРНАЛЫ КОМАНДИРОВОК КАПИТАНА Г. А. АРЕНДАРЕНКО В БУХАРСКОЕ ХАНСТВО

№ 1

18 января 1880 г.
г. Шахрисябз.

8 января было доставлено почтой из Ташкента все официальное, необходимое для исполнения командировки.

Решено было выехать из Самарканда в воскресенье, 13-го числа, и следовать в Шахрисябз (место временного пребывания бухарского эмира) с ночлегами в Кара-Тюбе (26 верст от Самарканда) и Китабе (33 версты от селения Кара-Тюбе Зеравшанского округа), о чем послано предупреждение волостному управлению и бекам.

13 января дана телеграмма [1] в Ташкент чиновнику по дипломатической части при туркестанском генерал-губернаторе о том, что я выехал в полдень, имея с собой 9 казаков-уральцев при одном уряднике, 2 переводчиков, 1 переписчика и 12 джигитов-туземцев.

Следуя в точности предложенному маршруту, 14-го числа, в полдень, мы спустились со снежного перевала Тахта-Карача в долину Кашка-Дарьи и продолжали свой путь в пограничном Китабском бекстве в сопровождении 3 джигитов шахрисябзского бека, встретивших меня на границе Самаркандского отдела. Не доезжая 8 верст до селения Кайнар («кипящий»), где назначен был полдневный отдых в открытом поле, мне представился с почетными лицами Китаба известный Рахматулла-мирахур и передал приветствие бухарского эмира, пояснив при этом, что ему приказано сопровождать меня до Шаара. В Кайнаре парадировали встречею беки: Худойназар-парманачи Каратегинский, Рахманкул ишик-ага-баши Дарвазский [2], Яхшибек-токсаба — войсковой полковник и шигаул Аулья Кулыбек-мирахур — церемоний-мейстер двора эмира.

От Кайнара до ворот Китаба, около 8 верст, проехал в дворцовой коляске. В улицах Китаба, где проезжал верхом, народ встречал приветливыми поклонами.

[1] Не публикуется.
[2] Далее также Рахманкулбек, см. док. № 15.

Пред воротами цитадели караул сарбазов, при офицере, отдал честь под звуки какого-то нестройного марша.

Церемониймейстер и брат бека пригласили сойти с коней и пройти, как полагается, чрез дворцовый дворик. У самого портика дворца был отдан салям казиями и почетными горожанами.

Проводившая меня в приготовленные покои почетная публика поспешила доложить, что в этих помещениях, состоящих из анфилады громадных богатых сакель, останавливается сам хазрат, а частные сведения разъяснили, что дворцовое помещение это отведено по личному приказанию самого эмира.

Исправляющего должность китабского бека мне не пришлось видеть, так как, при совместном исполнении им и обязанностей заведующего дворцовыми конюшнями (мирахур-баши), этот махрам (придворный) Мир Сеид считается беком номинально (аманат), а в действительности делами ведает брат его Рахманкулбек.

Обильный дастархан подан обычным приемом — целою вереницей прислуг. Угостившись, сколько позволял бухарский этикет, беки и чиновники отправились «сушиться» (от самого Кайнара преследовал сильный дождь).

В 7 час. вечера, спросив разрешения, заявился Рахматулла-мирахур. Беседуя без посторонних, но чрез переводчика, он, между прочим, высказался, что слышал о моей командировке еще в Ташкенте, что эмир собирался уезжать из Шахрисябза и остался только в ожидании близкого приезда, который его очень «озабочивает (тародуткасонадур), так как толков было много».

На мой вопрос, какие же были толки, Рахматулла-мирахур разболтался откровенно, что в последнее время в зеравшанском начальстве поселилось недоверие к бухарскому правительству, что единственным поводом к такому недоверию был эпизод с Ширмухаммад Газни, которого не высылали долго в ожидании случая отправить с более надежным лицом, что других оснований недоверия и быть не могло, так как зеравшанскому начальству приходилось нередко и самому убеждаться в неосновательности некоторых наговоров, вроде, как он привел обвинения в последние дни (?) в насильственном увозе из Самарканда беглого сарбаза. При этом Рахматулла-мирахур рассказал весь этот эпизод с последовательной точностью, проговорившись, что подробности о нем дошли в Шахрисябз через некоего Абдураим-кайрака (проныра), числящегося при шахрисябзском беке и проживающего постоянно в Самарканде.

Защищая в таком тоне с аргументацией безупречность своего правительства во внешних отношениях, Рахматулла-мирахур увлекся до того, что вспомнил о поездке в Бухару

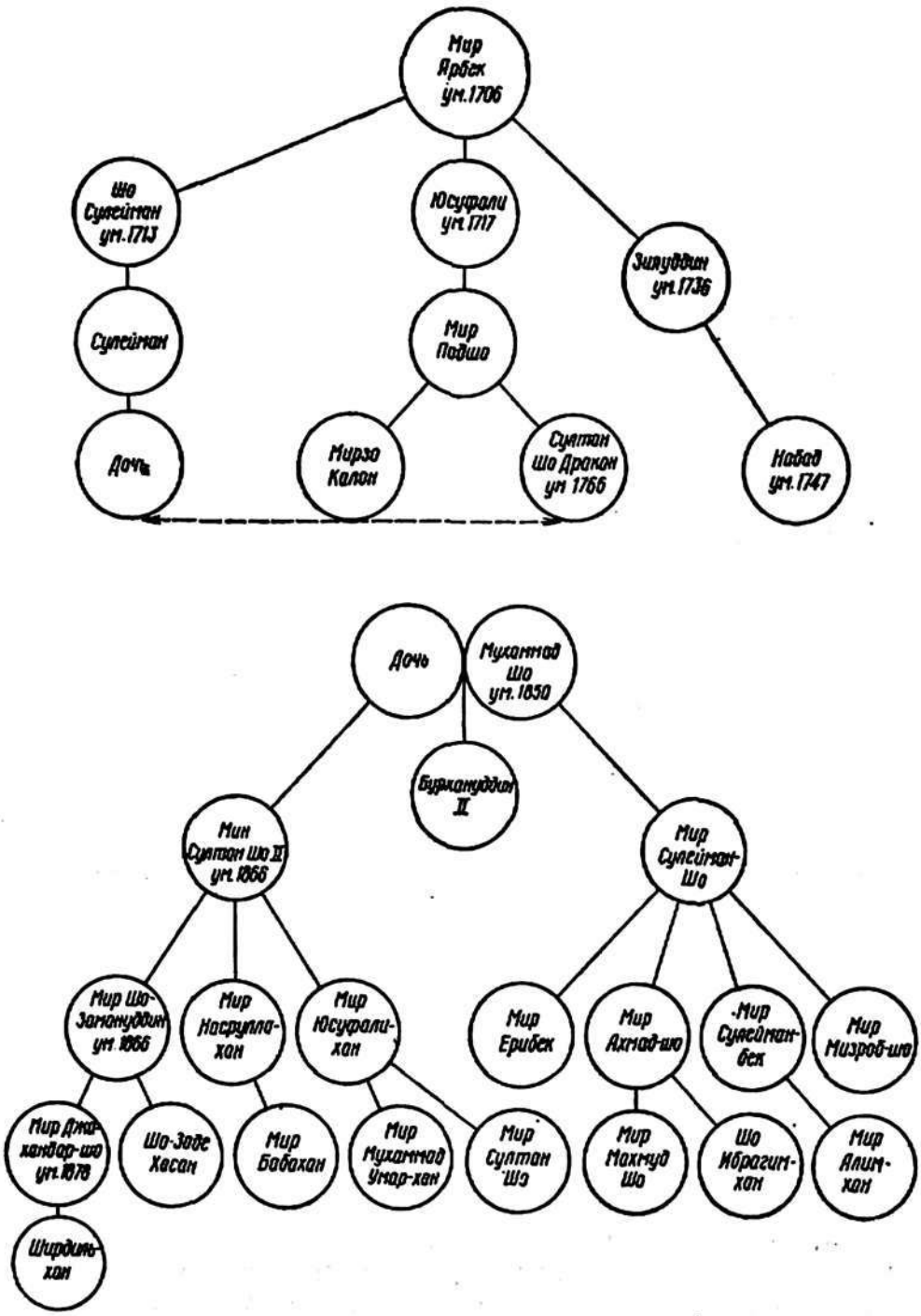

Схема родословной бадахшанских миров

в 1877 г. капитана Шпицберга (ныне полковник) и о добытых им чрез «сомнительных людей» (привожу выражения) неверных результатах, крайне обидных для бухарского правительства. Из каких источников черпнул Рахматулла-мирахур о результате поездки г-на Шпицберга, остается неразъясненным.

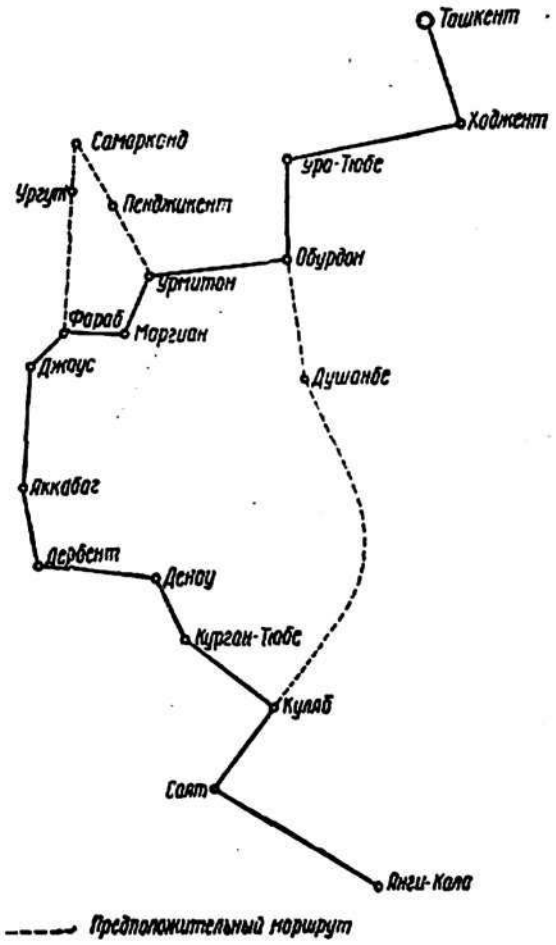

Схема маршрута Абдуррахман-хана

В этой же вечерней беседе Рахматулла перешел затем к вопросу об Абдуррахман-хане, высказав, что бухарский эмир озабочен сомнением, следует ли ему пропустить его и Исхак-хана обратно в русские пределы в случае неудачи этих сардаров, неудачи, которая, по мнению эмира, вполне вероятна, хотя точных сведений о действиях сардаров еще не имеется.

Из рассказов Рахматуллы-мирахура о событиях в Северном Афганистане, после вторичного занятия англичанами Кабула, можно было подметить, что виды бухарского правительства на Чар-Вилойят не окончательно потухли, что ожидание неблагоприятного исхода планов Абдуррахман-хана поддерживает в эмире надежду получить разрешение воспользоваться предложениями Гулям Хайдар-хана Мазари-Шарифского, в искренность которых эмир вполне верит, надеясь, что ни военных затруднений, ни политических осложнений такое присоединение не вызовет.

В той же вечерней беседе в Китабе, при всем старании Рахматуллы-мирахура услышать лично от меня о цели моей командировки, ему удалось получить ответ, что цель моего приезда сделается известной после моего представления эми-

ру. Очевидно, такая сдержанность заинтриговала бухарского чиновника от дипломатии, и, вероятно, самого джаноби-али настолько, что по приезде в Шахрисябз (ехал в коляске до самой квартиры, сопровождаемый огромной вереницей беков) шигаул и затем Рахматулла-мирахур обратились ко мне с просьбой передать им письмо господина туркестанского генерал-губернатора для доставления эмиру. Когда я категорически объявил, что письмо передам лично (так и означено), то шигаул немедленно сократился, а Рахматулла-мирахур попытался еще аргументировать, что все предшествовавшие посланники передавали письма через него так же точно, как посланцы эмира вручают письма к господину генерал-губернатору чиновнику по дипломатической части, что это делалось так ввиду того, чтобы эмир мог говорить на аудиенции по содержанию письма, буде в нем идет речь о каком-нибудь деле. На это было заявлено, что я надеюсь иметь по делам не одну аудиенцию, а несколько, и при этом было выражено желание быть принятым эмиром на другой же день в 12 часов.

Оставив мою приемную, в которой с обильным дастарханом распорядились беки-спутники и явившийся с визитом очень парадный и симпатичный начальник Шахрисябзского бекства Абдуджалил-инок, Рахматулла-мирахур и шигаул возвратились через полчаса с ответом желания эмира принять меня в 12 час. 16 января.

Вечером 15-го числа тот же бухарский дипломат снова закидывал вопросы о цели моего приезда, о Чар-Вилояте и о том, пишет ли в Ташкент и Самарканд Абдуррахман-хан и с кем посылает письма.

Получив на все подобающие ответы, Рахматулла-мирахур высказался экспромтом, что бухарское правительство охотно *вызвалось бы доставлять к нам корреспонденцию сардаров*, которых дела окончатся, вероятно скоро, полной неудачей.

16-го числа, в $11^3/_4$ часа солнечного дня, церемониймейстер, шигаул и Рахматулла-мирахур следили по часам в моей приемной комнате минуты расчета выезда так, чтобы быть во дворце ровно в 12 час. Нетрудно было и согласовать условленную точность, так как квартира моя в 200 саженях от цитадели.

Парадный кортеж в несколько десятков конных выехал со двора при салюте почетного караула и двигался медленно по узкой, но очищенной от грязи улице квартала Якка-Чинар и главного городского базара, где толпы туземцев приветствовали усердным салямом, а любопытные группы оборванных сарбазов сниманием своих низких барашковых шапок.

На площади Регистана почетный караул при офицере в русских генеральских эполетах (*чин офицера* — капитан) отдал воинскую честь русской командой: «На плечо, на кра-

ул!», а построенные на правом фланге, в одну шеренгу, ротные командиры (всего до 60 человек), все в русских штабофицерских эполетах, держали руки как бы под козырек, кто как сумел. Под самой аркой дворца, где мне пришлось сойти с лошади, стояли густыми шпалерами по одной стороне старшие воинские чины в парадной форме (красные и синие камзолы суконные с эполетами, низкая барашковая шапка и шашка или топорики — по званию), каждодневно просиживающие здесь несколько часов, чтобы отвесить отсюда через большой двор глубокий салям высокому повелителю, когда он покажется в приемной комнате своего дворца.

Не нарушая обычного этикета, столь много значащего у бухарцев, я прошел пешком в сопровождении двух щеголеватых удайчи (личные адъютанты эмира), а также притаившего дыхание шигаула и Рахматуллы-мирахура ту часть двора, на которую ни один смертный не дерзал въезжать верхом. Оставив всех цереможниймейстеров у подножия террасы, я поднялся по ступенькам небольшой кирпичной лестницы только с переводчиком Камалетдиновым.

Среди огромной залы, оклеенной обоями и устланной паласом соответствующих размеров, на широком кресле, обитом кумачом, сидел в шубе, покрытой канаусом, повелитель ханства — красивый, пухлый, солидный годами брюнет, с мягкими темно-карими глазами, с небольшой узбекской бородой, с спокойными манерами.

Ответив на мой поклон беглой улыбкой и пожатием руки, проговорив скороговоркой: «Хош килыпсиз, сизны кильганы коп хурсан мин» («Добро пожаловать, рад Вашему приезду»), Музаффар-хан указал мне единственное в комнате кресло, прислоненное к стене так, что я сидел против него в трех шагах по диагонали, а переводчик стоял насупротив эмира.

Безмолвно, с непрерывным покачиванием головы и с улыбкой удовольствия прослушал бухарский эмир приветствия, переданные ему мной от имени господина туркестанского генерал-губернатора [3]. А в этом молчании, в этом непрерывном покачивании головы вся внешность отражала какое-то беспокойство, какое-то неудержимое волнение, обозначавшееся даже легким дрожанием пухлых красивых рук.

Полудрожащим голосом эмир, спросив о здоровье г-на генерал-губернатора, выразил прежде всего удовольствие обмену сношений, а затем взволнованно повел разговор о том, что никаких секретов в его сношениях нет, что он всегда одинаково искренен, всегда заботлив в выполнении всех требований русского правительства, как обязанный очень многим

[3] Переданное письмо не читалось при мне, а подарки приняты шигаулом (прим. док.).

генерал-губернатору, что на свете все тленно, век скоропреходящий, и нет у него целей, нет желаний стремиться к тому, что не согласуется с видами дружественного соседа, что добрые отношения с его стороны всегда останутся прочными, как бы ни стремились омрачить их наговорами.

Той же скороговоркой, с теми же порывистыми движениями Музаффар-хан обрывисто перешел к рассказу, что «того» (подразумевается Ширмухаммад) афганца, после заявления им предложений, будто бы от англичан, считал полоумным и воздерживался выслать в Самарканд, ожидая, что, может быть, он только нечаянный вестник скорого прибытия действительного английского агента, которого, конечно, непременно выдал бы [4].

Далее Музаффар-хан говорил: «12 лет я веду сношения с ташкентским генерал-губернатором, я обязан высокому (джаноби) генералу всем, я уважаю генерала за добрую искреннюю дружбу настолько, что когда в его последнее отсутствие из Ташкента в Петербург прошел слух, что он не возвратится, то я намеревался отправиться в Мекку и кончить там свои дни. Повторяю, что, кроме искренней дружбы, кроме желания быть всегда в добрых отношениях, ничего и быть у меня не может. Прожил я достаточно, испытал много, осталось, может статься, жизни 4—5 лет, к чему мне стремиться к планам каких-то сношений, в которых меня, не знаю почему, подозревают. Благодаря доброму искреннему соседству генерал-губернатора, живу спокойно, владения благоденствуют, к чему же мне „те“ (подразумеваются англичане), чтобы самому сделаться Ширали-ханом?»

Успокоившись несколько моими ответными уверениями от имени г-на туркестанского генерал-губернатора, эмир позволил мне откланяться и, пожимая руку, сказал: «Рад, признателен, что прислали Вас, будьте же добрым гостем здесь и в Бухаре».

Поблагодарив Музаффар-хана и еще за такую добрую приветливость, я оставил аудиенц-зал и пока направлялся к выходной двери эмир нашептывал скороговоркой присевшему на корточках, по этикету саляма, сарту Камалетдинову: «Если спросят и тебя о нас, расскажи что знаешь [5], правду расскажи».

Так иллюстрировалась и речью эмира, и заключительным эпизодом уговаривающего обращения к простому переводчику, та чрезвычайная напуганность эмира, которая, вероятно, имеет за собой несомненно веские прецеденты.

На удивление всем придворным, моя аудиенция с эмиром

---

[4] См. док. №№ 10, 17.

[5] Переводчик этот часто бывал по службе в Бухарском ханстве (прим. док.).

продолжалась ровно полчаса, хотя она была только того содержания, как здесь приведена.

Эмир говорил со мной частью через переводчика по-персидски, частью мне приходилось отвечать ему по-тюркски, чему он был очень доволен.

Озабочиваясь, однако, чтобы ответная речь по переводу уяснилась бы для меня дословно, Музаффар-хан подослал ко мне на другое утро Рахматуллу-мирахура как бы осведомиться, все ли правильно передано переводчиком. Воздерживаясь вообще от многоговорений с Рахматуллой, единственно, впрочем, имеющим значение при эмире (Дурбинбий = нулю), я уклонился и от ответа на вопрос: «Какую милость слышали от хазрата?» Тогда Рахматулла сказал мне прямо[6]: «Хазрат интересуется знать, все ли правильно передано Вам переводчиком; вчера он призывал меня к себе вечером, задавался этим вопросом и повторил мне то, что сказал Вам».

Воспроизведенная за сим Рахматуллой речь эмира так согласовывалась последовательно с подлинником, что я не мог сомневаться в справедливости слов мирахура, еще раз убедился в его систематически укрепляющемся значении при эмире.

Если меттерниховская заповедь где и может пожинать плоды, так это здесь. Малоговорение производит на бухарцев какое-то обаятельное действие и развязывает их языки почти настолько, насколько требуется. Рахматулла-мирахур, заявляясь ко мне каждодневно, подает сильные надежды обратиться в болтуна, косвенно полезного для моих задач. Пока могу сказать, что разведочное дело началось хорошо и обещает удовлетворительные результаты, о которых до следующего журнала.

Капитан Арендаренко
18 января 1880 г.,
пятница,
г. Шахрисябз.

На препроводительном рапорте к журналу имеется резолюция К. П. Кауфмана: «Журнал отослан Н. А. Маеву, по возвращении от него дать прочесть А. Я. Фриде, 23 января 1880 г.».

Д. 451, лл. 16—22.

---

[6] Разговор шел по-турецки, без переводчика (прим. док.).

№ 2

20 января 1880 г.
г. Шахрисябз.
«Экстренный».

На аудиенции, данной мне бухарским эмиром, мною было выяснено [1] Музаффар-хану отношение русского правительства в Туркестане к стремлениям афганского сардара Абдуррахман-хана воспользоваться положением дел в Афганистане.

Согласно пунктов 7 и 10-го данной мне инструкции [2], этой же аудиенцией была намечена эмиру необходимость выжидать дальнейшего расположения событий в Северном Афганистане, игнорировать предложения Гулям Хайдар-хана Мазари-Шарифского, как сомнительно искренние не предпринимать никаких военных действий против Чар-Вилойята.

Музаффар-хан словоохотливо высказал, что «тот» (Абдуррахман-хан) едва ли что-нибудь сделает для себя, в счастливом случае займет Бадахшан, но подчинить узбекский Афганистан ему будет трудно. «Я же, — говорит эмир, — конечно, буду действовать так, как посоветует мне мой добрый сосед туркестанский генерал-губернатор. Ни в чем не буду и отклоняться от указаний высокого генерала, а разъяснять вам все подробности из моих сношений с правителем Чар-Вилойята уполномочиваю своего гулями-давлатхана — невольника (Рахматулла-мирахура)».

Этот, весьма близкий к эмиру гулями-давлатхан, докладывая своему хазрату каждодневно все заслушанное, действительно посвящается во все политические дела и слушать его взгляды на вопросы внешних отношений — значит слышать самого эмира.

Вот что «разъяснял» мне Рахматулла-мирахур вечером после аудиенции: «В успехах Абдуррахман-хана мы сомневаемся, действует он крайне медленно, людей и оружия не имеет, чарвилойятское население едва ли отзовется к нему, ничего не сделавшему хорошего, а Бадахшан также может не пожелать возвратиться под управление афганцев; с другой стороны, Исхак-хан действует без успеха и, преследуемый от Ахчи отрядом афганцев Гулям Хайдар-хана, скрывается в степи Андхоя без приверженцев. Действия последнего сардара навлекли неудовольствие чарвилойятского правителя и на нас. Отряд Гулям Хайдар-хана требует от керкинского бека выдачи всех туркменов ахчинских, действовавших с Исхак-ханом и разбежавшихся после преследования.

---

[1] Так в документе; следует: объяснено.
[2] Не публикуется.

Можем опасаться нападений возмездия афганцев на Керки, можем также ожидать, что Сары-хан под соблазном попыток Абдуррахман-хана попытается и сам из Кундуза [двинуться] против Куляба. При таком положении дела, эмир полагал бы необходимым, для более прочного обеспечения спокойствия окраин собственных владений, сделать следующее: войска Керкинского бекства усилить отправкой туда из Карши 1000 сарбазов, для сдержания же Сары-хана и для побуждения Султан Мурада Кундузского к выдаче этого мятежника демонстратировать сосредоточением в Больджуане отряда в 3000 человек из войск Гиссара и Куляба [3]. По мнению хазрата, меры эти дали бы косвенную поддержку и делу Абдуррахман-хана.

Эмир задается, однако, вопросом, может ли он пропустить обратно сардаров в русские пределы в случае неудачи их. В случае неудачи Абдуррахман-хана и при согласии туркестанского генерал-губернатора эмиру кажется возможным занять Чар-Вилойят без всяких затруднений, потому что узбекское население давно тяготеет к бухарским владениям, [что] давно заявлялось депутациями о подданстве, а Гулям Хайдар-хан предлагает свои услуги, сознавая бессилие держаться с наличными войсками, повсюду разбросанными. Эмир верит Гулям Хайдар-хану на основании писем его и донесений эмирского посланца Касым-ходжи, который сам видел в Мазари-Шарифе движение в пользу бухарского правительства как со стороны правителя, так и со стороны населения.

Так смотрит на дело хазрат,— закончил Рахматулла,— но джаноби-али будет ждать совета генерал-губернатора и о выставлении отрядов, и о присоединении Чар-Вилойята».

Понимая в намерении Музаффар-хана выставить отряды в Керки и Больджуан не цель «косвенного содействия Абдуррахман-хану», а уловку стремления, в случае неудачи сардаров, ввести войска в Северный Афганистан, хотя бы под оправданиями отражения притязаний афганцев на Керкинское бекство и более действительного воздействия на кундузского управителя — мятежника, я действовал пунктом 7 инструкции. Разъяснив Рахматулле, что предвидеть исход предприятия Абдуррахман-хана невозможно, что Чар-Вилойят надо предоставить самому себе, пока не выяснятся дела и с севера, и с юга, я высказал, что угрозы афганского отряда Керкинскому бекству останутся, наверно, бессильными угрозами, как и сосредоточение отряда в Больджуане может

[3] По собранным сведениям, в Кулябе и Гиссаре содержится до 6000 сарбазов наукаров при 12 орудиях, в Керки — 360 сарбазов наукаров с 2 орудиями (прим. док.: «наукаров» приписано рукой Арендаренко).

остаться бессильной мерой относительно Султан Мурада Кундузского.

Однако этим журналом намечены вопросы, ожидающие указаний.

Капитан Арендаренко
20 января 1880 г.,
воскресенье,
г. Шахрисябз.

Д. 451, лл. 29—32.

№ 3

25 января 1880 г.
г. Шахрисябз.

Посылкой 1 января разведчиков-туземцев, при десятидневном личном пребывании в северной части Бухарского ханства, о действиях афганских сардаров Абдуррахман-хана и Исхак-хана с Сарвар-ханом и Куддус-ханом [1] удалось собрать следующие достоверные сведения.

План старшего сардара Абдуррахман-хана, задавшегося, по-видимому, намерением восстановления в Афганистане своей ханской власти, занятие Чар-Вилойята с флангов, где отзывчивость туркмен и Бадахшана подавала, казалось, надежды для одновременного затем действия против центральной части Северного Афганистана, сдерживаемой энергичным наместником Гулям Хайдар-ханом из афганского племени вардак.

Для выполнения плана, в первой половине декабря 1879 г., сардары Исхак-хан, Сарвар-хан, Куддус-хан, Гияз-хан с бывшим правителем ахчинских туркменов Кок-мирзою направились, в числе до 67 чел. афганцев, из Самарканда через Джам Катта-Курганский, Касан Каршинского бекства, в Бурдалык отдельного ведомства.

После двухдневного отдыха здесь, оказавшегося необходимым и для подготовления слухами кочевников, Исхак-хан переправился на левый берег Аму-Дарьи в кочевья туркменов из племени эрсари, подведомственного в наибольшем числе (до 35 тыс. кибиток) Бухаре, по занимаемой этими *номадами* [2] *территории в 260 побережных верст от Кабаклы* до Буссога.

Эрсари... ожидая не славы и почестей, конечно, а хищнической добычи, сразу усилили контингент сардаров на 200 конных. При дальнейшем движении Исхак-хана от Бур-

[1] Куддус-хан с братом Гияз-ханом Султаном Магометханом прибыл в Самарканд из Кабула в начале декабря 1879 г. (прим. док.).
[2] Кочевники.

далыка, где он переправился вверх по левому берегу Аму до Керки, останавливаясь вне оседлостей, партия эта усиливалась десятками конных и в Керкине дошла до 400 чел., получавших от старшего сардара по 40 и по 80 коп. дневных[3].

После двухдневной стоянки в Керкине, привлекшей внимание и ахчинских туркменов, Исхак-хан двинулся всей партией к туркменской ставке Буссога Ахчинского бекства.

На пути этого движения некоторым влиянием своего сотрудника Кок-мирзы, управлявшего когда-то ахчинскими туркменами, сардару удалось привлечь к себе и еще сотню конных с Тилля-токсабою (подполковник), эрсаринцем, враждебным бухарскому правительству.

Рассылкою эмиссаров и писем-воззваний в разные пункты ахчинского района Исхак-хану вначале как будто бы и отзывалось [улыбалось] счастье. В Сеидабаде, большой узбекской ставке, в 26 верстах на север от Ахчи, его приняли дружелюбно, к нему присоединились изменой своему правительству до 120 чел. афганцев Ахчинского гарнизона, его подговаривали немедленно осадить Ахчу.

Но вся толпа в 600 конных невооруженных хищников могла составлять для дела только обманчиво нравственную поддержку; как материальная военная сила она равнялась нулю, вредя делу грабежами, примеры которых были весьма часты и в главной колонне, и в рекогносцировочных партиях сардаров Куддус-хана, Гияз-хана и Кок-мирзы.

По-видимому, Исхак-хан понимал свою слабость, оставался 4 дня в Сеидабаде и не решался войти, как ему предлагали, в Ахчу, ожидая там ловушку, для подготовления которой к нему и дезертировали афганцы гарнизона крепости.

Не предпринимая никаких активных действий, кроме охранения крепости, комендант Ахчи, бек Гулям Реза-хан, сдерживал население, обещая скорое прибытие подкреплений.

Действительно, в третий день слухов в Ахче о занятии Исхак-ханом Сеидабада в бекство это вступил балхский отряд Мухаммад Шах-хана (брат Гулям Хайдар-хана) из 1000 чел. конных при 4 орудиях.

8 января сардары энергично спешили отступлением к Керкине, преследуемые балхским отрядом и частью гарнизона Ахчи до ур[очища] Керкине-хожда Соляр, Бухарского бекства[4], в 26 верстах от Керкине, где остановились едва отступившие в самом незначительном числе.

Прекратив преследование, отряд Мухаммад Шах-хана проследовал обратно на Хамйяб Ахчинского бекства, наказал строгими мерами сеидабадцев за принятие сардаров и послал керкинскому беку требование возвращения туркменов

---

[3] См. док. №№ 13, 24.

[4] Так в тексте. Имеется в виду Бухарское ханство.

хамйябских и сеидабадских, откочевавших в названное бекство и напуганных событиями.

Не оставаясь долго в Керкине, вследствие угроз местных туркменов, опасавшихся нападения преследователей, Исхак-хан, оставшись только с горстью своих афганцев и с несколькими десятками туркменов Тилля-токсабы, всего в числе 120 конных, направился в степные кочевья к стороне Андхоя, оставил след своего пребывания в левобережном Бухарском бекстве насильственным угоном у населения 2 тыс. баранов [5].

Дальнейших сведений о действиях Исхак-хана пока не имеется.

О движении главного сардара Абдуррахман-хана на правый фланг Чар-Вилойята известно, что оно открылось выступлением декабря 1879 г. [6] из Ура-тюбе хорошо вооруженной партии афганцев в 110 конных с небольшим вьючным обозом.

Не будучи в состоянии выполнить предположенного маршрута следования через загроможденные снегом перевалы Оббурданский, Дархский, Зигды или Мура в Зеравшанских горах, Абдуррахман-хан двинулся Босмондинским ущельем и прошел сравнительно легкий перевал Вишаб (10 тыс. фут.) в Туркестанском кряже, поморозив часть людей.

От селения Вишаб, на правом берегу Зеравшана в Фальгаре, Зеравшанского округа, усталые афганцы медленно двигались вниз по карнизам Зеравшана к Урмитану. Пройдя отсюда несколько нелегких перевалов в Кштутских горах, сардар остановился на несколько дней в Магиано-Фарабе [7] столько же для отдыха после перехода горами 320 верст от Ура-тюбе, сколько и для других целей. Абдуррахман-хану почему-то казалось необходимым послать в Шахрисябз бухарскому эмиру вопросы: «Может ли он, сардар, проследовать через бухарские владения, не сочтет ли Музаффар-хан возможным принять его, сардара, в Шахрисябзе».

Бухарский эмир был крайне удивлен содержанием письма, на которое не отвечал, а велел Дурбинбию уяснить посланному Абдуррахман-хана, что пропуск его обеспечен предупреждением из Ташкента, [что] принять его он не может, так как это было бы несообразно с содержанием предупреждения, гостеприимством же не откажет, прося предупредить, каким путем будет двигаться, для своевременного отдания приказаний амлякдарам.

Абдуррахман-хан крайне обиделся тоном отношения к нему эмира и предупреждения не посылал, а 26 декабря пе-

[5] По другим сведениям, угон баранов сделан у кочевников андхойских (прим. док.).

[6] Число в документе не указано.

[7] *Так в тексте.*

решел бухарскую границу и ночевал в селении Джауз, Китабского бекства, встреченный все-таки гостеприимством местных туземцев. Далее маршрут движения сардара через Бухарское ханство идет так: киш. Ходжа-Имхона (16 верст), г. Яккобаг (24 версты), Ярты-тюбе (40 верст), Кара-Хавар (48 верст), Дербент (42 версты), Ямчи-Рабат (32 версты), Чашма-Хофизон (40 верст) [8], Денау (32 версты), Курган-тюбе на левом берегу Сурхаба [9].

На пути движения Абдуррахман-хана в бухарских бекствах к нему присоединилось 70 чел. афганцев, частью из сарбазов эмира, частью из бедняков, случайно проживавших в городах. Каждый получал лошадь, кое-что из оружия и на дневное довольствие 30 коп.

Были намерения присоединиться к сардару и в других сарбазах, но бухарское правительство приняло меры и уговариваний, и угроз.

При трудности теперь сообщения Куляба-Бадахшана с Шахрисябзом сведения получаются здесь на двенадцатый день скорой конной езды, и 17 января мне было известно от поставленного в Курган-тюбе разведчика, что население Бадахшана холодно относится к делу Абдуррахман-хана, что старший бек Шах-заде Хасан Файзабадский и бек Рога [10] не намерены уступить свою власть, и только близкий к сардару бек Рустака Умар-хан подает как будто надежды присоединиться. Затем получено сведение, что сардар Абдуррахман-хан с 260 конными прошел через Саят Кулябского бекства, переправился на левый берег Пянджа и занял маленькую крепостцу Янги-кала (новая крепость построена в 1866 г.), бекства Рустакского в Бадахшане.

Одновременно с движением Абдуррахман-хана на левый берег Пянджа, правитель Рустака и всего этого бекства, потомок бадахшанского мира, Умар-хан, когда-то проживавший на жалованьи Абдуррахман-хана, оставил Рустак и направился почему-то в Куляб.

Абдуррахман-хан остается еще в Янги-кала, получая сведения о несочувствии ему бадахшанцев Рустака.

Вероятность успеха претендента на Афганистан обусловливается столько же размерами материальных военных и финансовых средств, сколько личными его качествами и зависит в большей степени от современного положения дел в Северном Афганистане и в Бадахшане.

Для уяснения политического положения теперь всего Чар-Вилойята и Бадахшана, по имеющимся точным сведениям, считаем не лишним бросить предварительно беглый взгляд

---

[8] Так в тексте; следует: между Кара-Хаваром и Дербентом.
[9] В документе ошибка; следует: на берегу р. Вахш.
[10] Беком Рога был Мир Султан, сын Абдуллы-хана.

на прошлую историю этих двух областей. Сначала о Бадахшане [11].

Занимая среднее течение рр. Пяндж, Шах-Дарья, Кукча [12], страна эта, никем серьезно не исследована еще, остается мало известной в географо-этнографическом отношении. Знаем только, что главные оседлости в ней Файзабад при р. Кукча в 10 т[ыс.] дворов с селениями Рустак в двух днях пути на юг от р. Пяндж, Рог с 8 т[ыс.] дворов, Джурум в верховьи р. Ютон [13], Махшад [14] при р. Гумбаз [15], Чагиоб [16] на Аму-Дарье. Затем подробное расположение более мелких оседлостей, группировка их административная остается гадательной и по географическим картам, и по расспросным сведениям, имеющимся у нас. Пользоваться таким сомнительным материалом мы и не станем.

Об этнографии Бадахшана можно сказать, что она довольно однообразна: таджики иранской народности, а может быть, и арийской расы — потомки воинов Александра Македонского, — в горах с названными оседлостями, небольшое число узбеков из племени могол, колух — в низине, южнее Рустака.

Историческая судьба Бадахшана совершенно тождественна с судьбой всех горных стран Средней и, пожалуй, Южной Азии. Труднодоступные для завоеваний, малопривлекательные бедностью природы, до столкновения с европейской силой, с расчетливым европейским влиянием, они чужды были событий, терзавших долину, чужды были этнографических переворотов, они сохраняли свою независимость удельного начала, они имели изредка счеты [и] потасовки только между собой. Так сохраняли свою независимость под управлением наследственных или узурпаторских ша, миров, беков горные гнездилища Куляб, Больджуан с Кафирниганом, Дарваз, Шугнан, Каратегин, Матча, Фан, Фальгар, Кштут, Магиан, занимающие горный водораздел бассейнов Аму-Дарьи и Зеравшана.

Хотя политический конгломерат этот и занимал порой внимание более могущественных соседей Бухары и Коканда, но, случалось, он не надолго подпадал их фактическому влиянию и легко отделывался от него, — восстановлял свою независимость.

---

[11] Слово «Бадахшан» происходит от персидского «дорохшан» — «блестящий» (прим. док.).

[12] Далее также Кукча-Дарья.

[13] Так в документе; следует: Юмгон.

[14] Так в документе; следует: Машхад.

[15] В документе ошибка. Машхад расположен на р. Кишм. В переводе слово «Гумбаз» означает купол, гробница и не может служить названием реки. В док. № 8 эта же река называется Мошот.

[16] Так в документе; следует: Чахи-Аб (местное произношение «Чайоб»). Расположен в 10 км от Пянджа в сторону Рустака.

Еще с большей стойкостью удерживал свою политическую самостоятельность географически уединенный Бадахшан. Управляясь из главного пункта Файзабада своими наследственными мирами, назначавшими в другие важные пункты (Рустак, Рог, Джурум) своих ближайших родственников, страна эта была не чужда пассивных посягательств со стороны чрезполосных соседей-афганцев. Но попытки кончались неудачами для афганцев, и наиболее страдавший от нашествия Рустак, еще при Замонэтдине, 20 лет назад, торжествовал свое освобождение после полуторамесячной осады.

В 1869 г. дела в Бадахшане принимают другой оборот. Жестокий, ненасытный обирательством своего народа, мир Джахандар-ша довел горцев своим притеснительным управлением до того, что они начали искать средств освободиться от его управления. Средства эти представились в интригах афганцев против Бадахшана, и, когда палтаны Ширали-хана подошли к Файзабаду, город этот скоро пал изменой ненавистников своего мира. Таким образом с 1869 г. Бадахшан лишился своей независимости, всеполно подпал под власть Афганистана, вошел в состав так называемой нейтральной зоны.

Влача десять лет подневольное существование, подвергаясь поруганиям, прямым и утонченным поборам [17] горсти несимпатичных, грубых пришельцев, горцы только и размышляли о том, как бы избавиться от их невыносимого ига.

Бадахшанцы заводили даже сношения с бухарским правительством, мечтавшим успокоить на этой горной стране свой аппетит по примеру присоединения Каратегина (1877 г.) и Дарваза (1879 г.). Дела, однако, располагались иначе. Претендентом на Бадахшан считал себя и сардар Абдуррахман-хан, не без цели, пожалуй, породнившийся с последним бадахшанским миром Джахандар-ша женитьбой (1872 г.) на его дочери. Окончательно уж чуждый Бадахшану, этот афганский принц хлопотливо поддерживает все время сношения с оставшимися там родственниками по жене (Султан Ибрагим), принимает некоторых к себе, выдавая им в течение 5 лет значительное содержание (Умар-хан, двоюрод[ный] бр[ат] Джахандар-ша), ведет, словом, тонкую интригу воспользоваться случаем и поханствовать.

В трудную для Афганистана годину, за полгода до переезда Ширали-хана в Мазари-Шариф, бадахшанцы усиливают свои сношения с интриганами через Султана Ибрагима (родственник Джахандар-ша), проживавшего в это время в Ку-

[17] Кроме прямых податей и разных произвольных, но приличных налогов, афганцы умудрились изобрести еще дань курпе-джума, выкуп любовного греха за проведенную, как принято у мусульман, супругами ночь с четверга на пятницу. Без всяких дознаний каждый бадахшанец платил еженедельно 40 коп. налога курпе-джума (прим. док.).

лябе. Этот Султан Ибрагим сносится, в свою очередь, с Абдуррахман-ханом, приезжает к нему на 2 недели и возвращается в Тарноб[18] Рустакский как раз одновременно с прибытием в Мазари-Шариф Ширали-хана. Открывшееся затем со смертью Ширали-хана (февраль 1879 г.) междоусобие в Северном Афганистане способствует планам узурпаторов.

Подготовив между бадахшанцами значительный контингент приверженцев, Ибрагим-хан удачно обманывает бадахшанских афганцев обещанием им скорого прибытия Абдуррахман-хана, одновременно вызывает главных военных лиц в Тарноб на совещание, обезоруживает их, занимает, после незначительного сопротивления, Рог и, усилившись здесь, двигается на Файзабад. Бек файзабадский и начальник афганских войск в Бадахшане Сеид Ахмед-хан[19] выступает против инсургентов с незначительным отрядом, проигрывает сражение и запирается в Файзабад, осажденный скопищами Ибрагим-хана.

Проведав о таких успехах бадахшанцев, некий Баба-хан[20] (родств[енни]к Джахандар-ша) бежал из Балха и присоединился к Ибрагим-хану.

Действуя своим знакомством с Сеид-Ахмедом, Баба-хану удается уговорить его бежать из Файзабада, после чего афганцы окончательно изгоняются, и Баба-хан остается управителем этого бекства, предоставив Султан Ибрагиму управление бекством Рог.

Вслед за этими легкими успехами первых авантюристов из Уч-Кургана Ферганского являются в Бадахшан претенденты на наследство Джахандар-ша, младший брат его Шахзаде Хасан[21] и вышеназванный Умар-хан.

Не имев желания делить с ними власть, Баба-хан оказал им сопротивление, но [так] как в Рустаке правил по назначению Баба-хана же брат Умар-хана Султан-ша, то учкурганским претендентам и удается занять Рустак.

После этого Баба-хан двигается против Рустака, проигрывает столкновение в местности Дошт Мозун и, оставив Файзабад, укрывается в Кургане Кишм. С этого времени управление Бадахшаном переходит к Шах-заде Хасану (в Файзабаде), Султан Ибрагиму (в Роге) и Умар-хану (в Рустаке). Узурпаторы распределили между собой бекства так, как сидели их предки.

---

[18] Населенного пункта с таким или похожим названием в Рустакском районе не было.

[19] Далее также Сеид-Ахмед.

[20] Далее также Мир Баба-хан.

[21] Осенью прошлого года к Шах-заде Хасану присоединился выпущенный эмиром из Бухары и младший брат его мир Алям-хан, но он пока никакого значения не имеет (прим. док.).

По последним сведениям, Баба-хан, укрывавшийся в Шугнане [22] под защитой правителя, родственника своего, снова вступает в Бадахшане на сцену уже в роли союзника Шах-заде Хасана, для противудействия сардару Абдуррахман-хану, к которому примкнул Умар-хан, правитель Рустака. Эти же сведения подтверждают, что бадахшанцы вовсе не расположены к планам Абдуррахман-хана и намерены сопротивляться [23].

Следующий журнал обрисует положение дела в Чар-Вилойяте по имеющимся и ожидаемым сведениям.

Капитан Арендаренко
г. Шахрисябз.

Д. 451, лл. 36—50.

№ 4

26 января 1880 г.
г. Шахрисябз.
«Экстренный».

Занятое очень положением дел в Чар-Вилойяте и предприятием Абдуррахман-хана, бухарское правительство, очевидно, не отрешается от планов или, в случае неудачи сардара, воспользоваться предложениями Гулям Хайдар-хана присоединить, с разрешения, Чар-Вилойят, или же, в случае успеха, истолковать таковой своим активным участием, приобрести тем расположение на севере и признательность на юге Абдуррахман-хана.

Осторожно, осмотрительно, стремясь к выполнению плана вмешательства в дела Северного Афганистана путем легальным, путем все ожидаемого совета (солах) господина туркестанского генерал-губернатора, эмирское правительство истолковывает теперь свои стремления другим предлогом, предлогом мрачного признака опасности для бухарских владений от присутствия в Кундузе известного Сары-хана (бывший правитель Куляба), подготовляющего, как будто бы по указаниям англичан, дело мятежного Катта-Тюре, имеющего якобы прибыть из Кабула [1].

Мне пришлось заслышать об этом вторично от Рахматулла-мирахура, который в сегодняшний утренний визит ко мне

---

[22] В данное время Шугнан под управлением родового ша Юсуф-Али вышел из-под вассальной зависимости Бадахшана (прим. док.).

[23] См. док. №№ 7, 11.

[1] Так истолковываемая цель прибытия в Кундуз Сары-хана разведками не подтверждается пока, как будет подробно уяснено журналом (прим. док.).

повел речь так: «Хазрат озабочен получить разрешение господина туркестанского генерал-губернатора приготовить, как будто к движению, войска в Куляб, чтобы заставить тем Султан Мурада Кундузского выдать опасного Сарыбека. Такая забота настоятельной является теперь, во-первых, потому, что Султан Кундузский, отложившись от Чар-Вилойята [2], отказал в требовании Гулям Хайдар-хана выдать Сарыбека, заявив, что Сарыбек прислан англичанами; во-вторых, и потому, что демонстрация дала бы теперь двойной результат: побудила бы Султан Мурада и помогла бы очень делу Абдуррахман-хана, которому Султан Кундузский уже заявил несочувствие. По мнению хазрата, — продолжал мирахур, — одно приготовление к движению отряда в Куляб подействовало бы на Султан Мурада для наших целей заполучить Сарыбека и в пользу дела Абдуррахман-хана, так как демонстрация наша была бы истолкована в Чар-Вилойяте намерением активно поддержать претендента. Не предпринимая теперь ничего в военных операциях до получения совета по высказанному хазратом взгляду, джаноби-али находит своевременным, ввиду занятия Абдуррахман-ханом Рустака, отправить Султан Мураду письмо-требование выдачи Сарыбека с пояснением, что в случае отказа будет дана поддержка Абдуррахман-хану. Было бы хорошо, как думает хазрат, если бы и ваш человек поехал в Кундуз с нашим человеком. Во всяком случае, желательно знать предварительно Ваше мнение», — закончил мирахур.

Обещав довести до сведения господина туркестанского генерал-губернатора заслушанные взгляды и предположения эмирского правительства, я высказался, что на дело сардара Абдуррахман-хана следует смотреть как на его личное дело, которому ни пассивных, ни активных влияний не требуется, поэтому современный и последующий ход событий в Чар-Вилойяте не должен озабочивать бухарское правительство до времени, когда совет господина генерал-губернатора, по ходу дел, окажется необходимым.

Повторив раньше высказанное мирахуру, что угроза пассивная иногда приводит к печальным последствиям неисполнения требования и ослабления влияния на лицо ответственное, я старался уяснить, что если уже опасение за Сары-хана велико, небеспричинно и посылка требования Султан Мураду признается необходимой [3], то письмо не должно содержать в себе ни угроз отрядом, ни намека на дело афганского сардара.

По-видимому мирахур понял совершенно мои разъяснения,

---

[2] Это — верно (прим. док.).

[3] По словам мирахура, ранее бухарское правительство не имело сношений с Султаном Кундузским (прим. док.).

удовлетворился взглядом на проект требования Султан Мураду, не удивился и решительному отказу моему послать одновременно в Кундуз своего человека.

Капитан Арендаренко
26 января 1880 г.
г. Шахрисябз.

На препроводительном рапорте к журналу имеется резолюция: «Сообщить капитану А[рендаренко], что взгляд, высказанный им Рахматулле-мирахуру, правилен».

29 января 1880 г.
Кауфман.

Д. 451, лл. 52—55.

№ 5

29 января 1880 г.
г. Шахрисябз.

После занятия, 8 января, сардаром Абдуррахман-ханом крепостцы Янги-кала, на левом берегу р. Пяндж, хотя настроение жителей этой части Бадахшана оставалось только созерцательным, но не сочувственным, тем не менее правитель Рустакского бекства Мир Умар-хан заблагорассудил почему-то удалиться из Рустака в Куляб бухарский с 300 своих приверженцев-наукаров. Узнав об этом, старший правитель Бадахшана Шах-заде Хасан поспешил из Файзабада в Рустак, одобрил здесь жителей сопротивляться афганскому сардару и, оставив защитником крепости Баба-хана, возвратился обратно в свое бекство. Абдуррахман-хан не медлил, двинулся к Рустаку с 280 конными, не встречая никакого сопротивления, и, к удивлению всех, был встречен в окрестностях города самим Баба-ханом с депутатами, униженно отдавшим ему почести (Баба-хан, сойдя с коня, шел пешком) и предложившим занять Рустак, что и совершилось 11 января, в пятницу.

Успокоенный письмами, через несколько дней к афганскому сардару явился и Умар-хан, дав с старшинами, казиями и муллами рустакскими присягу и письменный акт в верности признаваемому правительству сардара.

Пока успех Абдуррахман-хана тем и ограничивается.

Ожидают, что в центральном Бадахшане он встретит сильный отпор, так как Шах-заде Хасан решил сопротивляться и взял в том клятву с файзабадцев, выразивших общим голосом, что, избавившись собственными усилиями от афганского ига, они не желают к нему вернуться. Приготовления к

сопротивлению начались уничтожением моста на р. Кукча против Файзабада.

Таким образом, в данное время во главе несочувствия Абдуррахман-хану в Бадахшане стоят только Шах-заде Хасан[1] — бек файзабадский и его брат Мир Алям-хан (из Бухары) — бек кошомский[2].

Полагают, однако, что умелая обходительность сардара с народом и с подчинившимися врагами в скором времени обеспечит ему возможность занять главные пункты Бадахшана без кровопролития.

Вопрос о том, как отнесется к сардару правитель Чар-Вилойята Гулям Хайдар-хан, представляется для всех гадательным. Известно только, что эмиссары Абдуррахман-хана распространили уже письма-воззвания даже в Мазари-Шарифе, известно также, что одно письмо сардара доставлено его наукаром Шарбатбеком и к Гуляму, который не дал ответа, но и не задержал наукара. А между тем положение дел в Чар-Вилойяте крайне натянутое, запутанное. Против отложившегося Султан Мурада Кундузского, угрожающего занять Гури[3], Баглан и не исполняющего настояний Гуляма уплатить дань и выдать Сары-хана, требовалось послать отряд для прогнания скопищ каттаганцев. Отряд сформирован из 2-х палтанов (800 чел.), 2-х рисалей — конниц (400 чел.), 4-х орудий, вверен командованием защитнику Ахчи против Исхак-хана, произведенному из джарнейлей, Гулям Реза-хану, получил маршрут выступления из Мазари-Шарифа через Таш-Курган 15 января и остался еще на 1 день, потому что палтаны подняли ропот получению жалования за один месяц вместо трех и успокоились только обещаниями Гулям Хайдар-хана и клятвой, что у него больше нет денег[4].

Считают по тому говору, какой был в недовольных жалованьем палтанах, что войска эти крайне ненадежны преданностью и могут передаться в Кундузе делу Абдуррахман-хана. Не считают надежными преданностью Гуляму и гуринцев с хазарейцами, так как их приходится сдерживать теперь задабриванием старшин.

То же шаткое положение и на западе Чар-Вилойята: бек сарыпульский был вызван 16 января в Мазари-Шариф, одарен, и давал присягу в верности, доставив 60 чел. пленных туркменов и заявив требование усилить гарнизон.

Рассчитывая обрисовать в следующем журнале подробностями прошлое и настоящее Чар-Вилойята, возвращаюсь к краткой отметке хода дел у сардара на востоке. Из Рустака

---

[1] Шах-заде распускает слух, что он утвержден правителем Бадахшана из Кабула англичанами (прим. док.).

[2] В документе ошибка; следует: кишмский.

[3] Далее также Гурни.

[4] См. док. №№ 12, 13.

Абдуррахман-хан отправил также письмо-воззвание и Султан Мураду Кундузскому, который отвечал так: «Дружбы с Вами у меня никогда не было, подчиняюсь я кабульскому правительству, к которому отправляю Ваше письмо». Заверяют разведчики из ближайшего к Кундузу района, заверяют из Чар-Вилойята, доносят посланцы эмира из Мазари-Шарифа, сообщают мне из Бухары, толкуют на базаре г. Карши, что влияние англичан проникло в Кундуз именно с Сары-ханом, которому также даны англичанами какие-то обещания. Утверждают, что англичане старались неоднократно склонить к своим целям и Гулям Хайдар-хана, но этот благородный вардак пренебрег соблазнами, остался верен фиктивному афганскому правительству с некоторой попыткой в пользу Бухары [5].

Поговаривают в Чар-Вилойяте, что из Кабула, по назначению англичан, двигается для занятия Афганского Туркестана и управления им сын Вали Мухаммад-хана Нурмухаммад-хан, который, идя через Бамиан с 3 тыс. наукаров (?), был 10 дней назад в местности Ду-оба [6].

При таком затруднительном положении дела, вынужденный разбросать по обширной территории свои немногочисленные голодные, неодетые войска, оставшись в Мазари-Шарифе с небольшим числом афганцев своего племени, Гулям Хайдар-хан готовится, по слухам, отправиться в Герат.

Уже заканчивая этот журнал, я получил следующие дополнительные сведения с берегов Пянджа от 18 января: Абдуррахман-хан вошел в сношение из Рустака с Шах-заде Хасаном Файзабадским, уговаривая его прибыть в Рустак для примирения с Баба-ханом и Умар-ханом, после чего он, сардар, двинется в Балх, оставив Бадахшан под его, Шах-заде Хасана, управлением; в случае же нежелания прибыть, Шах-заде Хасан обязан выслать ему, сардару, 1 лак рупий (16 тыс. тилле).

Неисполнение этих двух крайних требований, писал сардар, вынудит меня, против желания, действовать силой. Шах-заде Хасан отвечал за себя и за народ центрального Бадахшана, что готов выполнить все требования и подчиненности, и платеж дани, если сардар возьмет Балх, в чем пожелал ему успеха.

---

[5] На полях помета рукой туркестанского генерал-губернатора К. П. Кауфмана: «О Гулям-Хайдар-хане были сведения не такие, привезенные Бек-Магомет-ханом, Кундуз-ханом и Гиаз-ханом; эти господа говорили, что Гулям сторонник англичан Его двуличие отчасти подтверждалось тем, что он в письмах к Сеиду-Музаффару уверял, что он объявил в Чор-Вилойяте принадлежность его эмиру, а в письмах ко мне уверял о преданности своей Якуб-хану и готовности идти на выручку ему, прося послать русского чиновника для укрепления Чор-Вилойятом. 3 февраля 1880 г.». Далее также Магомет-Якуб-хан. См. док. №№ 7, 13, 18, 23.

[6] Далее также Дуроб, Давоб.

Послав такой отказ, правитель Бадахшана выставил во многих местах наблюдательные посты и небольшие прикрытия проходов к Файзабаду. Сардар же выслал Баба-хана с сотнею конников, ожидая подействовать этим на файзабадцев, а в противном случае намеревается двинуться со всеми силами до 600 чел., пополненных рустакцами.

Одновременно с отправкой Баба-хана в Рустаке распространился слух, не подтвердившийся еще, будто бы Шах-заде Хасан *добровольно удалился в Шугнан, а бадахшанцы* пригласили к себе главенствовать 2-х сыновей Джахандарша, бежавших в позднейшее время из Коканда и оставшихся в Шугнане.

Разговорами предполагают, что, приведя к подчинению Бадахшан, сардар распределит власть над ним так: Шах-заде Хасана оставит в Файзабаде, Мир Баба-хана — в Кишме, сыновей Джахандар-ша — в Джуруме и Умар-хана — в Рустаке. Устроив Бадахшан и взяв с него некоторую дань, Абдуррахман-хан двинется в Балх, куда уже посланы эмиссары, не возвратившиеся еще. Допускают, что если Абдуррахман-хану удастся склонить Султан Мурада Кундузского [7], крайне неприязненного Гулям Хайдар-хану, то сардар легко займет Чар-Вилойят, так как афганские войска в нем деморализованы нерасположением к Гуляму и, как утверждают, сочувствием сардару.

Со стороны Керки получаются следующие сведения: преследовавший Исхак-хана отряд Мухаммад-шаха, возвращаясь в Ахчу из Хамйяба, 20 января расположился в Джоркудуке [8], оставив в Хамйябе наблюдательный пост в 200 чел. с Сафар Алла-ханом.

Партия Исхак-хана в 300 чел. конных разъезжает между Андхоем и Шибергапом без всякого существенного для дела результата.

Считаю, что сардары, действующие на западе Чар-Вилойята, очень вредят своему делу, предоставляя приставшим к ним туркменам считать своей собственностью все попавшееся на глаза [9].

Капитан Арендаренко
29 января 1880 г.
г. Шахрисябз.

Д. 451, лл. 60—67.

---

[7] Потерпев в половине настоящего месяца сильное поражение от афганцев и хазарейцев, Султан Мурад готовится к новому нападению, приготовляя сильный отряд (из последних разведок) (прим. док.).

[8] Джоркудук от Ахчи — 50 верст, от Хамйяба — 26 верст, от пограничного Буссога — 32 версты (прим. док.).

[9] См. док. №№ 10, 11, 13, 14.

№ 6

1 февраля 1880 г.
г. Шахрисябз.

Доведенный мной 29 января настоящего года до сведения бухарского правительства ответ[1] мнение господина туркестанского генерал-губернатора о ненадобности демонстрировать войсками в Больджуане-Кулябе против Султан Мурада Кундузского в опасении столкновений и о возможности поставить в Керки 1 тыс. сарбазов, если требование Мухаммад-шаха чарвилойтского выдачи приверженцев сардаров Исхак-хана и др. продолжится, дал на другой же день ответное заявление.

Уполномоченный для переговоров Рахматулла-мирахур высказался от имени своего хазрата, что эмир очень и очень признателен за совет (солох), последний, как и за все предшествовавшие советы, в которых видел всегда только добро. Согласно мнению г-на генерал-губернатора, Музаффар-хан (джаноби-али, называл мирахур) не будет сосредоточивать войска в Больджуане-Кулябе, но и отказывается также посылать отряд в Керки, так как домогательства отрядного начальника чарвилойтского правителя совершенно затихли и ничем не угрожают спокойствию левобережных владений Бухарского ханства. Хазрат будет иметь этот совет, продолжал мирахур, на всякий случай, если афганцы, расположившиеся теперь недалеко от границы, в Джоркудуке, вздумают перейти в Керкинское бекство, но этого ожидать нельзя, пока Чар-Вилойят в руках доброжелательного нам Гулям Хайдар-хана.

Насколько прочна такая уверенность в благоразумии афганцев и обеспеченности спокойствия бухарской границы, насколько подтверждается[2] позднейшими проявлениями «доброжелательство» Гулям Хайдар-хана, сказать в настоящее время трудно, так как сообщения с левым берегом Аму-Дарьи, по случаю морозов, почти не существует и сведений из Чар-Вилойята за последние 10 дней нет никаких[3]. Могу отметить только из довольно верных источников, что отношения чарвилойтского правителя Гулям Хайдар-хана к бухарскому эмиру приняли совершенно противоположный тон с

[1] Ответ сообщен мне отношением г-на и. д. чиновника по дипломатической части при г-не туркестанском генерал-губернаторе от 19 января за № 47, полученный в Шахрисябзе 28 января (прим. док. Отношение не публикуется. См. оп. 29, д. 451, лл. 7—8).

[2] Так в документе; следует: подтвердится.

[3] По всей Бухарской долине Аму-Дарьи и в горах уже две с половиной недели с небольшими перерывами идет частый снег, загромоздивший все дороги и горные проходы. Из Куляба доходят конные на 13-й день (прим. док.).

того времени, как сардар Абдуррахман-хан проследовал через бухарские владения.

Утверждают, хотя этого и не признают сановники эмира, что отпущенное Гулям Хайдар-ханом эмирское посольство (Касым-ходжа урак и Мирза Абдул Гафар) [4] было возвращено с левого берега Аму-Дарьи в Мазари-Шариф, где и задержано, как бы в ответ на предоставленный пропуск афганским сардарам.

Бухарское правительство как будто игнорирует этот эпизод, по-прежнему выдает 16 руб. суточных на содержание в Шахрисябзе чарвилойятского посланца Сеид Джафара [5] с 20 афганцами, а в действительности следует догадываться, что стремление «демонстрировать» на флангах Афганского Туркестана остается в некоторой связи с этим эпизодом, случившимся во второй половине января.

До представления журнала подробностей окончательного подчинения Абдуррахман-ханом Бадахшана своей власти могу отметить, что занятие Баба-ханом (не Умар-ханом, как ошибочно передано в телеграмме) [6] Файзабада совершилось без всякого столкновения, как последствие бегства в Шугнан пришлого бека Шах-заде Хасана [7] и сыновей Джахандар-ша как результат умелого, человечного обращения сардара, претендента с населением, подчинившимся в Рустаке и колебавшимся подчиниться в центральном Бадахшане.

Ожидают, что власть Абдуррахман-хана окрепнет, и он, подготовив сочувствие Султан Мурада Кундузского, организовав силы из бадахшанцев, воспользуется затруднительным положением чарвилойятского правительства, займет эту часть Афганистана, откуда хазарейцы уже посылают ему свои предложения.

О сардарах, бездействующих на левом фланге Афганского Туркестана, были в последнее время настойчивые слухи, не подтвердившиеся еще, что их постигла печальная неудача. Рассказывают, что, слоняясь с небольшой партией туркменов в степи между Андхоем и Шиберганом, в стойбищах Ходжа-Духа, они поддались обману. Поверив в искренность предложений дезертировавших афганцев войти в Шиберган, где их ждет гарнизон готовностью передаться, Исхак-хан отправил в эту крепость сардара Сарвар-хана с Кок-мирзой и 6 своими афганцами. Этих несчастных легковерных там ожидала ловушка, и они были отправлены к Гулям Хайдар-хану в Мазари-Шариф, где и пали под кинжалами войсковых афганцев. Слух этот, дошедший из Керки, держится настойчиво в

---

[4] Далее также Абдул Гафар.
[5] Далее также Сеид Джафар-хан.
[6] Не обнаружена.
[7] Брат этого бека Алям-хан (из Бухары) умер (прим. док.).

Шахрисябзе уже 4-й день, и я жду, что вскоре он окончательно разъяснится разведочными сведениями [8].

Из восточных бекств бухарских заявляют, по рассказам кабульских афганцев, недавно состоящих на эмирской службе, что англичане действительно были в сношениях с правителем Бадахшана Шах-заде Хасаном, а из Бухары пишут, что месяца три тому назад старшины мервских туркмен ездили депутацией к английскому правительству в Индию просить подданства и защиты против русских наступлений, которых все ожидают воодушевленным намерением сопротивляться, как предписано «заступником и покровителем из Рума» (турецким султаном).

Ожидаю, что с приездом моим в Бухару достоверность всех «слухов» и разведок совершенно уяснится.

Отъезд мой в Карши, вероятно, последует 6 февраля, через два дня после ожидаемого отъезда эмира Музаффар-хана, с которым едет и афганское посольство Сеид Джафар-хана.

Капитан Арендаренко
1 февраля 1880 г.
г. Шахрисябз.

Д. 451, лл. 69—73.

№ 7 [1]

8 февраля 1880 г.
г. Шахрисябз.

В последние 2 года событий в Афганистане, северная часть этого молодого сравнительно ханства [2], широкая полоса подгорья между Аму-Дарьей и Гиндукушем, та территория, которая в исходе шестидесятых годов занимала английскую дипломатию, начинает сосредоточивать на себе самое пристальное внимание и соседей непосредственных и соседей чересполосных.

Переезд Ширали-хана в Мазари-Шариф, его сношения с Туркестаном, посольствами, затем смерть этого афганского хана (в феврале 1879 г.) и последовавшая непосредственно анархия междоусобия — события, заставлявшие упоминать Северный Афганистан и вниманием к происходившему, и разными актами.

Принятие затем Афганского ханства старшим сыном Ши-

[8] Слух вполне подтвердился сегодня: Сарвар-хан расстрелян в Мазари-Шарифе (прим. док.).

[1] Журнал этот дополняет журнал за № 3 и отвечает вопросам 4, 5, 6, 7, 9, 22 данной инструкции (прим. док.).

[2] Основание Афганского ханства восходит не далее полутора столетия (прим. док.).

рали-хана Мухаммад Якуб-ханом, хотя и погасило несколько общее внимание к северной окраине его владений, получивших после слабого Гуштиля[3] Ширали-хана, энергичного и разумного наместника в Гулям Хайдар-хане из племени вардак, но ненадолго.

Несчастная участь английского резидента в Кабуле открыла для всего Афганистана ряд известных и продолжающихся потрясений, отзывающихся с большей или меньшей интенсивностью и на подгорном Афганистане.

Имя Чар-Вилойята, как называют этот Афганистан по существовавшим в нем четырем (чар) главным независимым владениям (вилойятам) Андхой, Шиберган, Сарыпуль, Ахча, все чаще и чаще повторяется и в Ташкенте, и в Самарканде, и в Бухаре.

Действия правителя Чар-Вилойята Гулям Хайдар-хана выслеживаются, повторяются, импульсируют ближайшего соседа афганского наместника — бухарского эмира, поддерживающего с ним деятельные сношения. Словом, по всем признакам, которые уясняются ниже, для Чар-Вилойята начинается эпоха, в которой звучат имена Гулям Хайдар-хана — наместника, считающего себя только невольником (гулям) кабульского правительства[4], Музаффар-хана и Абдуррахман-хана — претендентов диаметрально противоположного характера: осторожности в первом, решительности во втором.

Таким образом, с очень недавнего времени Чар-Вилойят, с его матерью городов Балхом (древняя Бактрия), вступает на тот исторический путь ответственности за свое географическое положение на путях в Индию, Персию и Туркестан, который заставил пережить эту часть древней Трансоксании период туранский, арабский, иранский с бесконечно разнообразными отпрысками владычества здесь династий Саманидов, Сельджукидов, Хорезмийцев, Дженгизидов[5], Тимуридов (1405—1500 гг.).

Вспоминая историю этой несчастной страны, видевшей полчища Александра Македонского и орды Тимура (1397 г.) и Бабура (1525 г.), проходившие в Индию и возвращавшиеся через Балх, отметим главные периоды трех последних столетий.

При шейбанидах и аштарханидах (1500—1680 гг.) весь левый берег Окса, от Бадахшана до Чарджуя, от Керки до Балха, состоял в ведении Бухары и разделялся на округа: Тохаристан с Балхом, Кундузом и Хульмом, Земм с Керки, Андхоем и Меймене. С немногими только перерывами наше-

---

[3] Так в документе.

[4] С большим искусством Гулям Хайдар-хан до сих пор поддерживает в Чар-Вилойяте убеждение, что Якуб-хан освободился и эмирствует (прим. док.).

[5] Так в документе; следует: Чингизиды.

ствия персидских полчищ шаха Исмаила, шаха Аббаса, Надир-шаха, недолго обыкновенно державшихся здесь, эта часть долины Аму-Дарьи оставалась в таком положении политической зависимости от Бухары и при династии Мангыт (с 1784 г.), пока в начале этого столетия не выступили соперниками бухарцев — афганские племена дуррани, садозаи и баракзаи.

Афганцы, народ арийского происхождения, составляя при первых газневидах небольшое племя в горной Сулеймановой цепи, выступают более деятельно на историческую арену с того времени, когда смерть всемирного бойца Надир-шаха Персидского пошатнула здание его огромной империи между берегами Инда и Окса [6]. Афганец Ахмед-шах из племени дуррани, случайно сделавшись правителем Кандагара, захватывает со смертью Надир-шаха (1747 г.) восточную часть его империи, одерживает победы в Индии одновременно с успехами англичан (1761 г.), овладевает в 1752 г. левобережной частью Бухарского ханства с Меймене и Балхом.

Второй представитель Мангытской династии, эмир Махсум (Шах Мурад) [7], смотрел на расширение власти афганцев с бóльшей тревогой, чем его предшественник сонливый Даниярбий, и в 1788 г., воспользовавшись слабостью Тимур-шаха, хана афганского, перешел при Келифе Аму-Дарью и завоевал обратно большую часть отпавших провинций.

С этого времени, подвергаясь периодическому соперничеству афганцев, господство бухарцев от Аму до Гиндукуша продолжается до 1845 г., когда после ряда братоубийственных войн в Афганистане, после поражения англичан на сцену снова выступил Дост Мухаммад-хан.

Этому афганскому хану, не совсем гостеприимно принятому эмиром Насрулла-ханом после изгнания его англичанами из Кабула, удалось без борьбы вытеснить влияние бухарцев у подножия Гиндукуша и подчинить своей власти все провинции, за исключением Бадахшана и Меймене. Таким образом, с 1845 г. эта часть бухарского Чар-Вилойята получила название Афганский Туркестан со столицей Балх, считавшейся прежде куполом ислама и средоточием суннитской учености, наследываемой от Герата.

С восстановлением власти Дост Мухаммад-хана в Кабуле Афганский Туркестан остается с 1848 по 1861 г. под управлением старшего его сына Афзаль-хана [8], который насле-

[6] Надир-шах выполнял все свои геройские подвиги во главе афган и туркмен (прим. док.).

[7] Так в документе. Шах Мурад Махсум был первым эмиром Мангытской династии.

[8] До Афзаль-хана Чар-Вилойятом управлял 3 года сардар Акрам-хан, который-то и прогнал бухарцев с беком Ишан-уроком из Балха (прим. док. Далее также Ишан-ходжа-урак, Ишан-урак, Ишан-ходжа, Ишан-ходжа-урок).

довал затем своему отцу в 1861 г. Поручив управление Туркестаном сыну своему Абдуррахман-хану, Афзаль-хан переехал в Кабул и ханствовал всего 4 года (1861—1865).

Со смертью этого «жестокого» хана власть ханская переходит сначала, по добровольному соглашению с Абдуррахман-ханом, к его дяде Азам-хану Дост Мухаммад ханову (отец Исхак-хана), который ханствовал в Кабуле всего 1 год.

Сделав такую необычайную, в понятиях азиатцев, уступку власти в пользу своего дяди, управлявший Чар-Вилойятом, прямой наследник ханства, Абдуррахман-хан встречает, после смерти Азам-хана, неожиданного соперника в другом дяде — Ширали-хане, управлявшем округом Герат. Домогательство ханской власти и нежелание уступить свое право на нее открывает борьбу, которая кончается в пользу Ширали поражением Абдуррахман-хана и прибытием в 1869 г. этого сардара через Персию в Ташкент под покровительство России.

Если после этих кратких исторических сведений об Афганском Туркестане или Чар-Вилойяте, современное положение дел в котором придется разъяснить, представится вопрос, почему в последние 2 столетия влияние в нем Бухары ослабело и, наконец, совершенно погасло, то ответом также должны быть исторические данные.

Приходится вспомнить, что до 1784 г., при шейбанидах и аштарханидах, Бухара вела постоянные войны с Ираном, заставлявшие ее сосредоточивать больше внимания на южную границу, чем на северную. Чар-Вилойят был в то время и этапом для полчищ туранцев, проходивших в северо-восточные владения Ирана, и оплотом, выдерживавшим первые удары шиитов. Только в конце царствования эмира Махсума, успокоившегося нанесением Персии последнего неоплаченного Ага Мухаммад-ханом удара (1795 г.), окончательно прекращается эта многовековая борьба между Ираном и Тураном.

Позднейшие эмиры бухарские, обратив свои тревожные взоры на север и запад, ведя одновременно нескончаемые войны с Кокандом и мелкими вассалами, сосредотачивали и свои силы, и свое внимание по управлению провинциями в эту сторону; Чар-Вилойят их совершенно уже не занимал, тем более что отпадание его вознаграждалось завоевательными приобретениями в противоположной стороне, а соседство афганцев никогда не было особенно тревожно, скорее выгодно, как рассчитывали эмиры, возможностью союза для борьбы за мусульманство.

Таким образом, забывая о Чар-Вилойяте как о бывших исконных своих владениях, Бухара вспоминала о нем порой как о своем союзнике.

Пользуясь тем, что власть афганцев была фактически

прочной только в центральной части этого Туркестана, окрайные же вилойяты были только данниками, оставшимися со своими родовыми правителями узбекскими султанами, эмиры Насрулла-хан и Музаффар-хан часто пользовались их помощью и участием в войне с восточными и другими соседями [9]. В последние 12 лет правительство бухарское, удержав на левом берегу Аму-Дарьи только узкую полосу с кочевьями туркменов, с ничтожной надбережной крепостцей Керки, пыталось закрепить свое влияние на северо-западной части Чар-Вилойята и частыми сношениями с родовыми султанами, и принятием от них повременных тортуков, и раздачей им чинов (амоль); но все эти стремления разбивались, с одной стороны, о прочное правление эмира Ширали-хана, с другой — в позднейшем, о сдерживающее влияние на севере.

Тем не менее в результате такого бессильного обмена отношений бухарцев с узбеками и туркменами Чар-Вилойята было поддержание взаимных симпатий, развитию которых помогало также и крайне дурное, притеснительное управление афганцев в последние 6 лет.

Эта произвольная, грубая, насильственная система управления афганцев в Чар-Вилойяте довела население его до полной нищеты, породила всеобщее нерасположение к афганцам, всеобщее желание, замечаемое и теперь из последних разведок, сбросить с себя тяжелое иго какой бы ни было переменой правления.

По примеру бадахшанцев чар-вилойятцы прежде всего возлагали надежды к лучшему будущему на бухарское правительство, к которому с начала прошлого года посылались и депутации от населения среднего Чар-Вилойята, и адреса, и заявления через посланцев (Ишан-ходжа, Касым-ходжа-урак) желания подчиняться Бухаре, а не Афганистану.

Такое же тяготение к Бухаре, под влиянием дурного управления афганцев, в течение прошлого года неоднократно высказывалось и в узбекском населении западной части Чар-Вилойята.

Более сохранившееся благосостоянием, более энергичное население бекств Андхоя, Ахча, Сарыпуль, Шибергана, посылая эмиру адреса своих стремлений отделиться от Афганистана, формулировало даже свои предложения: «Начать дело, свергнуть иго афганцев без вооруженного вмешательства Бухары, которой оставалось бы только принять население в свое ведение».

Как имеются доказательства, на все заявления эмир Музаффар-хан отвечал сдержанно, обнадеживая советом подождать до удобного времени.

---

[9] Вассальные беки — шибергапский Клыч Али-хан и сарыпульский Мухаммад-хан — принимали участие своими войсками в последних войнах Музаффар-хана (прим. док.).

Письма к эмиру Музаффар-хану его посланца в Мазари-Шарифе, Касым-ходжа-урака, письма мирзы Абдул Гафара отмечают, что население центрального Чар-Вилойята и теперь ждет осуществления своих существенных планов. Разведочные же сведения обрисовывают настроение населения до того убитым нищетой, угнетенным притеснениями, что оно потеряло как будто веру в лучшее будущее, и если в небольшой части высказывается размышление о бухарском правлении, то в Мазари-Шарифе и Балхе большинство рассуждает и таким образом: «В этом году подчинимся Бухаре, а года через два афганцы оправятся и снова подвергнут нас бедствиям, — лучше уж желать англичан или русских» [10].

Для того чтобы выяснить характер отношений к бухарскому правительству наместника Чар-Вилойята Гулям Хайдар-хана, чтобы определить степень искренности предложений, делаемых им письмами эмиру Музаффар-хану, сопоставляем разведочные сведения с документами (письма Гулям Хайдар-хана и донесения из Мазари-Шарифа бухарского посланца Касым-ходжа-урака), переданными при письмах от 26 и 29 декабря прошлого года за № 847 и 857 и. д. чиновника по дипломатической части [11].

Как отмечено и выше, в последние годы бухарское правительство не переставало интересоваться судьбой Чар-Вилойята не столько, конечно, сочувствием воплям узбеков об угнетении, сколько стремлением к расширению территории владений за Аму-Дарьей [12].

Поддерживая в себе такие надежды, эмирское правительство внимательно следило всегда за ходом событий в Афганистане, дружелюбно относилось к правительству Ширали-хана, обмениваясь каждогодно посольствами.

По установившемуся порядку, обыкновенно посланцы ханские оставались в Бухаре иногда более года, до того времени, пока не был отпущен из Кабула посланец эмирский. Так это требовалось и по этикету сознаваемого эмиром старшинства и в других видах.

Долгое удержание посланников в Кабуле при необходимости, как находил эмир, регулярного обмена сношений с горным соседом, вызывало то, что ни Бухара, ни Афганистан никогда не оставались без посланников, и возвращавшийся посланец встречал обыкновенно следовавшего туда.

Так, проживающий теперь в Мазари-Шарифе уже 11 месяцев бухарский посланник Касым-ходжа-урак с мирзой Абдул Гафаром отправился туда на смену Ишан-ходжа-урака еще до смерти Ширали-хана. Этому ураку пришлось встретить в Сары-Обе Ширабадского бекства чарвилойятское по-

[10] См. док. № 13.
[11] Письма не обнаружены.
[12] См. док. № 23.

сольство Сеид Джафар-хана, доставившего эмиру поминальный иртыш о смерти афганского хана.

Посланец Сеид Джафар-хана проживает в бухарских владениях до настоящего времени в ожидании эмиром возвращения Касым-ходжа-урака.

Обычный порядок такого обмена сношением с соседями, при очевидных фактах, устанавливает в бухарском населении только одно сознание фактического существования добрых отношений Бухары к своим соседям [13]. Населению бухарскому мало известно, однако, о стремлениях заамударьинских узбеков и о видах Бухары на Чар-Вилойят, и только теперь толкуют в Бухаре и Карши, что русские условились с англичанами, отдали Афганский Туркестан с Бадахшаном Абдуррахман-хану, а весь загорный Афганистан с Кабулом и Гератом останется англичанам.

Вообще по этой стороне Аму-Дарьи о положении дел в Афганистане немного населению известно. Только посылкой сметливого разведчика в Чар-Вилойят добыты надлежащие сведения собственно о Северном Афганистане. Из Кабула же в Мазари-Шариф сведения приходят крайне поздно как вследствие затруднительности пути, так и потому, что горные полудикие племена Северного Гиндукуша, хазарейцы и шейхали, и ранее оставшиеся полунезависимыми, теперь окончательно не признают никакого правительства, наводя страх на путников своими разбоями [14].

При таком состоянии сообщения Чар-Вилойята с Кабулом сведения в Мазари-Шариф приходят изредка, через 1,5 месяца, возбуждая празднество таких мнимо радостных событий, которые следовало бы оплакивать. Так, о сражениях в Кабуле и об отступлении англичан из Кабула на позицию Ширпур (20 ноября—5 декабря) в Мазари-Шарифе было получено известие только 30 декабря и 6 января, причем чарвилайятские афганцы с Гулям Хайдар-ханом праздновали молением, пушечными салютами, иллюминацией, совершенно неверное сведение, что эмир Якуб-хан освобожден после уничтожения близ Гандамака сильного английского эскорта отрядами сыновей Науруз-хана и Исматулла-хана. Те же косыбы-скороходы Гулям Хайдар-хана доставили письма из Кабула Дилавар-хана Дуробия [15], написанные, очевидно, под впечатлением оставления англичанами афганской столицы.

---

[13] В данное время, при полной сдержанности бухарского эмира от поощрения стремлений чарвилойятского населения, присутствие в Мазари-Шарифе посольства весьма полезно для получения точных сведений, которые частными путями приходят с большим трудом вследствие принятых предосторожностей (прим. док.).

[14] Никакого караванного сообщения с Кабулом не существует (прим. док.).

[15] Далее также Дилавар-хан.

В письмах рассказывается пространно о нанесенных ферингиям поражениях, об отнятии 4-х орудий, о мужестве вождей Исматулла-хана, джарнейля Мухаммад-хан-джана, джарнейля Файзи Мухаммад-хана, мулла Аглям-Ахуна [16], о преданности делу газа (священной войны) всех кухистанцев (горцев), женщины которых, одетые по-военному, с мусульманскими значками на руках, воодушевляли бойцов примерами личной храбрости.

Подробно, но не совсем достоверно, конечно, рассказывая о поражениях ферингиев в Кабуле, при Норхе, Майдане и Бейнибодоме [17], где действовали главнейшие племена вардак и лагвгорд [18], косыбы-скороходы поясняют, что и случаи измены старшин афганских были часты. Так, изменили делу народному, чрез подкуп, правитель Газни сардар Мухаммад Хасан-хан [19] и Мухаммад Аслан-хан — правители Майдана, Вали Мухаммад-хан, Хоор Комнари (?) [20] и мн[ого] др[угих], которых афганцы убили, равно как и сардара Мухаммад Мин-хана [21].

По рассказам косыбов, за все время сражений в Кабуле на Ширпуре англичан убито не менее 4 тыс., но афганцев также уничтожено много. Одновременно были битвы в Гандамаке и в Кандагаре.

В Кабуле руководил битвой Джарнаил Малик. У англичан отбито всего 3 орудия, весь провиантский обоз, шедший прикрытием 400 чел., джобахана-парк [22] и много имущества.

Долго праздновали чарвилойятцы эти упоительные известия из Кабула об освобождении эмира Якуб-хана, о совершенном уничтожении отряда генерала Робертса, много задабриваний халатами сделал Гулям Хайдар-хан старшинам округов Гурни, Баглан, Дуроба, Шейхали, Ахча, Кум-Об [23], пока 16 декабря не явился другой косыб с удручающим известием о том, что дело 150 тыс. газиев (воинов), осаждавших англичан, проиграно, что ферингы привлекли к себе всех старших афганских военачальников подкупами и тем расстроили согласие. Тогда вся масса кухистанцев бросилась на опустелый Кабул и, разграбив все начисто, без следа остатков чего бы то ни было, удалилась в свои горы. Ферингы

---

[16] Так в документе; вероятно, следует: Дин Мухаммад Мушк-и Алям Андари.

[17] В документе искажены географические названия.

[18] Так в документе.

[19] Далее также Мухаммад Хасан. Правителем Майдана был Мухаммад Хусейн-хан.

[20] Так в документе.

[21] По последним сведениям, Вали Мухаммад-хан не убит при англичанах (прим. док.).

[22] Так в документе.

[23] Так в документе.

проявили якобы великодушие, раздавали кабульцам деньги и утешали, приглашая заниматься своими делами.

По рассказам косыба, англичане страдают, однако, от холодов, которые установились с обильным снегом, умирают от болезней и терпят сильную нужду в провианте, не имея возможности достать у жителей, лишившихся всего.

Те же косыбы-скороходы передают, что настроение горцев одушевленное и к весне можно ожидать усиленных попыток к изгнанию англичан, которые продолжают наслаждаться жестокостями. Правительства ханского в Афганистане не существует — полное безначалие.

Сообразно с таким ходом событий в Афганистане располагается и деятельность основательного и энергичного Гулям Хайдар-хана в Чар-Вилойяте. Отправив в Кабул, после убийства английского резидента, 9 лучших палтанов, издавна бывших здесь, Гулям остался в самое трудное время всего с неполными (в 400 чел.) 9 палтанами афганцев, прибывших на смену 9-ти и с 2 палтанами в 1200 чел. узбеков [24].

При таких ничтожных силах, разбросанных в крепостях среди почти открыто враждебного афганцам узбекского населения, заявлявшего местами тяготение к Бухаре, требовалось много изворотливости, умения, энергии для удержания правительственного режима в стране, окруженной сомнительными вассалами (Султан Мурад Кундузский, Дилавархан Мейменинский), дикими необузданными горными племенами (хазара, шейхали, гури).

Оценивая свое положение почти открытым признанием своим одноплеменникам (содержание донесений Касым-ходжи эмиру подтвердилось разведками), сознавая, что афганцам следует сидеть в Чар-Вилойяте смирнехонько, без всяких агитаций и движений в пользу разных, ни с чем являющихся претендентов, Гулям Хайдар-хан выпроваживает из Мазари-Шарифа в ноябре месяце и Неик Мухаммад-хана Дост Мухаммад ханова и позже — жалких сардаров Куддус-хана с Гияз-ханом Султан Мухаммад хановых, которые с тем ушли с чем и пришли, нисколько не обобранные.

Хорошо сознавая вместе с тем невозможность продолжительного сопротивления активному, если бы оно было, движению узбекского населения в пользу Бухары, Гулям Хайдар всенародно, но, конечно, не искренне, заявляет свои чувства подданства «мусульманскому государю», эмиру Музаффар-хану, приветствуя его каждомесячно самыми верноподданническими письмами при ясном сознании из донесений посла Сеид Джафар-хана, что эмир предпринять ничего не может.

Ведя одновременно борьбу с начала препирательств с отделившимся вассалом, кундузским родовым правителем Сул-

[24] Кроме того, имеется еще 4 рисаля-конниц — 600 чел. и всего 20 орудий полевых (прим. док.).

тан Мурадом, Гулям Хайдар-хан вооружает против него и бухарского эмира, доказывая, что Сары-хан явился в Кундуз с поручением от англичан подготовить военный контингент для Абдул Малик Катта-Тюре[25] (мятежника, как называют бухарцы), имеющего якобы прибыть[26].

Поводом к полному разрыву с этим, так недавно исправным, Кундузским вассалом послужила попытка Мурад Султана возвратить в свои владения часть арабов, откочевавших к Баглану округа Гури. Попытка не удалась: бек округа Джафар-хан выслал вооруженных конников и прогнал кундузских каттаганцев полным поражением. В ответ на этот декабрьский эпизод Султан Мурад, задержав у себя чарвилойятского посланца («примирителя») Джума-хан-корнейля, послал Гуляму требование прогнать Джафар-хана и уступить ему, Султану Гури, в противном случае он завладеет всем округом силой.

Встревоженный таким положением дела, Гулям Хайдар-хан послал для поддержания Джафар-хана 1 роту, которая и прогнала снова каттаганцев с незначительной для них потерей. *Дело этим не кончилось и приняло тот оборот, кото-* рый отмечен в журнале 5.

В то время, когда на востоке Чар-Вилойята недавно подвластный Султан Мурад Кундузский-Каттаганский враждует попытками расширить свою территорию на счет Афганистана, на западе провинция Меймене[27] получает в конце ноября легальную самостоятельность.

Взяв из Меймене войска, Гулям Хайдар-хан предоставил управлять этим вилойятом братьям Мир Музаффар-хану и Мир Дилавар-хану, потомкам прежних правителей. Остальные западные крепостцы и бекства заняты незначительными гарнизонами афганцев, для поддержания которых имеется в Мазари-Шарифе 3,5 палтана (около 2 тыс.).

Таково современное положение дел в Чар-Вилойяте, таковы действия Гулям Хайдар-хана, заподозрить которого, по сказаниям неудачников-претендентов, в том, что он в сношениях с англичанами и действует им в руку[28], также мало ос-

---

[25] Далее также Катта-Тюре.

[26] Катта-Тюре проживает в Кабуле. Хотя никаких признаков прибытия его за Гиндукуш не имеется, но в бухарском населении держится слух, что англичане пошлют его весной в Чар-Вилойят. Слух сомнительный (прим. док.).

[27] Присоединенное к Афганистану в 1875 г. ханство Меймене было когда-то независимо, несмотря на покушения Дост Мухаммад-хана завладеть им. Кроме города Меймене в 3 тыс. домов, в бекстве этом считается до 36 селений узбекских племен минг, ачамойли, юз, занимающихся земледелием по Мургабу. На склонах гор и в ущельях разбросаны обширные кочевья узбеков и туркменов (прим. док.).

[28] Слухи о движении из Кабула в Чар-Вилойят отряда Нурмухаммада (журнал 5, телеграмма 33) совершенно сомнительные (прим. док. Телеграмма не публикуется. См. оп. 29, д. 451, л. 122).

нований, как и поверить ноябрьскому слуху о том (письмо м[ирзы] Абдул Гафара эмиру), что разбойничий вождь горных племен хазари и шейхали (в Северном Гиндукуше) получил от англичан большой куш денег для разработки дороги в Ташкурган.

Однако, хотя события после октября месяца располагались так, что англичанам было не до разработки дороги в Северный Афганистан, тем не менее происки их успели проникнуть за Гиндукуш, не подействовав, впрочем, на Гулям Хайдар-хана, но повлияв в значительной степени на Султан Мурада Кундузского. Позволю себе так утверждать на основании сведений журнала 5 и повсюдных позднейших толков в Бухарском ханстве о том, что англичане даже вошли в сношения с мазаришарифскими жителями [29].

Капитан Арендаренко
г. Шахрисябз.

Д. 451, лл. 80—97.

№ 8

10 февраля 1880 г.
г. Шахрисябз.

Действия сардара Абдуррахман-хана в Южном Бадахшане, по разведочным сведениям, располагались до 18 января целесообразно, основательно, тактично [1]. Заняв Рустак без малейших военных столкновений, силой обаяния, сдержанностью, непритязательностью, умелостью обращаться с попутным населением, сардар привлек к себе Умар-хана, подготовил щедрыми задабриваниями и некоторых старшин Файзабада. Действуя вначале на сопротивлявшегося Шах-заде Хасана увещеваниями, обещанием предоставить и ему некоторую власть над частью Бадахшана, Абдуррахман-хан нашел затем вынужденным предупредить, что дальнейшее сопротивление заставит действовать силой. Шах-заде Хасан игнорировал угрозы, подготовлял оборону Файзабада, воодушевлял жителей напоминанием о прошлом афганском иге.

В первые дни предъявленных сардаром требований файзабадцы действительно бодрились общим намерением не допускать афганского правительства, противопоставить оборону и вооруженное сопротивление. Затем популярность сардара начинает распространяться и в окрайном Бадахшане.

---

[29] См. док. №№ 10, 12, 17.
[1] См. док. № 11.

Как будто на запах бараньего сала больших каждодневных народных угощений к нему время от времени заявляются с Рустак старшины (арбобы, казии, раисы) не покорившихся еще курганов и больших селений. Все видят хороший, ласковый, задабривающий прием, которым нейтрализуется всякое воспоминание об афганском иге; все разносят весть, что хан «приятный» (форам), «ласковый», «добрый» (мехрбон), «благоноситель» (хуби микунот). Популярность растет, расширяется и окончательно устанавливается прибытием к сардару почетного, всеми уважаемого, файзабадца наиба — Абдышагима[2], который считался помощником мира — правителя.

Шах-заде Хасан сознает свое бессилие, свою маловлиятельность, сознает возможность для претендента привести над Бадахшаном свой план так же легко, как легко было ему подчинить горцев, и приготовляется к отбытию в Шугнан, как раз накануне появления в окрестностях Файзабада партии Баба-хана в полтораста вооруженных конников.

Оставшиеся без мира, без наиба, без предводителя, наслышавшиеся о сардаре и перебежчиках Баба-хане, Умархане жители Файзабада встречают посланных сардара салямом, отворяют городские ворота, сдают опустелую цитадель (арк) Баба-хану.

Так совершился 15 января[3] мировым настоянием акт подчинения Бадахшана афганскому правительству сардара Абдуррахман-хана, от которого ожидают благ и справедливости, а не тех обирательских ухищрений с налогом курпеджума (пятничное одеяло), которыми оставило по себе недобрую память правительство Ширали-хана.

Занятием Файзабада рабски преданный сардару Баба-хан не ограничивается: он посылает немедленно партию конников с родственником своим Ходжа Кулом на юг для занятия Кургана (крепостца при р. Мошот)[4] Кишм, что и удается после некоторого сопротивления бека Султан-ша (родственник Шах-заде Хасана), удалившегося затем в Шугнан, — это вассальное Бадахшану убежище всех авантюристов, домогавшихся разновременно владеть драгоценным минералами нагорьем Пянджа.

Через несколько дней Абдуррахман-хан побывал в Файзабаде, возвратился в Рустак, высказав свои предположения оставить Бадахшан под управлением двух своих шуринов, сыновей Джахандар-ша, вызванных из Бартанга (в Восточном

---

[2] Так в документе.

[3] 18 января, в пятницу, Абдуррахман-хан ездил в Файзабад (прим. док.).

[4] Так в документе. Крепость и город Кишм расположен на реке Кишм. В док. № 3 эта река называется Гумбаз; Мешхед — название населенного пункта на реке Кишм.

Бадахшане), а самому с Умар-ханом и Баба-ханом начать действовать против Чар-Вилойята.

Считают такой план слишком торопливым, считают ненадежным для дела сардара преждевременное оставление Бадахшана под управлением легкомысленных (сабукфагам) сыновей Джахандар-ша, считают неподготовленным дело в Чар-Вилойяте, где Гулям Хайдар действует разумно, настойчиво, энергично, отбиваясь от внутренней неурядицы, от внешних врагов, готовых бороться и с запада, и с востока (Султан Кундузский).

По-видимому, Абдуррахман-хан и сам понимает настоятельную необходимость организовать прежде всего вооруженную силу, подготовить союзника в Султан Мураде Кундузском, воспользоваться вовремя затруднительным положением афганского правительства в Чар-Вилойяте.

Очевидно, сардар смотрит пока на Бадахшан как на этапный пункт, в котором требуется обеспечить тыл для дальнейших действий, от успеха которых зависит и прочность власти его над Бадахшаном. Удастся утвердиться, хотя бы в Афганском Туркестане, — Бадахшан за сардаром, не удастся, — будет вытеснен в конце концов кабульским правительством, не устоять Абдуррахман-хану и на Пяндже, если не встретит активной поддержки для перенесения «нейтральной зоны» южнее Кукча-Дарьи [5].

Оценивая приблизительно таким образом свое положение сообразно с ходом дела на западе у Исхак-хана, Абдуррахман-хан исподволь вербует мергеней (стрелков) из бадахшанцев, посылает тайных эмиссаров к чарвилойятским узбекам и войсковым афганам, посылает уверения Султану Кундузскому, что он (сардар) вовсе не посягает на его владения и только желал бы воспользоваться пропуском в Балх, — цель его всех планов. Однако Султан не подает пока никакой надежды к уступчивости, задерживает одиночных людей сардара, пробирающихся в Балх, расставил повсюду к стороне Рустака наблюдательные посты, открыто заявляет намерение сопротивляться сардару, хотя бы это потребовало примирения с Гулям Хайдар-ханом. Очевидно, по сведениям от 20 января, дело так и располагается. Правитель Чар-Вилойята, сознавая полную опасность от союза Абдуррахман-хана с Султан Мурадом, склоняется к некоторой уступчивости последнему. Войска (4 палтана, 2 рисаля, 600 наукаров, 8 орудий), приготовленные к выступлению в Кундуз еще 15 января, оставались на маршевой позиции в Мазари-Шарифе и 19 числа. Приостановку движения объяснили тем, что Султан Мурад пошел на примирение, отказался завладеть окру-

[5] Далее также Кукча.

гом Гури, приостановил свои боевые приготовления, обещая удовлетворить требование Гуляма высылкой некоторой дани и возвращением гуринцам угнанного скота.

Мазаришарифский отряд пока, однако, не распущен, а окончательный ответ Султана на ультиматум Гуляма ожидался со дня на день (16—19 января).

Допускают, что в случае обоюдных уступок Султан положительно условится с Гулямом обороной границ Чар-Вилойята, и тогда дело Абдуррахман-хана остынет в Бадахшане.

Теперь, в особенности после трагического события 16 января в Мазари-Шарифе с племянником сардара Сарвар-ханом, считают, что Абдуррахман-хану нельзя уже рассчитывать на отзывчивость чарвилойятских афганцев, подававшую в начале некоторые надежды совокупностью успехов сардара в Южном Бадахшане и неудовольствием войска на Гуляма за неполное удовлетворение жалованьем.

Теперь дело становится уже в ту фазу мести за кровь (хунда) по ожиданиям чарвилойятцев, на которой невозможно мирное исправление отношений, как бы благоразумно ни действовал Абдуррахман-хан [6].

Остается, по общему заключению, единственное средство для успеха планов: боевой перевес, который обусловливается, конечно, средствами вооружения, размерами и качеством контингента, средствами денежными.

Насколько близок к такой готовности сардар-претендент — пока это известно ему одному. Наблюдательность же посторонних подмечает только недостаток людей, недостаток оружия и щедрость в кормлении бадахшанцев.

Говорят, что этого будет недостаточно для борьбы без союзников с энергичным бойцом Гулямом, войска которого, хотя и плохо кормятся, плохо фуражируются [7], но все же представляют собой организованную военную силу в 5 тыс. пехоты, 600 чел. кавалерии, 20 орудий, 1 тыс. узбеков-наука-

---

[6] Предсказывают, что трагический эпизод этот вызовет борьбу кровной мести между сильными племенами мамадзаи и слабым племенем вардак (прим. док.).

[7] Материальное положение чарвилойятских войск настолько же плохо, насколько жалко экономическое убожество несчастного узбекского населения. Денег, очевидно, нет, продовольствия нет и повсеместная реквизиция уже стала в те формы, которые дают ей название грабежа. Берут у всех и все: берут провиант, берут фураж, берут топливо, берут живность и всякие съедобные продукты. Забитое, угнетенное раньше разорениями, население Чар-Вилойята выносит все это глухим ропотом, испытывая действия и голода, и холода при слабой надежде на поправление быта земледелием в этом году, так как жадные афганы не оставляют даже посевного зерна, а оно так дорого. По сведениям от 20 января, на привозной из бухарских владений хлеб там держались такие цены: мука 2 руб. 40 коп., ячмень 1 руб. 80 коп. за пуд (прим. док.).

ров, готовых сразиться за свое «законное правительство», как они воодушевлялись, празднуя отражение Исхак-хана [8].

Вспомогательные, как представлялось, действия этого сардара на западе Чар-Вилойята от начала до конца были так же безотчетно порывисты, плохо обдуманы, неверно рассчитаны, каким выдавался всегда этими особенностями своей натуры сардар Исхак-хан, взявший на себя главенство с предоставлением второстепенной роли более сметливому, несчастному брату своему Сарвар-хану.

Ослепленный призрачным успехом скорой вербовки хищных эрсаринцев, хорошим приемом в ахчинской ставке Боссага, Сеидабаде, Хамйябе, Исхак-хан уже воображал себя обладателем самой крепости Ахчи, а за нею и других.

Рассылая по всем направлениям письма, вызывавшие на поздравления, сардары очнулись от ложного упоения только тогда, когда почувствовали перед своим фронтом отряд Мухаммад Шах-хана и Гулям Реза-хана из 2-х палтанов, 2-х рисали и 4-х орудий, уделивший еще подкрепление и гарнизону Ахчи. Быстрое движение этого отряда на Хамйяб заставило почему-то сардаров сделать диверсию на саму Ахчу. Прогнанные отсюда вылазкой гарнизона, туркменские скопища отступили на Янги-кала, где и расположились, считая себя вне опасности. Отсюда Исхак-хан отправился 3 января один в лагерь двух рисаля (300 чел. кавалерии) на местности Чигчи (между Шибергапом и Ахчой), взяв в руки книгу Коран, в надежде подействовать этим священным только атрибутом, привлечь на свою сторону афганских конников. Ожидание странного сардара сбылось только отчасти: афганы не задержали его, но прогнали ответом: «Каждый из нас имеет одну голову, которую и жертвует своему законному правительству, если бы у тебя не было в руках Корана, мы бы связали тебя и отправили бы к наибу, а теперь иди себе поскорее откуда пришел». Таким образом, Исхак-хан вернулся к своему сборищу ни с чем, а назавтра был преследуем Мухаммад Шах-ханом от Янги-кала за Хамйяб, почти до Керкине, откуда скопища туркмен рассеялись, а сардары после отдыха попытались с небольшой партией расположиться в степных стойбищах между Андхоем и Шибергапом.

Не видя никакого толку от таких несообразных действий, Сарвар-хан рассорился с Исхак-ханом, взяв 5—6 человек своих афганцев, и вечером отправился в Шиберган, выдав себя привратнику крепости за эстафетного (чипонор). Доставленный к коменданту Абдул Кадыр-хану [9], несчастный

[8] Сведения об Исхак-хане доходят до Абдуррахман-хана крайне поздно: только 20 января были получены в Рустаке первые известия о мнимых успехах сардаров под Ахчой (прим. док.).

[9] Далее также Кадыр-хан.

сардар был сразу узнан и принес повинную словами: «нанк овордом — приношу стыд, прося помощи нашему делу» [10].

Бедняга ошибся, однако, ожиданием сочувствия, на которое рассчитывал в силу военного обычая афганов, существующего на такие случаи «принесения стыда».

Комендант Абдул Кадыр-хан как бы забыл этот обычай и отвечал: «Мы, поедавшие хлеб-соль покойного эмира нашего Ширали-хана, признавая наследственное законное правительство Мухаммад Якуб-хана, какую можем оказать помощь вам, мутителям нашего народа, нашего спокойствия». Присутствовавшая при этом приеме толпа войсковых афганцев, возбужденная таким ответом коменданта, готова была расправиться с нечаянной жертвой тут же на месте, но общий совет офицеров решил отправить «ценный подарок» к самому наибу [11].

На третий день сильный конвой корнейля Мухаммад Заман-хана доставил несчастного пленника в Мазари-Шариф. Гулям Хайдар-хан, собрав совет, готов был пощадить жизнь «принесшему стыд» ханскому потомку, как на то обязывали афганские традиции, но старшие войсковые афганы заропта-ли возражениями, что они служат «законному правительству» (шахрияр), готовы отстаивать его ценой своей жизни и требуют уничтожать врагов (душман) без пощады, иначе сдерживать преданность сипаев будет невозможно. Несчастный сардар Сарвар-хан Азам-ханов перешел затем в руки жаждавшим возмездия [и] доказательства преданности шахрияру, и через полчаса, 16 января, его труп был брошен в овраг одной из окрестностей Мазари-Шариф. Печальный эпизод был отмечен на другой день орудийными салютами в Мазари-Шарифе и Тахтапуле.

Как распорядился Исхак-хан в своем деле после отправления пленного сардара, остается пока не выясненным. Достоверно известно только, что уже после отступления сардаров от Хамйяба к Керкине благоразумный Пирназар-дотха [12], бек округа Керки, именем бухарского эмира советовал Исхак-хану письмами отпустить туркменов, умерить свои планы, направиться к Абдуррахман-хану или возвратиться в Самарканд, но все было напрасно: сардары не теряли надежды.

Известно также, что тот же Пирназар-дотха после эпизода с сардаром убеждал Исхак-хана немедленно оставить Андхойскую степь, укрыться в Керки, но получил такой ответ: «Сознаю, что мое дело окончено, но последовать вашему совету не могу. Вернуться в Самарканд не позволяет совесть.

---

[10] См. док. № 13.

[11] С 5 афганцами-спутниками сардара порешили тогда же в Шибергане (прим. док.).

[12] Далее также Пирназар-бек.

и честь, отправиться к Абдуррахман-хану считаю неудобным, решусь, вероятно, идти в Герат или же в Тегеран».

После этого ответа Исхак-хана никаких сведений о нем в долине Аму-Дарьи не было, и это заставляет догадываться, что он попытался выполнить последнее свое намерение, — отправился искать убежища в Персии [13].

Капитан Арендаренко
г. Шахрисябз.

Д. 451, лл. 100—110.

№ 9

10 февраля 1880 г.
г. Шахрисябз.

С половины июля месяца 1879 г. бухарский эмир проживает то в Шахрисябзе, то в Китабе, частью следуя установившемуся распорядку каждодневного объезда ханства, в сопровождении 6 тыс. сарбазов и 8 орудий, бывших при нем и в Шахрисябзе [1], частью, как случилось в этот раз, вследствие задержавшего отъезд ожидания прибытия лица, командированного от господина туркестанского генерал-губернатора.

Так как в конце января, через неделю после прибытия нашего в Шахрисябз, мне было заявлено Рахматуллой-мирахуром о скором намерении эмира переехать в Карши, то и мне пришлось назначить день своего отъезда через 2 дня после предполагавшегося отъезда бухарского правительства. Оказалось, однако, что Музаффар-хан отложил свои намерения отчасти потому, что сафарой (январь м-ц) считается несчастливым (частные догадки об этой причине), отчасти и вследствие действительного бездорожья от выпавшего обильного снега, который падал в долине Кашка-Дарьи 3,5 недели с двухдневными-трехдневными перерывами.

Счев для себя неудобным, по многим служебным причинам, ехать в Бухару раньше эмира, я также должен был отложить свой отъезд из Шахрисябза, объяснив мирахуру, что делаю это на основании приказания господина генерал-губернатора, не считая также для себя удобным и уместным ехать впереди хозяина, возвращение которого в столицу ханства все же должно последовать, по расчету близкого наступления нового года (8 марта), вскоре.

---

[13] Исхак-хан действительно, кажется, на пути к этому. По последним сведениям от 2 февраля, он был в Давлат-Абаде, в 50 верстах от Меймене. При нем всего 58 своих афганцев, 36 перебежчиков туркменов Годжор (прим. док.).

[1] Сарбазы зимовали в легких палатках (прим. док.).

На другой день Рахматулла-мирахур передал мне удовольствие эмира такому моему решению, заявив, что джаноби-али возвращается в первых числах февраля месяца, отправляя одновременно мирахура экстренным посланником в Ташкент с особенным засвидетельствованием поздравления господину туркестанскому генерал-губернатору по случаю ожидаемого всей Россией высокого торжества 19 февраля — празднования двадцатипятилетия царствования государя императора.

Выразив Рахматулле-мирахуру мои глубокие чувства радости такой искренней озабоченности бухарского эмира ожиданием великого исторического дня, я поздравил мирахура с высокой честью, выпавшей на его долю счастливой миссии.

Пока шли приготовления через сношения с Бухарой к снаряжению этого экстренного посланника, войска отправлялись частями в Карши.

Наконец, 8 февраля, в 10 часов утра эмир Музаффар-хан, оставив шахрисябзский дворец, проехал верхом по каршинской дороге в сопровождении массы конных чиновников и эскорта из 200 чел. телохранителей (кул-бача) при 2 орудиях.

Через полчаса после отъезда джаноби-али ко мне заявился одаренный богатыми халатами отправляемый посланник Рахматулла-мирахур и, передав доброе приветствие эмира, объяснил, что сам он сегодня же выезжает в Ташкент.

С моей стороны было выражено и полное удовольствие приветствию, и намерению выехать из Шахрисябза 10-го числа [2], о чем тотчас и послано мирахуром донесение эмиру.

Затем Рахматулла-мирахур пояснил, что сегодня же отпущено эмиром и чарвилойятское-афганское посольство Сеид Джафар-хана, с которым отправляется посланцем судур Сеид Ислам-ходжа из потомков Богоутдин-ходжа Накшбанди, особенно чтимых афганцами. Судуру этому назначено оставаться сколько потребуют обстоятельства, а Касым-ходжа ураку с Мирзой Абдул Гафаром приказано возвращаться.

При этом Рахматулла говорил мне, что раньше об отправлении посланца в Мазари-Шариф хазрат писал всегда господину туркестанскому генерал-губернатору, а теперь эмир поручил лично доложить об этом высокому генералу и засвидетельствовать, что посольство в Чар-Вилойят вызывается единственной необходимостью иметь оттуда точные сведения и для Ташкента, получение которых частным путем решительно сделалось невозможным вследствие бдительных мер Гулям Хайдар-хана.

---

[2] С однодневной остановкой в Чиракчи я рассчитываю приехать в Карши 14 февраля (прим. док.).

Я не задавался никакими дальнейшими вопросами, а пожелал мирахуру счастливого пути.

Капитан Арендаренко
г. Шахрисябз.

Д. 451, лл. 112—115.

№ 10[1]

22 февраля 1880 г.
г. Карши.

Пунктами 2 и 3 инструкции, данной мне господином главным начальником Туркестанского края, назначено, во-первых, удостовериться, приезжают ли в Бухарское ханство англичане или индийцы с поручением от англо-индийского правительства, во-вторых, разработать насколько верно известие о бывшем в сентябре месяце прошлого года английском посланце, афганце Ширмухаммаде, явившемся будто бы в Бухару из Лахора.

Приостанавливаясь пока с ответом на первый вопрос до посещения Бухары и полного изучения всех разведочных данных, группирующихся посылкой в главные пункты ханства опытных разведчиков-туземцев, я имею возможность высказаться окончательно по второму вопросу на основании данных, собранных в Шахрисябзе и Карши во время полуторамесячного пребывания моего здесь.

Прежде чем компилировать здесь разведочные сведения по этому второму вопросу, я считаю существенно важным припомнить историю Ширмухаммада, как знакомый с ней еще в Самарканде по отправлению своих прямых обязанностей начальника отдела. Вот как припоминаю я эту «историю», не имея в руках никаких документов, относящихся к ней. 1 октября я вернулся в Самарканд из четырехмесячного отпуска. Представляясь господину начальнику Зеравшанского округа, я узнал от генерал-майора Иванова, что в начале сентября месяца им было получено из Карши с Мирзой Абдухалимом[2] письмо от бухарского эмира, сообщавшее о прибытии в этот город афганца, в котором можно подозревать английского эмиссара, «хотя у него и имеется какой-то не мусульманский документ с печатью», приложенный к тому извещению Музаффар-хана. Пояснялось также эмиром, что, по сведениям, у Ширмухаммада имеется в Коканде родной брат, торговец Алидат-хан.

---

[1] Журнал этот отвечает на вопрос пункта 3 инструкции (прим. док.).
[2] Далее также Абдухалим.

Когда выяснилось, что заподозренный бухарцами документ не что иное, как по-русски написанный пропуск от и. д. начальника Самаркандского отдела штабс-капитана Томича от 1876 г. на возвратное следование афганца Алидат-хана в Афганистан, то начальник Зеравшанского округа послал вскоре письмо эмиру, прося о доставлении Ширмухаммада в Самарканд, а на сделанный начальнику Кокандского уезда запрос получил разъяснение, что Алидат-хана нет в Коканде. Музаффар-хан не посылал ответа генерал-майору Иванову и после повторительной просьбы, и после, наконец, письма к нему и. д. генерал-губернатора генерал-лейтенанта Колпаковского.

В этом-то обстоятельстве одномесячного неудовлетворения эмиром требования высылки Ширмухаммада, рядом с другими данными «слухов», как посвящал меня генерал-майор Иванов, им усматривалась неполнота искренности, неполнота безупречности в этой «темной истории» самого бухарского правительства.

Затем, в половине октября месяца, в Самарканд приезжает из Шахрисябза посланник Рахматулла-мирахур, следовавший в Ташкент для приветствия с приездом из С.-Петербурга господина туркестанского генерал-губернатора, и привозит с собой афганца Ширмухаммада с ответным письмом Музаффар-хана генерал-майору Иванову.

Как говорил мне тогда же г-н начальник Зеравшанского округа, допросивши лично Ширмухаммада, он представлял себе фон этой истории еще более туманным, так как афганец, по его рассказам, считал себя жертвой действительного посещения эмира в Шахрисябзе одним англичанином инкогнито. Отъезжая тогда (во второй половине октября) в Ташкент, генерал Иванов поручил мне допросить лично Ширмухаммада, а из Ташкента телеграфировал задержать выехавшего из Коканда в Самарканд афганца Алидат-хана.

Как теперь отчетливо припоминаю, Ширмухаммад рассказывал мне так: «Я уроженец округа Газни в Афганистане, из того племени, которое кочует, занимаясь кое-какой мелочной торговлей. Постоянно мы проводим лето в Газни, а зиму в Дамане, англо-индийских владений. Семья моя осталась на родине, я же несколько месяцев назад, т. е. в начале лета 1879 г., взяв с собой двух одноплеменников в прислуги, пустился в эти страны с намерением разыскать в Коканде своего брата, с которым года два рассорился, и получить свою долю от общей нашей торговли, которой и сам занимался здесь раньше. Уходя из дома (в Газни), я взял с собой пропускной русский вид брата, оставленный им у нас года два назад. Мне казалось, что этот вид даст мне свободный пропуск по бухарской земле, а между тем по прибытии в августе месяце в Карши, через Ширабад, остановившись в одном

караван-сарае, я был задержан. Не знаю, почему бухарское правительство, отобрав от меня тот вид, подослало Мирзу Абдухалима, который сначала ласково выпытывал меня, не английский ли я человек, а затем заставил меня признать в себе шпиона ферентиев письмом к Дурбинбию. После этого тот же Абдухалим уже другим тоном приставал ко мне согласиться провести эмирского человека какого-то ходжи, называли имя, к ферентиям с письмом. Я решительно отклонился от этого, но вызывался лично выполнить поручение, рассчитав, что быть посланником самому и почетнее, и выгоднее, чем сопровождать только какого-то ходжу, которого мне не показывали. Долго уговаривали меня в Карши и другие люди эмира, наконец увезли меня, с переездом хазрата, в Шахрисябз, где я и содержался с людьми своими под строгим присмотром. Не знаю, почему правительство бухарское заподозрило во мне английского шпиона, почему мне делали такие предложения. Может быть, к эмиру действительно являлся тайно англичанин и они желали скрыть это, выдав русским меня за шпиона».

Вот почти дословный рассказ Ширмухаммада. Я остановил Ширмухаммада в тот раз, чрез переводчика Камалетдинова, на последних словах, и поставил вопрос так: «Вы теперь мне говорите „может быть" к эмиру являлся тайно англичанин, а генералу вы говорили утвердительно, что англичанин действительно являлся в Шахрисябзе [к] эмиру, как вас следует понимать?». На это Ширмухаммад твердо и повторительно отвечал: «Утвердительно я так не говорил генералу, а объяснял, как и вам, что может быть являлся. Не знаю, почему переводчик генерала не так передал мои слова». Я еще раз поставил афганцу тот же вопрос и получил тот же ответ с пояснением: «Не мог я говорить утвердительно, потому что не мог и знать о приезде к эмиру тайно англичанина».

Заслушанные объяснения Ширмухаммада с веским выражением «может быть» я тогда же сообщил письмом в Ташкент г-ну начальнику Зеравшанского округа генерал-майору Иванову[3], исполнив приказание отправкой таинственного афганца на почтовых с джигитом Сейфулла в Ташкент.

Так как для дела этого представлялось весьма важным и показание Алидат-хана, то по получении из Ташкента телеграммы генерал-майора Иванова[4], через 8 дней после отправки Ширмухаммада, я распорядился для верности выставить пост джигитов на Каменном мосту, в 60 верстах от Самарканда по Ташкентскому тракту. Действительно, через 2 дня джигит Накиб-ходжа доставил ко мне Алидат-хана, до-

[3] Не обнаружено.
[4] Не публикуется (см. оп. 34, д. 457, л. 31).

ложив, что этот афганец, будучи остановлен вопросом на посту, при следовании на верблюдах с товаром со стороны Ташкента, сначала отказался от своего имени, а затем признался.

Не открыв сделанным подробным обыском ничего подозрительного у Алидат-хана, я спросил его, почему он отказался от своего имени, имеется ли у него брат Ширмухаммад (второй вопрос), где он теперь и что за личность, чем занимается (последующие вопросы). Довольно растерянным многословием Алидат-хан отвечал мне так: «Мы купцы вообще народ боязливый — потому я и отказался от своего имени, родственник Ширмухаммад есть у меня, но брата нет». Сознав вслед за сим начисто, что Ширмухаммад родной брат, Алидат-хан уверял, что никаких расчетов в деле торговли и наследства не имеет с ним, что особенно не ссорился с братом, а только нередко упрекал его за то, что он, отбиваясь от прадедовского дела (ота-ба бодон касп) торговли, тянет все к какой-то службе, им, купцам, вовсе несвычной. К какой именно службе тянет Ширмухаммада, Алидат-хан решительно уклонился объяснить, рассказав еще, что родина его Газни, а зимовки родителей в Дамане, что он десятый год торгует в Коканде, что был на родине 2 года назад и оставил свой пропускной документ, счев, что с ним не безопасно возвращаться, что в этот раз имел намерение ехать в Бухару за товаром, что о брате Ширмухаммаде ничего не знает[5].

Отдав Алидат-хана под особый надзор туземной полиции, я доложил затем, чрез несколько дней, о его показании г-ну начальнику Зеравшанского округа, который и разрешил мне предоставить названному афганцу отправиться по торговле в Бухару, так как и показание его и ход дела бросают тень только на Ширмухаммада.

Важно, конечно, было бы для полного освещения всей этой ширмухаммадовской истории заслушать и оправдательные, так сказать, разъяснения официальных лиц ханства (Дурбинбий, Мирза Абдухалим), но 20-й пункт инструкции обязывает меня ограничиваться негласным, осторожным собиранием сведений. Следуя в строгой точности требованиям инструкции, я поэтому ограничиваюсь прежде всего припоминанием из журнала I некоторой части речи эмира Музаффар-хана, некоторых не вызванных мной разъяснений Рахматуллы-мирахура, затем мне обязательно придется внести сюда «негласные» разведочные сведения и, наконец, сделать правдивую оценку всего собранного и заслушанного по делу Ширмухаммада.

В журнале первом отмечены мной подробности порядка встречи меня в ханстве и сделанного приема настолько, насколько входило это в фактическую связь с теми впечатле-

[5] За переводчика был поручик Кулчанов (прим. док.).

ниями, какие оставляли и речь эмира, и вечерние беседы его сановника мирахура. Как припомним, Музаффар-хан, после общего ответа на переданные ему приветствия и уверения от имени господина туркестанского генерал-губернатора, взволнованно говорил, что никаких секретов в его сношениях нет, что он всегда одинаково искренен, всегда заботлив в выполнении всех требований русского правительства, что у него нет целей, нет желаний стремиться к тому, что не согласуется с видами дружественного соседа, что добрые отношения его всегда останутся прочными, как бы ни стремились омрачить их наговорами, что «того» (Ширмухаммада) после заявления им предложений будто бы от англичан считал полоумным и воздерживался высылать в Самарканд, ожидая, что, может быть, он только нечаянный вестник скорого прибытия действительного английского агента, которого, конечно, непременно выдал бы. Свою апологию, сконцентрировавшую все мое внимание, эмир окончил, как известно, уверением, что, кроме дружбы, ничего не имеет, что благодаря высокому генералу владения благоденствуют, что к чему же тянуть к англичанам, чтобы обратиться, разве, самому к Ширали-хану. Общее впечатление этой речи такое: я сделал услугу, разоблачив Ширмухаммада, — меня же и обвиняют. То же самое, конечно, просвечивает и в тоне объяснений Рахматуллы-мирахура, утверждающего, что не посылали долго афганца единственно в ожидании случая отправить его с особым посланником; случай представлялся ожиданием в Ташкент господина генерал-губернатора, — афганца и отправили с ним, мирахуром.

Чересчур словоохотливый Рахматулла рассказал мне еще в одной из вечерних бесед, что история Ширмухаммада возникла так: в августе месяце, в одном из караван-сараев г. Карши (не назвал сарая), остановился проездом из Ширабада афганец с двумя слугами, при двух лошадях. Дня через два этот афганец, назвавшийся Ширмухаммадом из Газни, убедительно просит сараевладельца (имя не назвал) довести как-нибудь до сведения придворных людей, что он «имеет важное слово к эмиру». Это сделалось известно, в отсутствие Рахматуллы, Дурбинбию, который и доложил эмиру. Музаффар-хан не изъявил желания принять афганца, а приказал послать к нему Мирзу Абдухалима для заслушания всего того «важного», что имеет передать газниец. Ширмухаммад сначала отклонялся говорить с Абдухалимом, очень обидчиво сказал, что или пусть выслушает меня эмир, или же должны прислать для отобрания заявления более важного человека. Когда афганцу было внушено от имени Музаффар-хана, что посланный Мирза Абдухалим достаточно важный человек, то Ширмухаммад келейно передал ему следующее: «Я послан англичанами из Пешаура предложить хазрату — эмиру дружбу и желание поддерживать всегда сношения, писем у меня

никаких нет, потому что ференги поручили объяснить словесно». Когда эмиру было доложено об этом, Музаффар-хан, по рассказам Рахматуллы, приказал закотчи немедленно установить надзор за этими тремя афганцами, а отобранные от Ширмухаммада документы отправил при письме с тем же Мирза Абдухалимом в Самарканд к генералу Иванову [6].

Так началась, по рассказам Рахматуллы-мирахура, ширмухаммадовская история, набросившая подозрение и на бухарское правительство.

К ней, этой истории, мои осторожные негласные сведения могли еще прибавить, что Ширмухаммад первоначально остановился в Карши в караван-сарае Насреддина, что предварительное заявление «о важном слове к эмиру» он сделал через каршинского закотчия Ибадулла-мирахура, что Мирза Абдухалим неоднократно допрашивал о чем-то Ширмухаммада, записывал «что-то», а затем Ширмухаммада с его людьми сдали каршинскому закотчи Ибадулле, у которого он содержался арестованным, Мирза Абдухалим же вскоре уехал в Самарканд.

С переездом эмира в Шахрисябз туда же перевезли арестованных и упомянутых 3 афганцев. Больше этого мои разведчики ничего не могли дать в подтверждение объяснений бухарского правительства и в оправдание показаний Ширмухаммада о том, что его подговаривали сопровождать ходжу, а он вызывался отвезти письмо самолично.

Остается, следовательно, на этих всех совершенно достоверных данных построить такой логический вывод, который бы вполне согласовался с трезвым нравственным убеждением, решающим вопрос политической виновности тех, о которых идет в этом журнале речь.

Вопрос разбивается в порядке заданий инструкции (пункты 2, 3) и хода истории на 2 отдела: первый, имеются ли основания заподозрить по ширмухаммадовскому делу бухарское правительство в политических сношениях с англичанами в Индии; второй, достаточно ли данных считать афганца Ширмухаммада из Газни — Дамана политическим эмиссаром, явившимся из Индии от англичан с предложениями бухарскому эмиру дружбы и прочее.

Как я изложил вначале, обвинение эмира строилось единственно на двух обстоятельствах: продолжительного неисполнения требования высылки Ширмухаммада и показания сего последнего генерал-майору Иванову, показания, которому одновременно отвечали и слухи (???). Первое обстоятельство может иметь некоторый вес только неаккуратности бухарского правительства, объясняемой им совершенно правдоподобно, логично тем, что эмир придавал афганцу большое значе-

[6] Письмо не обнаружено.

ние и готовил отправить его с посланником к приезду господина генерал-губернатора в Ташкент. Если вспомним обычаи бухарцев, если вспомним аналогичный случай присылки эмиром к генерал-майору Абрамову в Самарканд, еще в 1869 г., белокурого еврейчика, забредшего в Бухару из Индии [7], если взвесить, что присылкой письма в Самарканд с самим допрашивателем Мирза Абдухалимом обозначается и осторожность эмира, и серьезный взгляд на пролог этой истории, то в самом деле, первое обстоятельство теряет всякое свое значение.

Второе обстоятельство раскладывается так: Ширмухаммаду будто бы делали предложения сопровождать ходжу к англичанам, он вызывался исполнить миссию сам. «Может быть, — говорил мне через переводчика Камалетдинова Ширмухаммад, — к ним раньше являлся англичанин, они и старались выставить меня пред русскими, чтобы оправдаться. Здесь имеет огромное значение, во-первых, слово „может быть", во-вторых, предложения Ширмухаммаду, которые ничем не подтвердились.

Взвешивая, с другой стороны, все поведение бухарского правительства в самом начале истории, соображая, что логически Ширмухаммадом никоим же образом нельзя бы было мистифицировать мнимый факт действительного приема английского агента, соображая, что у бухарского эмира было и есть самое простое средство упразднить афганца и всю историю — это зиндон (яма), принимая, наконец, во внимание, что „слухи", еврейского нередко источника, мало же имеют цены и могли быть прямым, повсюду неправильным отражением той же ширмухаммадовской истории, приходится сказать, что в деле Ширмухаммада бухарское правительство должно быть свободно от всяких подозрений [8].

Что же такое Ширмухаммад? По объяснению родного брата его Алидат-хана, этот газни-даманец отбился от прадедовского дела торгашества, тянул все время к службе (?), по странно откровенному признанию, загадочный афганец из таких, что не прочь был бы отвезти письмо англичанам и лично, по экстренному удостоверению бухарского правительства, этот афганец обращался к эмиру с предложениями от англичан.

По совокупности всех обстоятельств, всех данных, всех выводов и сведений журналов 5 и 7 о происках англо-индийского правительства в области нейтральной зоны, я твердо беру на себя нравственную ответственность утверждать: первое, что Ширмухаммад действительно неудавшийся полити-

[7] Я служил в то время в Джизаке, приезжал на Христово воскресенье в Самарканд и видел это посольство с еврейчиком и 2 слонами. Это я хорошо помню (прим. док.).

[8] См. док. № 17.

ческий эмиссар от англичан, второе, что, во всяком случае, факт заявления им предложений бухарскому правительству действительно был.

Капитан Арендаренко
г. Карши.

На препроводительном рапорте к журналу имеется резолюция: «Вывод капитана Арендаренко о Ширмухаммаде мне представляется верным. Освободить Ширмухаммада нельзя. Когда обстоятельства с Северным Афганистаном выяснятся, тогда доложить.

7 марта 1880 г. Кауфман».

Д. 451, лл. 54—67.

№ 11

25 февраля 1880 г.
г. Карши.

Независимо [от] донесений телеграммами господину туркестанскому генерал-губернатору о таких выдающихся событиях в Бадахшане и Северном Афганистане, которые, так или иначе, дают предсказания близкой осуществимости более крупных политических фактов на берегах Аму-Дарьи, мной принято заносить в журнал подробности таких событий из достоверных разведочных сведений и заслушиваний на месте. Следуя такому правилу, дополняю подробностями телеграммы за №№ 26, 46, 53 [1].

Журналом 8 было отмечено, что до 18 января действия сардара Абдуррахман-хана в Бадахшане располагались правильно, обещали успех упрочения власти его, помогли ему без труда выгнать из Бадахшана сопротивлявшегося Шах-заде Хасана, привели сардара в столицу этого горного гнездилища Файзабад. Но тот же журнал наглядно отметил, что г-н Абдуррахман-хан всеполно обязан такими блестящими результатами двум своим приверженцам, Умар-хану и Баба-хану, прямым потомкам бадахшанских правителей, заслуживших признательность горцев изгнанием в начале 1879 г. ненавидимых всеми среднеазиатцами афганцев правительства Ширали-хана. Причем разъясняется теперь, что успех занятия Рустака и затем Файзабада, где сидел непопулярный пришелец из Ферганы Шах-заде Хасан, был подготовлен, с одной стороны, стремлением Баба-хана восстановить вполне свою власть (см. журнал 3), с другой — ласковыми уговари-

[1] Не публикуются (см. оп. 29, д. 451, лл. 57—58, 119—120).

ваниями бадахшанцев, что Абдуррахман-хан останется в Бадахшане временно только в качестве гостя, что его планы имеют в виду собственно Чар-Вилойят, что власть в Бадахшане распределится между представителями потомков бадахшанских «миров» (см. журнал 5), что, наконец, будто бы сардар пришел в Бадахшан под покровительством русских и бухарского эмира. Все это в совокупности, иллюстрируясь хорошим обращением афганцев с народом, достаточной щедростью сардара на угощения и задаривания влиятельных горцев, распространило сочувствие к нему как к гостю, как к претенденту ханского поколения.

Обаяние это с запахом пилава росло, однако, до тех пор, пока, после переезда в Файзабад, «приятный» сардар не заявил себя некоторыми распоряжениями хозяином Бадахшана. С этого времени Абдуррахман-хан начинает умерять свою щедрость, свои ласки и с первых же дней требует через Баба-хана довольствие от жителей в количестве 1,5 пудов сала бараньего, 4 баранов, 8 пудов крупы, 2 пудов масла, 30 пудов ячменя каждодневно.

Затем, получив на все свои искательства в Кундузе решительный отказ Султан Мурада, несомненно действующего с Сары-ханом под наущением англичан из Кабула и Чатрара, получив также ответ и Гулям Хайдара, что Чар-Вилойят он добровольно не сдаст, Абдуррахман-хан приступает осторожно к формированию «войска» из горцев, к приобретению оружия, действуя во всем через двух названных приверженцев.

Когда, таким образом, к концу января уяснилось для бадахшанцев, какого они приняли «гостя», несочувствие горцев афганскому претенденту начало обозначаться и уговариванием односельчан старшинами не давать оружия, мерганов, и упреками Баба-хана в обмане, и открытым заявлением (дараи-танг 5 тыс. домов) нежелания возвращаться к правлению афганцев.

Нерасположение бадахшанцев к афганским «гостям» усугубляется еще с первых чисел февраля и тем, что Султан Мурад, расставив повсюду наблюдательные пикеты, воспретил своим жителям сношения с Бадахшаном, приказал не допускать бадахшанцев в базарные пункты Кундуза, снабжающих горцев солью и отчасти хлебным зерном.

Баба-хан, остающийся пока верным Абдуррахман-хану, сознает шаткость его положения, оценивает разлад сардара с тридцатью его спутниками из Ташкента — бадахшанцами же, видит опасность в разговорах горцев о том, что к ним снова возвращаются притеснения (зульм) налогами «мигман-пули» (сбор на угощение, сделанный Умар-ханом), «кош-пули» (на войсковые потребности), и считает нужным назначить сардару ночные караулы, предупреждая афганцев, чтобы они не разгуливали в Файзабаде без особенной нужды.

Положение Абдуррахман-хана делается затруднительным еще и потому, что между его приверженцами, Баба-ханом и Умар-ханом, снова открылась вражда, которую потушить едва ли удастся сардару, так как первый требует от Умар-хана возвращения имущества, 8 тыс. рупий и мальчика-батчу, отнятых во время изгнания Баба-хана (см. журнал 3) из Файзабада в Шугнан, а второй, отказываясь удовлетворить претензию, считает себя крайне обиженным тем, что Баба-хан отказался принять его, когда он сопутствовал в первый раз Абдуррахман-хану в Файзабад.

Считают поэтому вероятным, что вражда между приверженцами сардара разовьется, доведет их до столкновения, которым могут воспользоваться своевременно другие отставленные претенденты на Бадахшан Ибрагим-ша, Султан-ша Ишик ага-баши, Шах-заде Хасан, ожидающие удобного момента в Роге, Шугнане и Чатраре.

Бадахшанцы как будто бы предвидят совершенную непрочность положения такого шаткого правительства, предвидят знакомые бедствия от бесконечных раздоров разных хищных претендентов, искателей власти, и уже заявляют свои вздохи бухарскому эмиру, остающемуся безучастным, холодным зрителем драмы в этом соседнем с его владениями уголке, инстинктивно соблазняющем многих своими непочатыми минеральными богатствами.

Капитан Арендаренко
г. Карши.

Д. 451, лл. 156—160.

№ 12

28 февраля 1880 г.
г. Карши.

Передав предыдущим журналом точные разведочные сведения о положении дел в Бадахшане, о действиях сардара Абдуррахман-хана, обращаюсь затем к сведениям о положении дел в Кундузе и Чар-Вилойяте, о деятельности сардара Исхак-хана в Андхойской степи после неудачной попытки сардара Сарвар-хана в Шибергане.

Афганская провинция Кундуз, занимая узбекским населением рода катаган, могол и др. небольшую территорию между левыми берегами рек Пяндж, Кукча-Дарья и правым берегом Кундуз-Дарьи, непосредственно соприкасаясь с южным бекством Бадахшана и с территорией афганских хаза-

рейцев на юге [1], вошла в состав Афганского Туркестана с 1848 г., а до этого времени находилась под управлением своих потомственных султанов [2].

Почему-то случилось так, что с окончательным закреплением в 1869 г. власти афганцев в Кундузе правительство Ширали-хана, заботливо собравшее в Кабул под ближайший свой надзор лишившихся владений беков сарыпульского, шибер[ганского], ахчинского и меймеңинского [3], оставило Кундуз под управлением родового и потомственного Султана Мурада. Окруженный на своей небольшой территории довольно сильными частями афганских войск, занимавшими Бадахшан и Центральный Туркестан, султан этот был всегда скромным, послушным данником кабульского эмира Ширали-хана. Казалось, преданность Мурада своему правительству была так прочна, что для него не послужило соблазном даже отпадение Бадахшана. Султан Кундузский оставался по-прежнему верным полувассалом позднейшему афганскому правительству, по-прежнему признавал власть над собой наместника (наиба) в Чар-Вилойяте, по-прежнему, поддерживал добрые сношения с этим наибом, Гулям Хайдар-ханом, посылая ему определенную дань.

Но Кундуз соприкасается своей юго-восточной границей с владениями независимого Чатрара, где англичане приобрели несколько лет назад за 60 тыс. рупий территорию Чатрарбаля, всего в семи днях удобного пути от Кундуза. Ничего поэтому нет невероятного в существующих настойчивых слухах, что с упразднением эмира Якуб-хана англичане поддерживают непрерывные сношения с Султаном Кундузским через Чатрар и непосредственно из Кабула. Всего более, конечно, заинтересован в этом наместник Афганского Туркестана, благородный вардак Гулям Хайдар-хан, отклонивший (см. журнал 7) происки англичан в Чар-Вилойяте, и он-то упрекает постоянно Султана за измену, дружбой с ференгиями, он-то пишет об этом постоянно бухарскому эмиру, он-то оценивает в последнее время в 10 тыс. рупий голову Сары-хана, считая прибытие его в октябре месяце в Кундуз началом открытой враждебности Султана, которую и сам наиб, и его

---

[1] Было написано «на севере». Зачеркнуто рукой К. П. Кауфмана и надписано «на юге». На полях им сделана помета: «Хазарейцы на юге от Кундуза?».

[2] Султаны были всегда вассалами Бухары: платили дань и выставляли наукаров (прим. док.).

[3] Периодически отпадавшие западные бекства были окончательно укрощены Ширали-ханом в 1875 г., с занятием Меймене. Правитель этого округа Хусейн-хан с Махмуд-ханом сырыпульским и Хаким-ханом (умер) шиберганским были отвезены в Кабул, откуда они бежали в ноябре прошлого года и теперь бродят в горах этих бекств. Только незначительный Андхой остался до последнего времени под управлением потомственного бека (прим. док. Далее также Махмуд-хан).

войско, и народ объясняют подстрекательством англичан через беспокойного Сары-хана в ответ на неудавшиеся происки их в Центральном Туркестане.

В простоте Султан Мурад и сам не скрывает этого, поясняя в своих угрожающих письмах Гуляму, в своих ответах бадахшанскому претенденту Абдуррахман-хану, что он признан султаном самими англичанами и потому подчиняется во всем и данью, и непосредственными сношениями кабульскому правительству. Действительно, в ноябре месяце Султан отказывается исполнять требование наиба выслать обычную дань, а в январе отправляет в Кабул письмо к нему Абдуррахман-хана о предоставлении пропуска в Балх [4].

Если бы Гулям Хайдар чувствовал себя в Чар-Вилойяте вполне прочно, он сумел бы проучить зазнавшегося обманами вассала, он выгнал бы Султана из Кундуза так же легко, как легко выдержал небольшой отряд афганцев стычку в декабре месяце с каттаганцами Кундуза. Но, как мы видели (см. журнал 7), положение наиба было уже отчаянным в декабре месяце: Кундуз отделился, Меймене отпало легально, слышно об угрозах из Кабула, слышно о движении Абдуррахман-хана и Исхак-хана на фланги фронта; а денег нет, войска мало, хлеба мало, фуража мало не только для войск, но и для жителей, бедствующих еще, как и войско, суровой, многоснежной зимой.

Положение правителя поистине ужасное. Он не дорожит мирными жителями, отбирает у них решительно все: и хлеб, и фураж, и деньги, и продукты, и даже одеяла, стараясь сдержать ропот в войсках на неполучение жалованья, продовольствия и фуража. Напрасно Гулям посещает часто священный мазар, гробницу халифа Али, напрасно поддерживает в народе и в войсках убеждение, что эмир Якуб ханствует, напрасно салютует постоянно орудиями с обманом в победах афганского оружия над англичанами, напрасно снимает перед парадом войск свою чалму (последняя мера у мусульман), убеждая отражать врагов откуда бы они ни появились, напрасно уговаривает отряд (см. журнал 5) идти в Кундуз с тем двухмесячным жалованьем, которое выдано вместо шестимесячного по неимению денег, — дисциплина уже пошатнулась, деморализация уже на пороге шеститысячной, окруженной врагами армии.

Отряды, выставленные в Алачапане против Кундуза и на Айбаке для отражения наступления из Бамиана Нурмухаммада, не хотят двигаться с места, требуя полное жалованье, не хотят слушаться своих старших начальников, изгнав некоторых (джарнейль Гуль Мухаммад Хусейн-хан) прикладами. Наиб снова снимает чалму, снова заклинает быть верными,

[4] См. док. № 18.

снова обманывает салютами о расстрелянии будто бы пленного Сарвар-хана, об отражении будто бы дуобским беком Нурмухаммада [5].

Наконец, как последнее, кажется, предсмертное для Чар-Вилойята средство, наиб титулует себя пачча-саибом, надевает ханские атрибуты, постоянно производит офицеров в генералы, корнейли, паркиты [6]. Все напрасно, как утверждают разведки от 19 февраля: в войсках значительное большинство открыто не расположено к Гулям Хайдар-хану, высказывая нежелание драться с кундузцами, высказывая меньшинством намерение принять Абдуррахман-хана. Что будет дальше в Чар-Вилойяте — покажет время, но если Султану Кундузскому удастся вторгнуться успешно в округ Ташкургана одновременно с Нурмухаммадом, наступающим, по всем сведениям, из Бамиана [7], Туркестан кончит свое существование под управлением энергичного Гулям Хайдар-хана и, как ожидают, будущее правительство его обратит затем свои алчные взоры на Бадахшан.

Очевидно, Султан Кундузский к этому и стремится, выставив значительный отряд на Янги-арыке, заручившись обещанием содействия и гуринцев-хазарейцев, которым он дал самостоятельность, подчинивши сначала, в половине января месяца, слабо сопротивлявшегося Джафар-хана, правителя Гури и Баглана, оставшегося таким образом благодарным Султан Мураду за великодушие и предоставление самостоятельности.

Султан как будто начинает понимать, однако, возможность успешного появления Абдуррахман-хана в Чар-Вилойяте раньше его побед над афганцами, которые легко могли бы раздавить Кундуз оставшимся на Алачапане отрядом [8], который, окарауливая свои границы со стороны Бадахшана, разговаривает с Абдуррахман-ханом письмами уже несколько другого тона.

Последние сведения сообщают, что Султан Мурад препроводил бадахшанскому сардару письмо англичан, отвечающее так на письмо Абдуррахман-хана к Султану о пропуске: «Ширали-хана мы выгнали за обман нас, Якуб-хан был вероломный и смещен, мы установим в Афганистане порядок

---

[5] По сведениям, в Мазари-Шариф Нурмухаммад с отрядом в 2 тыс. двигается из Бамиана, встречая отпор шейхалинцев, дуобцев. Рассказывают, что в отряде имеется 40 человек англичан-инструкторов (прим. док., см. № 13).

[6] Так в документе.

[7] Караванное сообщение Чар-Вилойята с Кабулом открылось (прим. док.).

[8] На Алачапане, близ Мазари, приготовлен отряд из 2 тыс. пехоты, 1 тыс. конницы, 1 тыс. наукаров при 18 орудиях. Командует отрядом Махмуд-хан, родственник наиба (прим. док.).

и укажем вам место, а теперь сидите там, куда пришли». Письмо это доставлено Абдуррахман-хану его конником Давлет-ханом, сначала задержанным Султаном, а при отправлении щедро одаренным, и затем Султан Мурад начинает в первых числах февраля заигрывать с Абдуррахман-ханом посылкой к нему предложения идти в Балх через его владения, но содействия не ожидать от него, Султана. Тем временем, Абдуррахман-хан то ездит в горы Файзабада на охоту, то гостит в Рустаке (телеграмма 53) [9], тщетно стараясь подогреть расположение бадахшанцев к его дальнейшим планам, признаки осуществления которых сказываются, по заключению многих, крайне запутанным положением дел в Чар-Вилойяте и даже, как утверждают некоторые разведчики, высказывающимся намерением наиба Гулям Хайдар-хана принять претендента сардара Абдуррахман-хана [10].

Пока это не случилось еще, пока исход борьбы Султан Мурада с Гулямом не обозначился, посмотрим, каково положение дел на западе Чар-Вилойята, где шаткое правительство наиба ведет одновременно борьбу с узурпаторскими стремлениями восстановленного Гулямом мейменинского правителя Дилавар-хана и с домогательствами сардара Исхак-хана, верующего в реальную силу Корана столько же, как и в силу оружия, уменья и рассудительности. Продолжение в следующем журнале.

Капитан Арендаренко
г. Карши.

Д. 451, лл. 147—154.

№ 13

4 марта 1880 г.
г. Карши.

Та территория за Аму-Дарьей, на которой пришлось действовать в Чар-Вилойяте Исхак-хану с тремя сардарами, с самого начала представляла и подходящий, казалось, элемент в туркменах рода эрсари, и соответствующие условия в исконной привычке узбекского населения западных бекств видеть свой край постоянной ареной то потасовки беков между собой, то дружного сопротивления этих, порой вассальных правителей, своим ханам — эмиру бухарскому до 1845 г. и эмиру афганскому впоследствии.

Последнее обстоятельство как будто бы было упущено в первое время Исхак-ханом из виду, и он, казалось, считал

[9] Не публикуется (см. оп. 29, д. 451, лл. 119—120).
[10] См. док. № 23.

достаточным для своего дела сочувствия одних эрсаринцев. Расчет был совершенно ошибочный: туркмены обобрали сардара получением содержания, возбудили против него население своими грабежами (см. журналы 3 и 5) и в конце концов бросили его одного при первых же признаках неудачи, после отступления Исхак-хана в местности Сеидабад к Керкине. Тогда-то сардары вспомнили, что в Андхое сидит беком не афганец, а потомственный бек Давлет-хан, оставленный в этом небольшом кургане еще Ширали-ханом, после подчинения им долго сопротивлявшегося Меймене и остальных маленьких бекств на западе Туркестана, потомственные беки которых Махмуд-хан Сарыпульский и Хаким-хан Шибергапский были привезены впоследствии Ширали-ханом из Кабула в Мазари-Шариф, где и проживали под надзором до последнего времени.

Вспомнилось также сардарам, что и восстановленный наибом мейменинский бек Дилавар-хан также не чужд инстинктов повоевать в пользу каких бы то ни было претендентов ханского, тем более достоинства.

Когда, таким образом, предварительные сношения с Андхоем и Меймене дали некоторый блеск надежды встретить сочувствие, сардары направились сначала в степь Андхоя, высидели некоторое время в ставке Ходжа-дух (см. журналы 5 и 8), подвинулись затем к Шибергану, где Исхак-хан напрасно уговаривал рисалинцев-кавалеристов с Кораном в руках, где дело сардаров едва не погибло окончательно пленением в Шибергане Сарвар-хана, отправленного в Мазари-Шариф и здесь погибшего [1].

Роковая неудача, безденежье, отшатнувшее и последних остававшихся туркменов, очевидное несочувствие ни старших, ни младших войсковых афганцев даже таким сильным уговариваниям, как «нанк овордом» (принесение военного стыда), обращение за помощью, пошатнуло в Исхак-хане уверенность в успехе до того, что он высказывал намерение отправиться в Персию (см. журнал 8) [2].

Но ход дел в Центральном Чар-Вилойяте уже с ноября месяца прошлого года располагался неурядицей в довольствии войск и общей голодовке населения так, что вызывал

---

[1] Хотя 2 разведчика и утверждают теперь, что Сарвар-хан погиб 22 февраля (телеграмма 69), но есть основание верить, что он действительно расстрелян 16 января по доставлении в Мазари-Шариф (телеграмма 33, журнал 8) (прим. док. Телеграммы не публикуются. См. оп. 29, д. 451, лл. 138—122).

[2] Слух о преследовании Исхак-хана в Бадахшан (телеграмма 62) возник из того, что одному разведчику встретились между Рустаком и Соядом 11 афганцев, спрашивавших о дороге в Файзабад. Одного афганца называли «сардар Исхак-хан». Оказалось, что эти 11 человек были перебежчиками из Тахтапуля, ехавшие к Абдуррахман-хану (прим. док. Телеграмма не публикуется; см. оп. 29, д. 451, л. 129).

серьезные опасения в самом наместнике — наибе, откровенно высказывавшем бухарскому эмиру свое затруднительное положение (журнал 7). Действительно, как уже обрисовано и в журнале предыдущем, в последние полтора месяца, в особенности, картины настроения войск Чар-Вилойята в своем отношении к правительству наиба Гулям Хайдар-хана менялись, как узоры в калейдоскопе, а гул неудовольствия полуголодных солдат становился все сильнее и сильнее, отражаясь с полной интенсивностью и на жителях (журналы 5, 8 и телеграммы 26 и 33) [3].

Шаткое положение наиба уже обрисовывалось в половине января, когда он оказался бессильным смирить вассала Султан Мурада Кундузского, когда ему пришлось уверять войска готового к движению отряда, что уплатой двухмесячного жалованья, вместо причитавшегося шестимесячного, отдал все, что имел. Уже тогда наиб задумывал бросить Чар-Вилойят, уйти заблаговременно в Герат, куда он 3 раза посылал Аюб-хану напрасные представления выслать ему преемника.

Все сардары, включительно с претендентом Абдуррахман-ханом, знали, без сомнения, чем должно окончиться крещендо развивающаяся внутренняя неурядица этого Туркестана, и стремились воспользоваться случаем, избрав в последнее время средством уговаривание войска письмами и эмиссарами, что все жалованье будет заплачено войскам сардаром-претендентом. Это средство обещания оказалось действительным; оно подействовало на голодных афганов настолько, что Исхак-хану не потребовалось уже ехать в Персию, — к нему начали обращаться с предложениями рисалинцы Ходжа Нури уже при первом движении его 22 января к Меймене.

Приостановившись поэтому в Давлетабаде, Исхак-хан усиливается перебежчиками из Сарыпуля, Шибергана и Ахчи, которые знакомят его в точности с действительным положением дел, с настроением войск, занимающих эти крепости.

Уяснив себе также и характер отношения к наибу меймененского правителя, готовившего небольшой отряд для поддержания бежавшего из Мазари-Шарифа Махмуд-хана, бывшего бека Сарыпуля, Исхак-хан решается принести «свой стыд» Дилавар-хану. Предварительно, однако, сардар этот посетил еще выставленный со стороны Сарыпуля наблюдательный пост рисалинцев корнейля Хусейн-хана и, действуя на старших афганцев и убеждением Кораном и заманчивыми обещаниями, успел заручиться их сочувствием, их обещанием активной поддержки, если сардар будет принят беком меймененским.

Узнав от посланного в Меймене махрама, что правитель

---

[3] Телеграммы не публикуются (см. оп. 29, д. 451, л. 122).

этого бекства относится к делу Абдуррахман-хана сочувственно, высказываясь враждебными намерениями против наиба Гулям Хайдар-хана, Исхак-хан лично заявляется 6 февраля к Дилавар-хану, приносит традиционный «нанк оворДом», просит помощи.

Встретив в Меймене хороший прием, Исхак-хан получил, однако, больше обещаний и уверений, чем действительную поддержку: ему было предоставлено полтораста конников (телеграмма 55) [4], было предложено действовать сначала на Андхой, было разъяснено, что высланный отряд против Сарыпуля будет также достаточной поддержкой сардарам.

На самом деле этого приема в Меймене оказалось вполне достаточным, чтобы подействовать не только на население западных бекств Туркестана, но и на самих афганцев, для которых успех дела Исхак-хана обозначался наглядно движением сардара из Меймене к Андхою с партией в 400 человек, в которой, при значительном числе перебежчиков афганцев, половина людей были Дилавар-хана.

Ободренный и такой поддержкой и слухами о том, что Сарвар-хан жив, сардар Исхак-хан, не встретив в первый месяц прибытия своего в западный Чар-Вилойят сочувствия в Андхое, находит его теперь, располагается со своей партией в казенном саду, принимает от местного бека Давлет-хана большой тортук как знак полной подчиненности, получает от бека некоторую денежную дань для дела Абдуррахман-хана.

Присоединив к своей партии небольшую часть гарнизона крепостцы Андхой, взяв с собой брата потомственного бека этого округа, Исхак-хан выступил 12 февраля против Шибергана, где, как и в Ахче, афганские сарбазы обнаруживали, по сведениям, полный разлад со своими комендантами (Кадыр-хан и Гулям Реза-хан) и начальниками, открыто высказывая сочувствие претендентам.

Действительно, с приближением Исхак-хана к Шибергану гарнизон в 300 человек не только не выказал намерения сопротивляться, но, арестовав своего коменданта и старшего корнейля, выслал 14 февраля к сардару депутацию от жителей и войска.

То же самое повторилось в крепости Ахче: гарнизон, состоящий наполовину из узбеков, услышав о занятии сардаром Андхоя и Шибергана, заявил коменданту Гулям Реза-хану нежелание сопротивляться.

Успех занятия Исхак-ханом 16 февраля крепости Ахчи, где в январе месяце тот же Реза-хан отразил первые покушения сардара, облегчился еще и тем, что после такого легкого овладения Шибергана к Исхак-хану присоединился со своими палтанами сарыпульский бек джарнейль Мухиддин-

[4] Не публикуется (см. оп. 29, д. 451, л. 121).

хан [5], на которого наиб возлагал так много надежды, произведя его в чин джарнейля и отправив незадолго с войсками для поддержания Ахчи, куда были командированы ранее влиятельные джарнейли Султан Нияз и Нажмуддин-хан с целью примирения гарнизона с комендантом Реза-ханом в разладе о жаловании.

Во вторник, 19 февраля, в Мазари-Шариф дошел слух об успехах Исхак-хана, о падении Андхоя, Шибергана, Ахчи, о непринужденном присоединении к сардару джарнейлей и всех их палтанов.

Одновременно же получено известие из отряда, оставшегося на маршевой позиции в Баш-Абаджане, что войска не хотят идти в Кундуз, выгнали своих командиров Сеид Хасана и Мухаммад Хасана, требуя полной уплаты жалованья за шесть прошлогодних месяцев и грозя присоединиться к Абдуррахман-хану [6].

Встревоженный наиб, оставшись в Мазари-Шарифе с 2,5 тыс. войска [7], собирает совет старших командиров и, сняв чалму, уговаривает их быть преданными, подействовать на свои войска увещанием, послать уверение в отряд, что жалованье будет заплачено сполна по окончании экспедиции. Безмолвно выслушали джарнейли, корнейли и поркиты последнее признание наиба, что для него нет больше исхода в одновременной борьбе с четырьмя противниками, что из Герата — молчание, а денег нет и сил его нет бороться с внутренней неурядицей.

Гулям Хайдар-хан попытался все же лично ободрить собранные войска Мазари-Шарифа, но было уже поздно: паника охватила жителей, начавших зарывать свое имущество при первых пушечных выстрелах со стороны Тахтапуля. Оказалось, что весь гарнизон этой крепости в 800 человек афганцев при 8-ми орудиях, тайно подготовлявшийся эмиссарами Абдуррахман-хана Алладат-ханом и другими, узнав об успехах сардаров и о бунте в отряде, укрепился в цитадели, забаррикадировал крепостные ворота, послав предложение Исхак-хану.

Того же дня, в четверг, 21 февраля, наиб Гулям Хайдар-хан попытался уговорить тахтапульцев через двух посланных джарнейлей, но они вернулись при пушечных выстрелах из Тахтапуля и объявили, что дело там кончено, — гарнизон поголовно отдался делу сардаров и ждет их прибытия. Тогда

---

[5] Слух о занятии Дилавар-ханом Сарыпуля (телеграмма 46) не подтвердился: заняты только ближайшие крепостцы этого бекства Гурз-Ван и Курчи (прим. док. Телеграмма не публикуется. См. оп. 29, д. 451, лл. 57—58).

[6] Дальнейших сведений об этом отряде пока нет (прим. док.).

[7] В последнее время, перед отправлением отряда в Кундуз, войска укомплектовались набором в палтаны узбеков мазарышарифцев (прим. док.).

наиб Гулям Хайдар-хан обращается к последнему средству: он собирает в пятницу, 22-го числа, все войска Мазари-Шарифа до 2 тыс. при 8-ми орудиях и сам ведет их против Тахтапуля, разделив на 2 отряда: южный, под начальством брата наиба Мухаммад Рахим-хана, и западный, под своей личной командой.

Обложение войсками небольшой отпавшей крепости, обмен с нею пушечными выстрелами с ничтожным уроном для обеих сторон, продолжался всего 2 часа. Очевидно, тахтапульцы были в соглашении с мазаришарифцами, и, когда первые сделали из крепости сильную вылазку, отряд Рахим-хана примкнул к ним и вошел в крепость, захватив с собой своего командира. Гулям Хайдар-хан все еще оставался некоторое время на позиции против западных верков крепости, но выставленные тахтапульцами знамена мазаришарифцев отшатнули от наиба и последних его приверженцев, частью пробиравшихся в Тахтапуль, частью бежавших в Мазари-Шариф, разнося весть, что настало время Абдуррахман-хана (Даур, даур Абдуррахман-хан!).

Горсть войск, оставшаяся в резиденции наиба, узнав о том, что он возвращается без успеха с двадцатью своими преданными слугами, бросилась грабить его дом, избила казначея Мухаммад Акбара, отняв ничтожную казну [8], овладела казенным имуществом, орудиями, арсеналом, лошадьми и, подкрепившись солдатами, бежавшими из отряда, осаждавшего Тахтапуль, открыла бесцельную стрельбу из орудий, начав под звуки выстрелов генеральный грабеж лавок и всего, что попадалось на глаза, не исключая имущества, сложенного благочестивыми шейхами на гробнице святого (бузрук) Али.

То, что не успели ограбить в пятницу, было ограблено в субботу тахтапульцами, прибежавшими по слуху об отъезде наиба Гулям Хайдар-хана из Мазари-Шарифа.

Когда действительно выяснилось, что наиб покинул Чар-Вилойят, отправился, как оказалось, в ночь на 23 февраля к переправе Патта-Гиссар на Аму-Дарье, народ застонал от ужасов насилий нахлынувших отовсюду войсковых афганов.

Грабеж, насилие над женщинами продолжались неистово 3 дня и после того, как провозгласили временным наибом простого афгана из слуг Исхак-хана, некоего Шарбата [9], захваченного в плен в Шибергане и содержавшегося арестованным при арсенале в Мазари-Шарифе.

Этот импровизированный наиб, приняв на себя роль старшего, только и сделал, что отправил известия к Исхак-хану и

---

[8] Утверждают, что богатства Гулям Хайдар-хана попались в руки Исхак-хана при следовании с небольшим прикрытием в Герат (прим. док.).

[9] Так в документе.

Абдуррахман-хану (телеграмма 69) [10], выпустив часть войсковых афганцев с потомственными беками Надир-ханом и Абдуллабеком [11] на грабеж Сарыпуля и Шибергана, где власть Исхак-хана уже заявила себя.

Не имея до сего времени (3 марта) сведений ни о прибытии в Мазари-Шариф Исхак-хана, ни о принятии Абдуррахман-ханом Афганского Туркестана под свою власть, заканчиваю этот журнал извещением, что бывший наиб Гулям Хайдар-хан прибыл с двадцатью слугами 25 февраля в Шерабад бухарских владений, прислав эмиру Музаффар-хану письмо [12] следующего содержания: «Я, последний доброжелательный невольник и ничтожная соринка, заявляю Вам, великому царю, украшенному солнечной короной и имеющему войск столько же, сколько на небе звезд, что, окончив, по воле Аллаха, свое дело в Чар-Вилойяте, прибыл в Шерабад, чтобы дней через пять явиться к Вам, украшающему божий рай. В последнее время положение мое было таково: англичане послали отряд для занятия Балха; услышав об этом, я выставил отряд, который и разбил войска ференгиев в местности Кух-Морд, приведя несколько пленных. Также назначены были войска с орудиями против Каттагана (Кундуз), которые и заняли Каттаган. Но войска в Ахче и Тахтапуле взбунтовались и арестовали всех моих братьев и родственников. Я двинулся с войсками из Мазари-Шарифа, окружил Тахтапуль, но заметив наклонность к измене и в этих последних войсках, возвратился в Мазари-Шариф, где раньше прибытия моего солдаты ограбили арсенал, казенное имущество, лошадей. Ничего не оставалось делать, как отправиться к границам владений вашего высокостепенства. Кто из старших был во главе бунта войск, мне неизвестно еще, но, в сущности, войска мои возбудили к восстанию назначенные ференгиями лошкар-башии-сардар Вали Мухаммад-хан и наиб Нурмухаммад-хан (кафир), которые действовали подкупами. Всему причиной происки кафира-неверного» [13].

Капитан Арендаренко
г. Карши.

---

[10] Не публикуется (см. оп. 29, д. 451, л. 138).

[11] Так в документе.

[12] Письмо это получено эмиром в Карши 28 февраля и сообщено для сведения мне (телеграмма 68) (прим. док. Телеграмма не публикуется. См. оп. 29, д. 451, лл. 136—137).

[13] Слухи о том, что англичане отправили в Бамиан отряд в 1000 чел. с Нурмухаммадом и Вали Мухаммад-ханом, держались настойчиво за Амударьей еще в январе месяце (телеграммы 53, 59, 62, журналы 5, 12).

Были сведения, что Нурмухаммад, усилив отряд, двинулся к Чар-Вилойяту, но должен был отступить, встретив на Кух-Морде отпор скопищ дуобского бека Дилавар-хана и сайганского бека Сеид Джафар-хана, которых поддерживал небольшой отряд наиба Гулям Хайдар-хана.

№ 14

20 марта 1880 г.
г. Бухара.

Предыдущий журнал был закончен письмом бывшего наместника в Чар-Вилойяте Гулям Хайдар-хана, извещавшим бухарского эмира об окончании дела, о намерении явиться к джаноби-али (Гулям Хайдар-хан, прибыв в Карши 6 марта, переехал в Бухару 14 марта, где и представлялся эмиру 19 числа) [1]. Письмо заканчивалось обвинением англичан в происках, вызвавших правительственный переворот в Афганском Туркестане подкупами тахтапульских войск, но оно умалчивало совершенно о сардарах, пропущенных бухарским эмиром через свои владения, хотя ход дел этих сардаров и активное влияние Абдуррахман-хана и Исхак-хана на тахтапульскую историю, подчеркнувшую деятельность Гулям Хайдар-хана, были, разумеется, ему известны.

Ясно было для всех ближайших свидетелей происшедшего переворота в Чар-Вилойяте, что он носил признаки ожидания

От 13 февраля сообщали, однако, из Мазари-Шарифа, что старшины хазарейцев являлись к Нурмухаммаду и были одарены халатами, а от 22 февраля пишут из Ташкургана, что «сардары, едущие из Бамиана, прибыли в Дорои Юсуф, куда поспешили к ним персиане ташкурганские». В какой мере это справедливо — разъяснится вскоре следующим журналом и телеграммами.

P. S. Не имея карты Северного Афганистана, я записываю здесь из разведочных расспросов исчисление расстояния между пунктами движения бамианского отряда: от Ташкургана до Кутеля Чамборок — 5 дней пути, до Докир Кутеля — 5+3=8 дней пути, до Дандан-Шикана — 8+1=9 дней пути, до Бамиана — 9+2=11 дней пути, до Кутель Ирака — 11+2=13 дней пути, до Кабула — 13+9=22 дня пути. От Ташкургана: до Айбака — 1 день пути, до Сейгана — 1 + 5 = 6 дней пути, до Кух-Морда — 6+1=7 дней пути.

P. S. Дарья-Юсуф показана по карте Тур[кестанского] в[оенного] окр[уга] в 60-ти верстах от Ташкургана (прим. док. Телеграммы не публикуются. См. оп. 29, д. 451, лл. 122, 119—120, 127—128, 129. Далее также Дара-Юсуф).

На препроводительном рапорте к журналу имеется резолюция: «Странно, что давно нет известий от кап[итана] Арендаренко. Хотя я и ожидал, что будет промежуток между его телеграммами по причине переезда его из Карши в Бухару, но промежуток этот, выходит, слишком продолжительный. Когда была последняя его телеграмма? 11 марта 1880 г. Кауфман».

Ниже резолюции помета рукой И. И. Ибратимова: «Последняя телеграмма от 6 марта 1880 г. об англичанине».

Д. 451, лл. 162—174.

[1] Прибытием Гулям Хайдар-хана в бухарские владения остается недоволен сардар Исхак-хан, жаждущий, очевидно, кровавой мести за смерть брата своего Сарвар-хана, погибшего в Мазари-Шарифе 16 января. Приняв бывшего наиба без всяких щедростей вознаграждения, эмир Музаффар-хан высказал мне на аудиенции 19 марта полную готовность указать Гулям Хайдар-хану дорогу туда, куда укажут из Ташкента (прим. док.).

политической катастрофы уже в декабре прошлого года, что он был прямым следствием деморализации войск афганских, прогрессивно развившейся под влиянием недостатка довольствия и предоставленной афганам свободы реквизировать, просто грабить бедных, безответных жителей, придавленных всеобщей голодовкой, исконной забитостью за грехи в чужом историческом пиру, придавленных также, конечно, преобладанием над ними вооруженной давящей силы.

Народ стонал от поругания, от насилия, от произвола, от полного бесправия, открывавшего двери и сундуки для каждого солдата и закрывавшего дверь получения удовлетворения у начальников для обиженных; но этот стон не раздражал наиба, а настраивал его самого к изобретению позорных налогов, прикрывавшихся вескими вымышленными аргументами, именовавшими налоги для «священной войны с ференгиями», для отражения всяких врагов, для годовых поминок, наконец, незабвенного эмира Ширали-хана [2].

Такое безнравственное, вполне грабительское правительство наиба Гулям Хайдар-хана, названное вначале благородным (журнал 5) только за преданность интересам родины, не могло поддерживать обаяние на войска только «заклинанием быть преданными», да обещанием денежных благ в будущем, и постепенно это правительство обращалось в шута (масхарабоза), то снимающего позорно чалму перед сановниками и солдатами, то празднующего салютами вымышленные события, то раздающего без права высшие чины корнейля, джарнейля, то титулующего себя бачою в шутовской ханской чалме мандаль.

Когда наконец все присмотрелись к шутовству пустому бессилием отражать опасности, когда нежелание отряда войск исполнять приказание старших маршевым движением в Кундуз осталось в двух случаях безнаказанным и после изгнания с Алачапана солдатскими прикладами своих главнокомандующих, признаки неизбежности военной диктатуры — переворота ясно обозначились.

Гулям *чувствует неизбежность опасности,* он говорит уже войскам: «Делайте, что хотите» (телеграмма 64 [3]), он видит угрозу в стороне Бамиана сильную интригами, сильную средствами, сильную пронырливостью, он отражает попытки авангарда Нурмухаммад-хана выставленным на Айбаке отрядом, он считает — не знаю насколько основательно — сардара Абдуррахман-хана прелюдией к будущим событиям на Аму-Дарье, считает его длинным рычагом, которому требуется настоятельно твердая, могучая точка опоры в денежных средствах, в оружии, в бесповоротном признании прав его

---

[2] См. док. № 18.

[3] Не публикуется. См. оп. 29, д. 451, лл. 132—133.

на Чар-Вилойят, от Кундуза до Меймене, с выключением Бадахшана, никогда не принадлежащего Афганистану и ухищренно прирезанного англичанами к владениям Ширали-хана под шумок приобретения деньгами позиций в Чатраре, в семи днях пути от левого берега Аму-Дарьи.

Нет сомнения, что необходимость [получения] возможно скорее такой точки опоры, нисколько не родственной пожеланиям и уверениям, хорошо сознается и самим Абдуррахман-ханом, который предоставил своему причудливому племяшу [4], Исхак-хану, совершить 4 марта торжественный въезд в Мазари-Шариф с Кораном на шее, не подкупившим все же симпатии жителей (телеграмма 77) [5], сам действует очень медленно, осматриваясь по сторонам, нет ли и над его делом таких же грозовых признаков от настойчивых происков англичан, от внутренней неурядицы, какие дали взрыв 19—22 февраля в Тахтапуле, напутствовав Гулям Хайдар-хана бунтом, выстрелами сопротивления и, наконец, преследованием и ограблением на Аму-Дарье нескольких вьюков с увезенным из Мазари-Шарифа металлом.

Медленные действия сардара Абдуррахман-хана идут, очевидно, под сомнением о действительном настроении войск Чар-Вилойята, деморализованных до способности делать каждодневные перевороты, до способности обещать сардарам амударьинским, а служить бамианским.

Очевидно, сардар-претендент со времен прибытия своего с проводником Султана Кундузского Давлетбеком и с тремястами бадахшанцами Умар-хана в Таликан кундузский, приняв тортук (вещевые подарки) от Султан Мурада как наглядный признак, по понятиям всех азиатов, полной покорности, озабочен еще столько же укреплением этой покорности бывшего вассала, сколько и получением с него денежной дани, достаточной для удовлетворения согласно обещания афганских войск шестимесячным содержанием (вот почему, как объясняют достоверные сведения из Чар-Вилойята и Бадахшана, сардар Абдуррахман-хан остается 28 февраля в Кундузе [6], переговариваясь с Султан Мурадом обещанием оставить его самостоятельным владетелем, успокаивая каттаганцев обещанием возвратить все их имущество, награбленное отрядом [солдат] без военного боя).

Удастся Абдуррахман-хану выполнить хоть часть обещаний, данных Султан Мураду и его кундузцам, — он пройдет в Ташкурган беспрепятственно, снабженный, пожалуй, деньгами, довольствием.

---

[4] Исхак-хан приходился двоюродным братом Абдуррахман-хану.

[5] Не публикуется. См. оп. 29, д. 451, л. 193.

[6] См. телеграммы 74, 76, 80, 86 (прим. док. Телеграммы не публикуются. См. оп. 29, д. 451, лл. 187, 190, 196, 197—198).

Удастся Абдуррахман-хану исполнить обещания, данные возвратившимся из Кундуза в Мазари-Шариф войскам, все еще ожидающим пороховой затравки — шестимесячного жалованья, — дело останется за ним и только потребуется немедленно развернуть над анархией всю ханскую силу во всеоружии тех мер особенного обаяния, с какими родилась, живет и будет жить долго вся Азия мусульманского режима.

Удастся Исхак-хану с Куддус-ханом, правящим в Ташкургане (телеграмма 80) [7], поддержать порядок в ожидании старшего сардара, он останется наибом, как считается теперь, не чувствуя под собой твердой почвы, встречаясь с самовластием тех же тахтапульских войск, которые пригласили его, которые вознаграждены им денежно 7 марта, но которые отказали ему выдать брата бывшего наиба Мухаммад Рахима и назначили из своей среды старшего, подчиняясь, таким образом, Исхак-хану совершенно номинально.

Удастся наибу Исхак-хану погасить интенсивность влияния англичан на чарвилойятских афганцев и персиян Ташкургана, он просуществует со своим управлением и при тех мерах утеснения жителей налогами, выпытыванием о скрытых Гулям Хайдар-ханом сокровищах, которые начал практиковать этот благочестивый (суфи) афганец с первого же дня своего неэффектного, как передают, прибытия.

Удастся тому же суетному стремлением к наживе сардару Исхак-хану отразить высланным 11 марта небольшим отрядом покушения Нурмухаммад-хана, щедро одаряющего английскими рупиями хазарейцев, шугнанцев, дуобцев и отчасти ташкурганцев, он дождется празднества прибытия в Мазари-Шариф старшего сардара Абдуррахман-хана, своего экс-эмира.

Что будет — посмотрим, а теперь считаем существенно важным отметить достоверное сведение о бывшем 12 марта ропоте в тахтапульских войсках продолжительному ожиданию Абдуррахман-хана, о настойчиво удерживающемся слухе ожидания вторжения из Бамиана в Афганский Туркестан сильной колонны с англичанами, успевшими будто бы занять Герат по соглашению с наибом Аюб-ханом (телеграмма 86).

Сведения приходят ко мне в Бухару из Мазари-Шарифа через Карши (560 верст) на седьмой день, но эти сведения вполне достоверные, чуждые, конечно, фантазии и субъективного настроения, при некотором слабом умении писать события теми красками, каких они вполне достойны.

Капитан Арендаренко
20 марта 1880 г.
г. Бухара.

Д. 451, лл. 204—211.

[7] Не публикуется. См. оп. 29, д. 451, л. 196.

№ 15

28 марта 1880 г.
г. Бухара.

Выполняя задание пункта 13 инструкции по вопросу о положении дел в Дарвазе, я могу передать на этой странице, хотя и весьма немногое, но вполне отвечающее действительности прошлого и настоящего этой части бухарских владений.

Дело в том, что весьма небольшая горная страна Дарваз, занимая возвышенности левобережья среднего течения р. Пяндж и ее притоков, не видела до настоящего времени ни одного европейца и остается поэтому совершенно неизвестной в географическом, этнографическом и в других отношениях, имеющих значение для науки. Не больше знают о Дарвазе и бухарцы, и само правительство эмирское, распознавшее, однако, одну этнографическую особенность в дарвазцах, потомках воинов Александра Македонского, — необыкновенную красоту женщин, занимающих в силу этого лучшие комнаты в гаремах сановников и других важных лиц ханства.

Нельзя, конечно, заподозрить, чтобы только это одно обстоятельство способности разыскивать Афродиту останавливало с давних времен внимание бухарского правительства на таких восточных горных гнездилищах, бедных природой и экономическим довольством, как Дарваз, Каратегин, Больджуан. Совсем нет. Как мне пришлось уже отметить и в журнале 3, с очень отдаленных времен и Дарваз, ограниченный когда-то самостоятельными Каратегином на севере, Бадахшаном на юге, Шугнаном на востоке, Кулябом на западе, лишился своей независимости исподволь, силой сначала нравственного влияния на владетелей (ша) бухарского эмира, как главы мусульманства в Средней Азии.

Очень давнее и периодически слабое влияние это; с годами спокойствие в Бухарском ханстве перевело внимание эмира Музаффар-хана на восток не столько стимулом воинолюбия, столь слабым в настоящем правительстве, сколько желанием показать de facto [1] свое значение горным вассалам, иногда забывавшим свою традиционную обязанность посылать сюзерену тортук дани, как ничтожен он ни был. Неаккуратность в этом отношении некоторых ша была действительным источником неудовольствий на них эмира, дорожившего, конечно, не ценностью тортука, состоявшего обыкновенно из девятки медвежьих шкур, девятки речных выдр, девятки шерстяных халатов, а вниманием, запечатлевшимся в народе

[1] Фактически (лат.).

отождествлением тортукообразного приветствия с подчиненностью. Вот почему забывавшие свою обязанность горные вассалы никогда не оставлялись без назиданий через нарочно посылавшихся махрамов, которые и сами впадали в немилость «хазрата», если возвращались ни с чем, то есть без успеха в своей увещевательной миссии.

Дарваз, управлявшийся своими потомственными ша, занимавшими обыкновенно пайтахт (столицу) Кала-и Вамар[2] не прежде, как после уничтожения всех своих ближайших родственников-претендентов, наиболее выдавался всегда своей неаккуратностью в приветствиях сюзерена.

Любящий очень почтительность эмир Музаффар-хан не мог простить последнему ша Сираджуддину его двухгодичную забывчивость в исполнении обрядов приветствия тортуками, и после окончательного упразднения в 1877 г. правительства ша в Каратегине, обращенного в бекство, распорядился занять и соседний Дарваз.

Исполнение встретилось, однако, и с трудностями вообще военных операций в горах, и с сопротивлением горцев, не желавших расставаться со своей привычной исторической независимостью, более, конечно, ценившейся самим владетелем и его хищными родственниками, чем народом, выносившим и тягости податей и даже фактическое очередное крепостничество (буна), выражавшееся нарядом целых селений в полное подневольное подчинение служилым людям (сипаям).

Как бы ни было, после двух-трех неудач в зимнем походе, трем бухарским батальонам, под командой нынешнего каратегинского бека, весьма способного и преданного эмиру иранца Худойназара-парманачи, удалось в феврале месяце 1878 г. пройти снежный перевал и без особенного сопротивления подчинить власти Музаффар-хана весь незначительный числом оседлостей, бедный суровой природой Дарваз среднего течения р. Пяндж.

Таким образом с годами и эта ничтожная частица политического конгломерата в Тянь-Шане[3] обратилась в Бухарское бекство под управлением в данное время Рахманкулбека[4], имеющего под своим ведением в Дарвазе 1300 сарбазов, сменно квартирующих там.

Капитан Арендаренко

Д. 451, лл. 246—249.

---

[2] Так в документе. Столицей Дарваза являлся Кала-и Хумб. Кала-и Вамар был центром Рушана, небольшого владения в Горном Бадахшане.

[3] Так в документе. Г. А. Арендаренко ошибочно относит Дарваз к Тянь-Шаню.

[4] До Рахманкулбека войсками начальствовал в Дарвазе иранец Давлетбек, которого эмир казнил в декабре месяце прошлого года в Шахрисябзе (журнал 1) *за дурное поведение батальонов в Дарвазе, с бывшими* примерами насилий сарбазов над женщинами (прим. док.).

№ 16

5 апреля 1880 г.
г. Бухара.
«Экстренный».

Намереваясь дополнить этим журналом официальную телеграмму от 4 апреля за № 120[1], считаю существенно важным предпослать возбужденному бухарским эмиром вопросу несколько пояснений о характере этой аудиенции с Музаффар-ханом, привыкшем силой традиций разговаривать о политике не лично, а через своих давлетханов, как точнейших словопередатчиков. Таким давлетханом был в этот раз старинный бухарский дипломат, простоватый, но честный, не фанатичный, либеральный, правдивый и довольно умелый Урак Ишан-ходжа, ведший переговоры с генералом Черняевым после занятия Ташкента, содействовавший туркестанскому отряду в хивинской экспедиции 1873 г., неоднократно ездивший посланцем к г-ну туркестанскому генерал-губернатору и уступивший наконец с 1876 г. поле реальной дипломатии более изворотливому Рахматулле-мирахуру.

Этот-то Урак-подполковник от ходжей, беседуя со мной каждодневно с 17 марта, говорил 3 апреля настоящего года «от имени бухарского эмира Сеид Музаффар-хана» следующее: «Имея точные сведения о нерешительных действиях в Афганском Туркестане Абдуррахман-хана, все еще остающегося [в] Кундузе, осведомляясь и о неумелых приемах управления Исхак-ханом войсками в Мазари-Шарифе, и о сомнительной преданности этим сардарам афганских солдатов Чар-Вилойята, джаноби-али допускает возможность фактической неудачи дела Абдуррахман-хана, сталкивающегося, по всем данным, с сильными происками англичан. Неудача повлечет за собой отбытие на правый берег Аму-Дарьи главного претендента, которому, конечно, согласно указаний высокого генерала будет предоставлен свободный путь к возвращению в Ташкент. Но хазрат (эмир), не без размышлений о будущем, задается вопросом: кто же станет затем хозяйничать в Чар-Вилойяте, искони составлявшем часть Бухарского ханства и „номинально" отпавшем по воле всемогущего аллаха лет 30 назад? Преданный всегда одной мысли, одному чувству доброжелательства России, джаноби-али думает усердно (ба кушеш) и над этим весьма важным, как ему кажется, вопросом. Издавна стараясь согласоваться во всем с волей господина туркестанского генерал-губернатора, исполняя постоянно, неизменно, последовательно все советы высокого генерала, джаноби-али, оставаясь, как всем

[1] Не публикуется. См. оп. 29, д. 451, л. 220.

очевидно, безучастным зрителем дел за Аму-Дарьей, задается вопросом для своего соображения, не будет ли предоставлено ему русским правительством занять бухарскими войсками Чар-Вилойят, после ухода оттуда сардаров Абдуррахман-хана и Исхак-хана. Если бы такое разрешение господина туркестанского генерал-губернатора последовало бы, наши 6 батальонов, 6 тыс. сарбазов с 3 тыс. конницы при 6-ти орудиях, без труда, надеясь на аллаха, исполнили бы приказание хазрата, и несчастный Чар-Вилойят снова присоединился бы к своей матери — благородной Бухаре. В случае же сильной угрозы из Кабула, по мнению нашего эмира, достаточно было бы небольшого демонстрационного русского отряда в Келифе».

Нисколько не распространяясь ни об историческом прошлом Чар-Вилойята, ни о современном ходе дел сардаров-претендентов за Аму-Дарьей, ни об известной мне, в одинаковой степени, действительной преданности эмира Сеид Музаффархана советам и указаниям господина туркестанского генерал-губернатора, я высказался Ураку Ишан-ходже, для сведения джаноби-али, что все заслушанное поспешно доведу до сведения его высокопревосходительства, полагая личным взглядом (следуя пункту 7-му инструкции), что до получения указаний из Ташкента на дело сардаров за Аму-Дарьей следует смотреть по-прежнему спокойно, безучастно, но внимательно настолько, чтобы вовремя определить момент всяких превращений в Чар-Вилойяте — этой стране фактического бедствия от всяких непорядков.

Ответ мой совершенно удовлетворил джаноби-али, поспешившего передать мне [с] Ишан-ходжою уверение, что воля единого аллаха и добрый совет туркестанского генерал-губернатора — его руководители и на будущее время.

Капитан Арендаренко

Д. 451, лл. 252—255.

№ 17

12 апреля 1880 г.
г. Бухара.

Ровно два с половиной месяца [1] отдано мной в Бухарском ханстве выполнению заданий инструкции (§ 1 и 2) по изучению «настоящих отношений Бухары к англичанам и к Афганистану», по разузнанию, «приезжают ли в Бухарское хан-

[1] Всего же пробыл я в Бухарском ханстве 3 месяца, с 13 января по 13 апреля (прим. док.).

ство англичане или индийцы с поручением от англо-индийского правительства». Задача эта казалась для меня с самого начала слишком серьезной, слишком важной, чтобы давать периодические ответы на нее с первых дней вступления своего в ханство, по первым слухам, добытым разведчиками, задолго поставленными мной из Самарканда в разных пунктах Верхнеамударьинского оазиса.

Я считал существенно важным иметь для решения вопроса, кроме разведочных данных, вполне проверенных другим комплектом разведчиков, еще и общие сведения о настроении бухарского населения доверием к русской силе, к русскому влиянию на соседние ханские правительства, к значению русского имени за Аму-Дарьей. На это-то и потрачено мной продолжительное время (с 13 января по 13 апреля), со значительной денежной затратой, неизбежной, конечно, по серьезности задачи, по состоянию в ханстве курса, обращающего русский бумажный рубль в 60 коп. [2].

...В результате самого внимательного исследования по заданиям инструкции получился тот вывод, которому я считаю существенно нужным предпослать несколько пояснительных строк, вспоминающих ширмухаммадовскую историю, доложенную журналом от 22 февраля за № 10.

Решительно отовсюду докладывали мои разведчики и поверщики разведок, что слухи о прибытии английского посланца к эмиру бухарскому распространились и держались от Бухары до Куляба в августе месяце прошлого года, то есть как раз одновременно с прибытием в Карши через Ширабад афганца из Газни-Дамана Ширмухаммада при двух слугах, проговорившихся еще в Ширабаде (из последних разведок) хозяину караван-сарая Мансурбаю, что они сопровождают «важного человека, а не простого» [3]. Возникнув впервые в Карши, слух переходил в Шахрисябз, Бухару, Самарканд уже с комментариями, «утверждавшими», что как будто бы тайный англичанин был сам третий, что эмир его принял и «куда-то» отправил секретно, что надо ждать скорого появления англичан на Аму-Дарье, чему будут препятствовать русские, потому что англичане в согласии с Рум-пашою [4], турецким султаном.

Пугливые, останавливающие свое внимание только на мелочах каждого шелеста халата бухарского эмира, верили даже и трубили дальше за пределы ханства, что Музаффархан получил через туркмен значительную партию усовершенствованного огнестрельного оружия, что эмир вполне усло-

---

[2] Падение курса последовало в 1877—1878 гг., то есть в период значительного выпуска бумажных денег, отразившегося и здесь до того, что в половине 1878 г. наш рубль стоил в ханстве 45 коп. (прим. док.).

[3] Это недавнее разъяснение не отмечено в журнале 10 (прим. док.).

[4] В документе ошибка, следует: Рум-Подшох.

вился с англичанами, зарывает, на всякий случай, свои сокровища и не возвращается в Бухару из северных окраин ханства не без целей враждебных русскому правительству. Но каково же было удивление этих болезненно боязливых бухарцев, не отличающих часто зайца от тигра, когда «сокровища» из халатов и блестящих конских попон направились в Бухару, когда задержавшийся в Шахрисябзе суровой зимой эмир Музаффар-хан, прочувствованно высказавшись по поводу истории «того» афганца и «тех» мышей, как называют чиновные бухарцы англичан, возвратился 14 марта через Карши в свою «благородную» столицу (пайтахт), переведя туда же, по обыкновению, и свои «войска»[5] (6 тыс. сарбазов, 8 орудий).

Для людей, подозревающих в каждой летней тучке огромный снежный вал, готовый обрушиться на слабую голову, дало, как я знаю по разведкам в ханстве, достаточно огня трусливости и мое появление в бухарских владениях, и продолжительный невыезд мой из Шахрисябза, и пожалование эмиром в Карши своим сарбазам наградных по одной тилле сверх жалованья за понесенные лишения на стоянке лагерем в Шахрисябзе при 20 градусном холоде.

Толковали повсюду, что «самаркандский хаким (начальник) приехал просить у эмира обратно Шахрисябз для Джурабека».

Толковали, что «русские дают теперь своим гостям ход, и между людьми афганского сардара Абдуррахман-хана действительно (мукорар) есть настоящие русские, переодетые афганцами».

Толковали, что я решил выехать из Шахрисябза позже эмира, чтобы побудить джаноби-али вернуться скорее в Бухару, как того желает господин туркестанский генерал-губернатор[6].

Толковали вначале [с] полным беспокойством в столице ханства, что «самаркандский хаким» явится с эскортом в 600 казаков, чтобы постепенно усилиться и остаться в Бухаре.

Предполагали позже в Гулям Хайдар-хане, показавшемся после тахтапульской истории в Бухарском ханстве одетым в короткое платье и английской каске, что «это непременно должно быть англичанин», хотя весть о перевороте в Чар-Вилойяте и успела уже запечатлеться в некоторой части бухарского населения.

---

[5] Я видел маршевое передвижение «войск» бухарских из Карши в Бухару, смотрел в благородной столице ученье трех батальонов, знаком с бытом войск этих наблюдением в Шахрисябзе. По этим данным со временем надеюсь дать точный отчет о виденном (прим. док.).

[6] Чтобы успешнее разбить эти странные толки, мне пришлось выехать из Карши пятью днями раньше эмира, возвращавшегося в Бухару (прим. док.).

Рассуждают и теперь в Бухаре, что в деле с туркменами на Денгиль-тепе русский отряд отступил с уроном в 6 тыс. человек, а текинцы потеряли до 20 тыс. человек убитыми и тоже отступили, ожидая теперь движения русских войск к Мерву, «который не устоит», предсказывают бухарцы, верующие в силу русских и по результатам войны с Турцией, весьма отчетливо известным им от возвращающихся каждогодно из Мекки своих же правоверных.

При склонности, как известно, среднеазиатских туземцев к праздным разговорам о политике все эти толки (шураты) обходили, конечно, города, базары, чайханы, кукнорханы, заходили в толпу на регистаны (городской плац), попали, наконец, и в канцелярии [7] беков уже в форме донесений, вперегонку докладывавшихся эмиру давлетханами, казиями и раисами [8], которым дано в этом ханстве такое широкое право подслушивать, выведывать и доносить по формуле «лучше выпачкай нос, но узнай все свежее».

Таким образом, одновременно с тем, как ближайшая к ханству администрация заносила на страницы своих донесений «слухи» об августовском англичанине и об августовском же афганце Ширмухаммаде, бухарская администрация до болезни тревожилась слишком фантастическими толками о цели командирования в ханство начальника Самаркандского отдела.

Не совсем покоен и эмир Музаффар-хан; он волновался, по силе доверия к высшей правительственной власти в Туркестане, не ожиданием расчета за недоказанную политическую неблагонадежность, а лишь огорчением, что его, всегда преданного, всегда признательного за доброе прошлое, всегда готового к исполнению всяких требований высшей русской власти, заподозрили по двум поводам сомнительных «слухов» и невысылки в Самарканд в течение одного месяца того самого Ширмухаммада, которого он же и разоблачил (журнал 1).

К концу моего пребывания в Бухарском ханстве с эскортом в 10 казаков успокоились казии и раисы, успокоились все давлетханы, совершенно успокоился джаноби-али, возобновивший придворные базимы и повременную раздачу гаремных красавиц в жены отличившимся бекам, амальдарам, бековским сыновьям, получающим эту милость своего хазра-

---

[7] К счастью, бухарские канцелярии вовсе не имеют архивов: все сжигается через 5—8 дней после получения (прим. док.).

[8] На этом поле деятельности судьи (казии) и блюстители нравственного и материального порядка в городах (раисы) чрезвычайно сильны: донос их решает часто участь беков и тюряджанов. Нынешний бек чиракчинский Тюряджан Мир Абдусамат отдан эмиром в полный надзор местного казия после переданной Дурбинбием эмирской пощечины за нескромное поведение и расточительность (прим. док.).

та как поощрение в службе, в способности ценить античную красоту и своевременно докладывать о результатах.

Очертив раньше в журнале 7 действительные отношения бухарского правительства к Афганистану и сводя теперь все разведочные итоги для ответа на пункты 1 и 2 данной мне инструкции, я счастлив возможностью сказать, что никаких отношений к англичанам бухарское правительство не имело, что попытки со стороны английского правительства к привлечению внимания эмира Музаффар-хана к Пешавару выразились в неудавшейся миссии Ширмухаммада, что в Бухаре действительно попадались вниманию разведчиков личности из индийцев и афганцев, в которых основательно было заподозрить не людей занятия, а людей рискованной службы политических соглядатаев.

Чтобы покончить этим журналом с заданиями пунктов 11, 12, 21 инструкции, отмечу по разведочным сведениям, что Катта-Тюре (мятежный сын бухарского эмира) проживает с восемью слугами в Кабуле, и хотя вначале был несколько одарен англичанами, но особенным вниманием их не пользуется и в Кундузе не ожидается уже, как толковали в населении раньше (журнал 5).

О сыне Абдул Гафара (бывший уратюбинский бек) Токтамыше имеются достоверные сведения, что он живет без всякой роли и постоянного занятия в Ташкургане, куда переехал из Кабула в начале прошлого года, одновременно с приездом в Чар-Вилойят бывшего эмира Ширали-хана.

Лишившийся Кокандского ханства, Худояр-хан проживает в Бомбее свои скудные средства, и какую он играет там роль, чем занимается, никто не мог определить.

Капитан Арендаренко

Д. 451, лл. 264—273.

№ 18

30 мая 1880 г.
г. Бухара.

Со времени занятия Абдуррахман-ханом Таликана (в Кундузской провинции, в 22 верстах южнее левого берега р. Кукчи) и Исхак-ханом — Мазари-Шарифа в Чар-Вилояте (3 марта) дальнейшие события в Афганском Туркестане располагаются таким образом: с первых же дней, произведя на жителей Мазари-Шарифа впечатление «суетливого» человека, Исхак-хан принимается разыскивать богатства своего

предшественника Гулям Хайдар-хана, практикуя при этом над приближенными бывшего наиба самые жестокие меры допытываний, которые все-таки ни к чему не привели, так как на самом деле после Гулям Хайдар-хана никакого богатства не осталось: до трех тысяч полуимпериалов, русских, было вывезено в Бухару, остальное разграблено частью на месте, частью в дороге, во время преследования.

Не найдя, таким образом, после всех усилий и следов предполагавшихся денежных кладов, Исхак-хан нашел источник к пополнению искомого в пятидесяти ташкурганских и мазаришарифских торговцах, имущество которых было конфисковано под предлогом, что ценности Гулям Хайдар-хана скрыты у них.

Рядом с такими репрессиями приобретения средств для прокормления войск и удовлетворения их, согласно обещания, содержанием, в первые же недели началось обирание всех поголовно жителей налогами и вымышленными недоимками, и взысканием хераджной и танапной дани за год вперед и притом заведомо, что такой же финансовый маневр был проделан уже бывшим наибом.

Но и при таких несправедливостях, вызвавших в первое же время глухой ропот в населении и открытые жалобы письмами англичанам со стороны ташкурганских персиян, денег собрано было мало по случаю окончательного обеднения и горожан, и сельчан, умиравших, как было до тридцати случаев, от голода и не видевших никакой надежды на улучшение своего положения, так как цены на хлеб, дойдя до 5 руб. за пуд (по бухарскому курсу 17 тенег), не понижались, а посевов было сделано земледельцами весьма мало.

Отсюда сложилось в народе открытое предубеждение против Исхак-хана, Абдуррахман-хана, сложилось ожидание ухудшения своего положения и всеобщим бесправием, и податными несправедливостями рядом с самой жестокой афганской расправой в случаях даже справедливого протеста.

Видя, таким образом, в Исхак-хане беспощадного тирана, делившего власть того же характера с Куддус-ханом, назначенным начальствовать в Ташкургане, народ подмечал в нем и другого рода своеобразности: Исхак-хан являлся перед палтанами афганцев, разъезжал в городе, непрошенно, против восточного этикета, заходил экспромтом в дома шейхов для беседы (сухбата) не иначе всегда как с Кораном на шее. Такое поведение казалось вполне странным для жителей и самих афганцев, и счастливый сардар, объявивший себя наибом (помощником) эмира Абдуррахман-хана, уже через 2 недели носил у жителей Чар-Вилойята название дивана — полоумный.

Исхак-хан, однако, не отступал от своих правил и привычек, и Коран был его спутником даже в розысках между

палтанами одиночных афганцев, подозревавшихся как виновники смерти Сарвар-хана. Таких хундаров (ответчиков за кровь) было добыто, обвинено и казнено в течение первого месяца 32 человека. Самое сильное варварство казни было испытано над бывшим комендантом Шибергана Абдул Кадыр-ханом, которого возили сначала на ишаке по улицам с обритой бородой (высшая степень бесчестия для магометанина), а после продолжительных мучений самыми адскими пытками бросили в котел с кипящим салом.

Такое широкое, казалось, возмездие (хунда) за кровь брата не успокоило все же Исхак-хана, и он задумал потребовать к ответу главного виновника, Гулям Хайдар-хана, поселившегося с разрешения эмира Музаффар-хана в Бухаре.

Не надеясь, чтобы бухарское правительство согласилось выдать своего, так сказать гостя, как хундара-ответчика за смерть Сарвар-хана, Исхак-хан требовал его, через проживавшего в Мазари-Шарифе эмирского посланца Касым-ходжу, как сокрытеля, будто бы, казенных денег. Касым-ходжа уклонился представить такое требование своему правительству и хотя объявил намерение выехать из Чар-Вилойята, но был задержан и до настоящего времени содержится просто арестованным в Мазари-Шарифе, так как эмир бухарский не нашел возможным отвечать Исхак-хану на его грубое и дерзкое письмо с требованием выдачи хундара — сказано в письме — Гулям Хайдар-хана и с угрозой сделать «большую неприятность в случае отказа» [1].

Таким образом, в марте и первой половине апреля месяца общее настроение населения Чар-Вилойята и войск афганских было не в пользу нового правительства, заявившего себя пока поборами, преследованием хундаров, непрошеными визитами к шейхам и небывалым стеснением торговли, требованием платежа таких пошлин с кабульских товаров (чай зеленый, краска-ниль, кисея, ситцы, кашемировые шали), прибывших в Ташкурган в караване 1—3 марта и отпущенных на 130 верблюдах в последних числах мая месяца, которые почти равнялись половине стоимости товаров.

---

[1] Содержание письма было передано мной следующей телеграммой от 7 апреля № 147: эмир Музаффар-хан прислал ко мне [с] Ишан-ходжою для сведения крайне обидное неучтивостью, дерзостью письмо Исхак-хана, полученное джаноби-али из Мазари-Шарифа 6 апреля. Исхак-хан пишет: «Мой хундар Гулям Хайдар-хан укрывается [в] ваших владениях, я требовал его сюда сношением [с] Касым-ходжою, посланцем вашим проживающим, но он заявил нам, что получил отозвание. Со своей стороны нахожу удобным задержать Касым-ходжу до приезда из Кундуза эмира Абдуррахман-хана, прося Вас прислать кафира Гулям Хайдар-хана, в противном случае непременно последует для вашего высокостепенства большая неприятность». Крайне расстроенный, обиженный Музаффар-хан просит совета, как поступить, как «отвечать» (прим. док. В подлиннике телеграммы после слова «проживающим» следует слово «здесь». См. оп. 29, д. 451, лл. 228—229).

Не чувствуя над собой власти наиба, прозванного диваной, распущенные грабительские войска помышляли об одном: получить свое шестимесячное недоимочное жалованье и уйти, хотя бы самовольно, как сделали это в прошлом году 2 палтана джарнейлей — Кауса и Ахмад-хана, в Кабул к семействам по домам. Это не только высказывалось афганцами открыто с угрозами Исхак-хану и с толкованием таких намерений тем, что иначе семействам их грозит гибель от угроз Вали Мухаммад-хана, но и приводилось в исполнение, так как значительная часть афганцев (до 800 чел.) действительно ушла, не получив даже содержания, а гарнизоны крепостей Ахча, Шиберган, Сарыпуль расположились было вне крепости с полным намерением направиться через Меймене в Герат, как подговаривал их к тому бек мейменинский Дилавар-хан.

Положение Исхак-хана сделалось в начале апреля не только затруднительным, но опасным в особенности потому, что происки Вали Мухаммад-хана через бывшего чарвилойятского наиба Нурмухаммад-хана усилились и частными сношениями со старшими войсковыми афганцами, и успешным движением значительной (до 600 чел.) конной партии Нурмухаммад-хана через Давоб к Дараи-Юсуф, в 70 верстах от Ташкургана, и ослабевшим сочувствием делу Абдуррахман-хана хазарейцев, старшины которых Сеид Джафар-хан и Дилавар-хан уже не раз заполучили подкупы англичан через того же Вали Мухаммад-хана.

К тому же долгое промедление уплатой палтанам не только обещенного шестимесячного жалованья, но и содержания на дневное довольствие день ото дня затрудняло дело Исхак-хана до того, что однажды заговорили в Мазари-Шарифе о скором отъезде наиба за Аму-Дарью. Действительно, признаки такого же взрыва неудовольствий, какой вытеснил Гулям Хайдар-хана, были очевидны: население глухо стонет поборами, голодом, грабежом, войсковые палтаны требуют содержание, отказываясь, как [добивался] Исхак-хан, выходить на ученье, угрожая направиться в Кабул; гарнизон Тахтапуля, получив от Исхак-хана некоторое денежное вознаграждение за услугу, отказался подчиняться Исхак-хану, избрал из своей среды наиба и объявил намерение ждать Вали Мухаммад-хана. Только незначительная часть афганцев из палтанов, всего до 600 чел., частью одноплеменников Абдуррахман-хана, задабриваемых Исхак-ханом, составляли и личную для него охрану, и оплот против покушений Нурмухаммад-хана, и опору поддержания, хотя слабого, порядка в Чар-Вилойяте.

Из этих-то 600 человек Исхак-хан нашел возможным выделить 250 человек для противопоставления на Айбаке угрозам Нурмухаммад-хана, имя которого тревожило Афганский Туркестан еще с декабря месяца.

В какой мере сделались опасными для Чар-Вилойята происки Вали Мухаммад-хана, успевшего склонить английскими подарками хазарейцев и шейхалинцев, видно также и из писем Исхак-хана в Самарканд к брату своему Мухсин-хану. В этих письмах сардар наиб признает положение свое затруднительным до крайности и от безденежья, от голодовки, дороговизны на хлеб, и от угроз Нурмухаммад-хана. То же самое сознавал из Таликана и Абдуррахман-хан письмами в Самарканд.

Чтобы уяснить себе, почему во второй половине апреля месяца положение дел ташкентских сардаров значительно улучшилось предсказаниями даже и дальнейшего успеха Абдуррахман-хана в Кабуле, надо проследить действия этого главного сардара в Кундузе, надо вспомнить также типичную способность афганцев склоняться туда, где дают деньги, способность ненавидеть всякое правительство, способность совершенной нечувствительности к словам «отечество, родина» [2], надо вспомнить и неспособность афганцев вообще помнить хорошее правительство, потому, может быть, что такового не было в Афганистане со времен первого эмира Ахмад-шаха (1747 г.).

Как известно, взрыв правительственного переворота в Тахтапуле последовал 19—22 февраля, то есть спустя 5 дней после выступления из Ташкургана отряда в 3 тыс. человек против скопищ Султан Мурада Кундузского, собранных на Баш-Абдане. Нестройный сброд этих конных, безоружных узбеков рода каттаган, разумеется, не мог не только выдержать, но и принять боя афганского отряда с кое-какой артиллерией. Узбеки поэтому задолго разбежались... начальники не имели решительно никакой власти над своими палтанами.

Пограбив сколько требовалось, палтаны произвольно вернулись в Ташкурган, «готовые служить Абдуррахман-хану под обещание уплаты шестимесячного жалованья», и только наиболее влиятельный, старинный приверженец Гулям Хайдар-хана, кызылбаш Гуль Ахмад, с 800 афганцами из разных палтанов, остался в самом Кундузе с открытым намерением пробраться кратчайшим путем в Кабул, откуда он, как и афганцы его палтанов, давно получал извещения своих родных.

По прибытии Абдуррахман-хана в конце февраля в Тали-

[2] Упорное желание афганцев выгнать англичан есть только продукт действительной ненависти горцами иностранцев вообще, есть плод до крайности придирчивой, назойливой политики англичан, есть следствие поражения британцев в 1840 г. (прим. док.). Г. Арендаренко высказывает здесь официальную, буржуазно-шовинистическую точку зрения на освободительное, антиколонизаторское движение афганцев и их свободолюбивый характер, забывая о славных, героических страницах патриотической борьбы афганского народа против порабощения (*прим. ред.*).

кан с партией в 600 человек, кое-чем вооруженных бадахшанцев Баба-хана и Умар-хана и с 120 конными своими афганцами он счастливо для своего дела встречает в Султан Мураде уже не противника, как раньше, а искателя заступничества для спасения своих жителей, однородичей каттаганцев. Абдуррахман-хан сумел, конечно, извлечь пользу из такого положения дела в разоренном Кундузе и, удержав при себе разными заманчивыми обещаниями Султан Мурада и его посредника в происках англичан, известного Сары-хана, начал озабочиваться распространением своего влияния и на афганцев Чар-Вилойята, и на горцев гиндукушских, и на родственные племена. Последние действительно отозвались недели через три письменными приглашениями «прийти и эмирствовать для истребления неверных», но последнее предложение казалось, вероятно, ученому сардару делом фантастическим, и он решил ждать в Кундузе, как говорят под влиянием сношений с англичанами, ответивших ему в одном письме (см. журнал 12) «оставаться там, куда пришли».

Выжидая, таким образом, в Кундузской провинции, на пути удобного сообщения с Кабулом, Абдуррахман-хан расположил к себе только Султан Мурада и Сарыбека, принявших его требование поставить для него 18 тыс. батманов хлеба и 20 тыс. рублей деньгами, но афганцы Гулям Мухаммада сначала относились к сардару не так, как он ожидал, начав из Таликана уже титуловать себя эмиром.

Расположившиеся в Кундузе афганцы Гуль Ахмада, добывая себе средства продовольствия отбиранием всего у жителей, в течение двух недель не вступали ни в какие сношения с Абдуррахман-ханом, как будто они и не знали о его присутствии в 60 верстах от Кундуза. Такое игнорирование сардара, удивлявшее немало всех бывших при нем, может быть и продолжалось бы, если бы Абдуррахман-хан не обнаружил первым сговорчивости. Посланный в Кундуз главный расходчик сардара Абдулладжан, высказав афганцам и старшим начальникам положение Абдуррахман-хана и его дальнейшие намерения, задался также вопросом: «Кого же теперь признают своим эмиром?».

На этот вопрос Гуль Ахмад и его палтаны отвечали, как достоверно известно, приблизительно так: «До сего времени нам все сказывали, что Абдуррахман-хан идет с большими богатствами, поддерживаемый четырехтысячным русским отрядом, последнее оказалось совершенно ложным — мы в том убедились — спрашиваем теперь вас, имеются ли у сардара богатства? Если денег у него достаточно и он одарит нас, мы станем держать сторону его, а в противном случае мы исполним свое намерение и уйдем отсюда в Кабул».

Таким образом, до половины апреля месяца Гуль Ахмад с палтанами составлял в Кундузе заслон для Абдуррахман-

хана к дальнейшему движению и не подавал никакой надежды стать сторонником, а, напротив, выказал враждебность, когда Абдуррахман-хан пытался уговаривать афганцев прекратить грабежи и жестокости над беззащитными каттаганцами.

Из дальнейших разведочных пояснений можно было заключить тогда же, что Абдуррахман-хан и не намерен направиться вскоре в Мазари-Шариф, стараясь устроить дело в Кундузе, озабочиваясь собрать дань, выполнить обещание уплаты палтанам содержания.

Замечали также тогда и усиливавшиеся сношения Абдуррахман-хана с англичанами, окончившиеся, как уже к концу апреля обозначалось, погашением происков Нурмухаммад-хана, упрочением положения в Чар-Вилойяте Исхак-хана.

В последних числах апреля сардары нашли возможным уже выплатить всем палтанам из кундузской дани и караванной пошлины жалованье за один месяц своего времени и за два недоимочные месяца, чем значительно укрепилось дело Абдуррахман-хана во всем Афганском Туркестане.

В первых числах мая возникают заявления сардаров против установленных бухарским правительством мер воспрещения вывоза хлебных продуктов за Аму-Дарью, в Чар-Вилойят, а позже несколько распространился слух о прибытии к Абдуррахман-хану в Кундуз английского посольства.

Два эти события будут сообщены в следующем журнале.

Капитан Арендаренко

Д. 451-а, лл. 108—118.

№ 19

20 июня 1880 г.
г. Бухара.

Из предыдущих журналов известно, что в первые же недели после занятия Исхак-ханом Мазари-Шарифа он предъявил требование бухарскому правительству о выдаче бывшего наиба в Чар-Вилойяте Гулям Хайдар-хана, как главного виновника смерти Сарвар-хана.

Неисполнение этого требования бухарским эмиром, принявшим Гулям Хайдар-хана как гостя, ищущего защиты и покровительства, повлекло за собой окончательное охлаждение отношений к эмиру и в Абдуррахман-хане, последствием чего было задержание эмирского посланца Касым-ходжи, придирчивые требования Исхак-хана к пограничному беку округа Керки, обвиняемому в попущениях керкинских турк-

менов к набегам на чарвилойятских жителей [1] и, наконец, удержание в Чар-Вилойяте в течение 3 месяцев караванов кабульских и пешаварских купцов, направлявшихся в Бухару.

Со своей стороны и бухарский эмир, соблюдая благоразумную сдержанность в ответах через пограничных беков кулябского и керкинского на нападки сардаров, считал тем не менее равносильным отплатить недружелюбию новых соседей за Аму-Дарьей воспрещением вывоза хлебных продуктов в Чар-Вилойят, [в связи с] давно уже действовавшей дороговизной.

Воспрещение последовало в конце апреля месяца и оправдывалось данными теперь мне через Рахматуллу-мирахура и Ишан-урака объяснениями тем, что во всех южных бекствах Бухарского ханства весенние предсказания на урожай были крайне слабы, а цены на хлеб возвышались и спросом в Зеравшанском округе, и вывозом за Аму-Дарью, вследствие чего эмир и считал своевременным установить запрещение для обеспечения от последствий дороговизны своих жителей.

Принимая в соображение из собранных сведений, что в период управления Чар-Вилойятом Гулям Хайдар-хана вывоз хлеба из бухарских бекств за Аму-Дарью не только не воспрещался, но поощрялся отменой баджа (пошлина с вьючного животного) и особыми приказаниями бекам, основательно было объяснить установленные Музаффар-ханом меры не столько заботливостью о своем населении, далеко не чувствовавшим дороговизны, сколько неудовольствием на чарвилойятских сардаров, особенно обвинявшихся бухарским правительством за крайнее стеснение торговли.

Ввиду этого, удостоверившись как в хорошем повсюдно сборе хлеба в ханстве, так и в незначительном превышении чарвилойятскими ценами цен стоимости хлебного зерна на правом берегу Аму-Дарьи, я вошел в сношение через урака об отмене воспрещений, мотивируя представление свое необходимостью для бухарского правительства устранять всякие мелочные поводы к неудовольствиям со стороны непосредственных соседей за Аму-Дарьей.

После некоторых еще разговоров через урака же о том, что в некоторых прибрежных местностях (Шерабад, Келиф) бухарских сбор хлеба был крайне плохой, что сардары Афганского Туркестана многими действиями своими высказали недружелюбие, эмир Музаффар-хан выразил, наконец, 14 июня обещание снять воспрещение вывоза хлеба за Аму-Дарью, что и приведено в исполнение относительно некоторых пока местностей (Келиф, Керки, Чарджуй).

Касательно стеснений, испытываемых в Чар-Вилойяте

[1] По этому предмету последует особый журнал (прим. док.).

транзитной торговлей, удалось узнать следующее: прибывший еще в первых числах марта кабульский караван в 700 верблюдов с товарами (чай зеленый, кисея, краски-ниль, кашмирские шали, английские ситцы) пешаварских и кабульских афганцев-купцов был остановлен по обыкновению в Ташкургане для [сбора] очищения закятной торговой пошлиной.

Пока Исхак-хан сносился с Абдуррахман-ханом относительно размера закята и баджи, прошло полтора месяца, в течение которых сборщики Исхак-хана успели взять некоторую долю пошлины (до 26 тыс. рублей). Купцы неоднократно выражали неудовольствие: некоторые ездили с просьбой к Абдуррахман-хану, другие обратились за содействием к англичанам. Последнее обстоятельство крайне не понравилось сардарам, и Абдуррахман-хан, получив от англичан письмо, уговаривающее не стеснять торговлю, приказал отпустить только 200 верблюдов товара тех афганцев, которые обратились непосредственно к нему, остальные около 500 верблюдов задерживаются в Ташкургане и до настоящего времени с угрозой конфисковать весь товар под тем будто бы предлогом, что эти афганцы-купцы остались должны большие денежные суммы отцу сардара бывшему афганскому эмиру — Афзаль-хану и не только ничего не возвратили Абдуррахман-хану, но совершенно забыли о нем в течение десятилетнего отсутствия его из Афганистана [2].

По другим объяснениям, предлог о долге совершенно придирчивый, на самом деле Абдуррахман-хан хочет воспользоваться случаем взыскать возможно большие пошлины, нуждаясь опять в деньгах.

Ожидают, таким образом, что и эта значительная часть задержанного каравана будет отпущена в Бухару.

Как бы ни было, со времени открытия сообщения с Кабулом через Гиндукуш в первой половине настоящего года в Бухару прошло (14 июня и ранее) всего 300 верблюдов индийского товара, уплатившие в Чар-Вилойяте пошлину в 120 тыс. рублей, главный же караван в 1,5 тыс. верблюдов остается в Бамиане, ожидая прекращения стеснений в Афганском Туркестане.

Такое анормальное положение транзита лишило в настоящем году Бухару товара, поддерживая и теперь двойные сравнительно с прошлыми годами цены на все индийские товары и в особенности на зеленый чай, стоимость которого в настоящее время 5 руб. 40 коп. или 4 руб. 05 коп. по бухарскому курсу за фунт.

Бухарское правительство хотя и истолковывает стеснения торговли в Чар-Вилойяте неприязнью к нему сардаров за невыдачу Гулям Хайдар-хана, но в действительности сознает

---

[2] См. док. № 20.

также, после выставленных доводов, что караваны задерживаются и денежными затруднениями Абдуррахман-хана, и как допускают, личными неудовольствиями его на кабульских и пешаварских купцов за ходатайство их перед англичанами, за игнорирование сардара, когда он был вытеснен из Афганистана Ширали-ханом.

Капитан Арендаренко

Д. 451-а, лл. 128—132.

№ 20

26 июня 1880 г.
г. Бухара.

24 июня состоящий при мне по назначению от бухарского эмира давлетхана Ишан-ходжа-урак доложил, что около 20 человек пешаварских купцов, торгующих постоянно в Бухаре, обращались сегодня к эмиру с претензиями на Абдуррахман-хана и, с разрешения джаноби-али, пожелали изложить свое заявление и мне.

Я не счел удобным уклониться от приема уже явившихся прямо от эмира афганских купцов и тогда же выслушал их.

Мне было заявлено этими двадцатью наиболее значительными капиталистами, пешаварскими торговцами, что они ведут торговлю с Бухарой индийскими товарами (чай, кисея, шерстяные ткани, кинхаб) уже десятки лет.

Во время ханствования в Афганистане Ширали-хана торговля никаким стеснениям не подвергалась и караваны на верблюдах и на лошадях ходили из Кабула через Бамиан[1] и Ташкурган в Бухару круглый год и зимой, причем власти довольствовались установленной закятной пошлиной и за то защищали путников от грабежей со стороны горных шейхалинцев, хазарейцев.

Ожидая, что и на последующее время торговля никаких стеснений не встретит в Чар-Вилойяте, пешаварские купцы отправили в январе месяце караван в 5 тыс. верблюдов через

---

[1] По расспросам в Бухаре этот зимний караванный путь идет следующими переходами (манзиль) из Кабула: Калаи-Казы — 8 верст, Кути-Ашру — 24 версты, Сары-Чашма — 18 верст, Гардан-дивар — 26 верст, Калю — 26 верст, Бамиан — 24 версты, Сурхдар — 8 верст, Акрабат — 16 верст, Сейган — 26 верст, Котмарт — 24 версты, Модр — 26 верст, Давоб — 26 верст, Руи — 24 версты, Хуррам — 30 верст, Сарбаг — 16 верст, Айбак — 24 версты, Хазрат-Султан — 26 верст, Газни-гах — 16 верст, Саят — 8 верст, Ташкурган — 16 верст, всего 21 переход — 436 верст.— Прим. док. (названо 20 станций, а не 21, *прим. состав.*).

Кабул для Бухары. Часть этого каравана, в 700 верблюдов, прибыла в Ташкурган в конце февраля месяца, застав уже новое правительство.

Сначала караван задерживали по приказанию Исхак-хана под предлогом скорого прибытия в Чар-Вилойят самого Абдуррахман-хана, затем во второй половине апреля месяца объявили было намерение выпустить караван, потребовали с этих купцов дать сверх обыкновенных пошлин 1 лак рупий (60 тыс. рублей бухарскими теньгами) взаймы Абдуррахман-хану на четырехмесячный срок.

Купцы соглашались исполнить все требования, но когда представили 1 лак рупий, им дали расписку, что сумма эта будет возвращена в том лишь случае, если Абдуррахман-хану удастся утвердиться в Кабуле.

Попытались возражать, тогда им объявили, что Абдуррахман-хан приказал арестовать все товары их до того времени, когда он займет Кабул, и только 250 верблюдов афганцев люганы (длинноволосых)[2] приказано отпустить.

Целая депутация потерпевших ходила в начале мая к самому Абдуррахман-хану в Ханабад и получила тот же ответ: «И лак рупий, и 450 верблюдов товара будут возвращены, когда сделается хозяином всего Афганистана, в отрицательном случае все сделается его собственностью».

Исчисляя свои потери от этой афганской меры в 6 лаков рупий (до полмиллиона рублей), пешаварские купцы высказали, что все караваны до 4,5 тыс. верблюдов, задержавшиеся этим эпизодом в Кабуле и Бамиане, должны будут вернуться обратно и Бухара останется без товара, так как никто не рискнет показаться с караваном в Чар-Вилойят. При этом купцы заверяли, что все рассказанное относительно займа лака рупий верно и, таким образом, не они должны Абдуррахман-хану за время ханствования отца его Афзаль-хана[3], а сардар остается должен им.

На такое заявление, имевшее в виду, как проглядывало, что оно сделается известным господину главному начальнику края, мне оставалось ответить, что, вероятно, товары их отпустят, оставалось пояснить, что такая перемена правительства в Чар-Вилойяте, какая последовала в феврале месяце, всегда почти влечет за собой последствия временной неурядицы, которая все же минует, и торговля восстановится, лишь окрепнет власть и с нею порядок.

Других разговоров я не имел, считая их лишними, а журналом определил довести все до сведения господина турке-

---

[2] Так в документе. Речь идет об афганском племени лохани, занимавшемся кочевой торговлей (повинда).

[3] См. журнал № 19 (прим. док.).

станского генерал-губернатора в дополнение телеграмм моих от 9, 20 и 24 июня за №№ 219, 221 и 226 [4].

Капитан Арендаренко

Д. 451-а, лл. 138—141.

№ 21

2 июля 1880 г.
г. Бухара.

По прибытии в Бухару мной было сообщено кушбеги бухарского эмира содержание письма ко мне и. д. чиновника по дипломатической части от 4 мая 1880 г. за № 450 [1] относительно жалоб Исхак-хана из Чар-Вилойята на то, что подстрекательством будто бы керкинского бека подведомственные ему каратуркмены нападают и грабят жителей Чар-Вилойята, что будто бы сам бек раздел донага людей Исхак-хана и отобрал у них все вещи и в подобном роде.

Как всегда, и в этот раз кушбеги также доложил эмиру мое представление по жалобе Исхак-хана с требованием удовлетворить все претензии чарвилойятцев и обеспечить их на будущее время от нападений керкинцев. В тот же день эмир прислал ко мне с ураком Ишан-ходжою уверение, что жалобы Исхак-хана на керкинцев, хотя, может быть, и справедливы, но падают на тех самых туркмен (Керкинское бекство населено эрсаринцами), которые принимали участие в делах Исхак-хана помимо всякого желания бухарского правительства, на тех туркмен, которые делают разбойничьи набеги не только на Чар-Вилойят с неустроившимся еще вполне правительством, но даже и на бухарских жителей, как это повторилось и в настоящем году нападением большой партии туркменов на Кабаклы, причем со стороны бухарцев убито несколько земледельцев и 6 человек сарбазов, занимающих этот пограничный пункт [2].

Во всяком случае, передал мне урак, эмир отдал строжайшее приказание керкинскому беку удовлетворить по возможности претензии, хотя бухарское правительство не ручается за то, что эрсаринцы такие же разбойники, как и все туркмены, не станут нападать на соседних своих одноплеменников чарвилойятских туркменов, ограбивших зимой, во время движения того же Исхак-хана, керкинских туркменов.

---

[4] Не публикуются. См. оп. 29, д. 451-а, лл. 49, 55. Телеграмма № 221 не обнаружена.

[1] Не публикуется.

[2] Это событие действительно случилось во второй половине апреля (прим. док.; см. док. № 24).

Отвечая на мое заявление, кушбеги уверяет по справкам, взятым от керкинского бека Пирназар-бека, что хотя и было два случая грабежей керкинскими туркменами пограничных ахчинских туркменов, но дело это самое обыкновенное, часто практиковавшееся и в прежнее время, так как грабительские расчеты между пограничными туркменами погасить сразу весьма трудно и бухарское правительство со своей стороны никогда не считало случаев нападений на подвластных ему жителей, потому что находило это бесполезным.

Что же касается до заявления Исхак-хана об отобрании будто бы беком «вещей (?)» у каких-то людей (?) этого сардара, то керкинский бек совершенно отвергает это обвинение, а кушбеги считает все заявление «придирчивым изветом, который носит все признаки нежелания чарвилойятского правительства жить в согласии с соседом, пользующимся покровительством могущественной России».

Со своей стороны, кушбеги свидетельствует, что правительство бухарское, желая всегда дружественных отношений с соседями и соглашаясь с выраженным требованием г-на туркестанского генерал-губернатора, намерено обеспечить по возможности чарвилойятскую границу от набегов каратуркменов, хотя бы для этого потребовалось усилить керкинский гарнизон.

Капитан Арендаренко

Д. 451-а, лл. 143—145.

№ 22

6 июля 1880 г.
г. Бухара.

С давних времен бухарское правительство вело дружественные сношения с Афганистаном, обмениваясь каждогодно посольствами с неизбежными тортуками.

Необходимость такого регулярного дружественного обмена вежливостей сознавалась обоими правительствами и потому, что они чувствовали свое почти тождественное политическое положение, и потому отчасти, что Бухара боялась всегда за свои границы на левом берегу Аму-Дарьи, боялась и за торговый транзит из Кабула, обогащающий и народ и казну бухарскую.

Только эти стимулы, конечно, как доказало время, руководили в течение долгого времени двумя соседними мусульманскими правительствами, не считавшимися старшинством, так как оно всегда принадлежало бухарскому эмиру «могу-

щественному из всех царей», как писал Ширали-хан, довольный в свою очередь и своим титулом «высокостепенный эмир Афганистана и всех горных народов».

Какие отношения Бухары к Афганистану установятся в будущем, сказать трудно, пока не кончились дела с англичанами, пока не определилось еще окончательно правительство. Но что это составляет в данное время весьма тревожный вопрос для эмира Музаффар-хана,— это заметно также и из того разговора с джаноби-али, через состоящего при мне бухарского дипломата Ишан-ходжу-урака, который я имел на-днях, когда сделалось известным в Бухаре о движении Абдуррахман-хана к Кабулу.

«Для бухарского правительства очень важно знать, — говорил мне урак от имени эмира, — как отправился Абдуррахман-хан в Кабул, враждебно ли англичанам или же по их приглашению. Если справедливы всеобщие толки и донесения пограничных беков о том, что движение Абдуррахман-хана заранее условлено с англичанами, оговорено обещаниями взаимных уступок, в таком случае эмиру придется считать сардара своим врагом, как врагом и России, которой он много обязан за продолжительное гостеприимство. Но, во всяком случае, эмир не ждет в Абдуррахман-хане спокойного, сговорчивого соседа, как это и обозначилось уже целым рядом придирчивых требований, и крайним стеснением торговли конфискованием без всякого повода товаров пешаварских купцов, и даже угрозами, сделанными Исхак-ханом вследствие невысылки в Чар-Вилойят Гулям Хайдар-хана. Все это признаки к ожиданию скорее враждебных, чем дружественных, отношений правительства Абдуррахман-хана к Бухаре, если оно утвердится в Афганистане. При таком положении дела джаноби-али, считая правительство Абдуррахман-хана способным воспользоваться для враждебных целей и Сарыбеком, и мятежным Катта-Тюре, задается вопросом, не принять ли теперь же противодействующие меры усилением войсками южной границы».

На основании разведочных сведений, доставленных мне незадолго до этого разговора из Ханабада и Чар-Вилойята, я отвечал через урака, что пока нет положительного основания считать движение Абдуррахман-хана в Кабул условленным с англичанами, что какими бы средствами ни удалось бы Абдуррахман-хану сделаться полным хозяином Афганистана, на него отнюдь нельзя смотреть как на врага России только потому, что он отделен от наших границ бухарскими владениями и стал в непосредственное соседство с владениями вполне дружественной нам Англии, озабоченной окончить свои дела в ничтожном бедностью Афганистане и поставить там такого хана, какого пожелает сам народ.

Трудно также допустить, высказал я еще уверение, чтобы

Абдуррахман-хан не оценил в свое время все выгоды самого мирного отношения к соседям и к Бухаре в особенности.

Нет пока никакого основания опасаться, что новое правительство афганское воспользуется Сарыбеком и Катта-Тюре для своих враждебных против бухарского эмира целей, а потому, в особенности теперь, нет никакой надобности делать напрасный шум усилением войсками южной границы.

Достаточно ограничиться самым тщательным наблюдением за дальнейшими движениями Абдуррахман-хана и поддержать постоянную бдительность в пограничных беках на случай слухов и готовящихся затеях Катта-Тюре или Сарыбека.

На другой день урак передал мне, что эмир вполне согласился с высказанным взглядом и надеется, что при всяком затруднении от хода дел в Афганистане ему не откажут дать своевременный совет.

Капитан Арендаренко

Д. 451-а, лл. 161—164.

№ 23

7 июля 1880 г.
г. Бухара.

Прежде чем передавать здесь о ходе дел в Чар-Вилойяте и Кундузе со второй половины мая о прибытии к Абдуррахман-хану посольства из Кабула от англичан, необходимо, хотя поверхностно, освежить в памяти те предшествовавшие события, которыми, несомненно, обусловливался прежде всего благоприятный поворот дела сардаров приостановкой серьезно угрожавших интриг из Бамиана, обусловливался затем успех для обеих, казалось, сторон миссии англичан.

Из предыдущих журналов (5 от 29 января, 7 от 8 февраля) было видно, что при всех затруднениях у англичан в Кабуле в первый месяц после вторичного занятия этого города, интриги стремления их распространить влияние свое и на земли левого берега Аму-Дарьи шли все время одинаково настойчиво, одинаково энергично. Действуя через отправленного на Аму-Дарью известного авантюриста Сары-хана (бывший владетель Куляба), англичане совершенно подчинили своему влиянию кундузского правителя Султан Мурада и расположили в свою пользу заманчивыми, вероятно, обещаниями бадахшанского правителя Шах-заде Хасана настолько, что Абдуррахман-хан встретил в них сразу самых решительных противников его делу.

Сардар оценил, конечно, свое положение, не обольщался

легким занятием бекства Рустак, а впоследствии и всего Бадахшана и, добиваясь главной цели, рассчитал, очевидно, что добраться к ней можно скорее и легче через сношение также и с англичанами. Почему Абдуррахман-ханом руководили тогда такие соображения — это известно ему одному и немногим из его приверженцев-спутников, видевших и полный успех в горах английского оружия, и бессилие Мухаммад-джана и других лучших вождей народа свалить нашествие, и слабое до крайности сочувствие сардарам во всех афганских племенах, кроме, разумеется, близкородственного племени мамадзаи, начавшего сношения в первый же месяц появления сардара на Пяндже. Для посторонних же людей, наблюдавших настроение Абдуррахман-хана через его приближенных, было заметно еще в январе и его уныние, и его признания, что он взял с собой из Ташкента только 8 тыс. рублей, и его полная уверенность в невозможности достигнуть Кабула, опираясь только на одних приверженцев, которые даже не откликались.

Как бы ни было, но сношения Абдуррахман-хана с англичанами начались еще из Рустака, и уже в журнале от 28 февраля за № 12 было отмечено, что ответное послание из Кабула обнадеживало сардара, назначая ему оставаться там, где его застанет письмо, то есть в Бадахшане, Кундузе, в том районе, где сардар и высидел с января по 16 июня, испытав и страх возможности потерять все в случае неудержания англичанами интриг из Бамиана, и удовольствие полной покорности кундузского султана, вначале сопротивлявшегося, и опасения за Бадахшан, где пришлось во второй половине апреля заменить, к общему удивлению, Умар-ханом того самого Баба-хана, которому сардар всеполно обязан своими первыми успехами на Пяндже, в Файзабаде и в Кундузе.

Как достоверно истолковывают, раздор сардара с любимым бадахшанцем Баба-ханом произошел столько же по интригам претендента Умар-хана, сколько и вследствие слабой отзывчивости Баба-хана к возраставшим все более и более требованиям присылки довольствия, денег, оружия и аскеров.

Горцы, разумеется, совершенно импонировали беку, защищая свои амбары, и Абдуррахман-хану удалось упразднить неисправного вассала сначала любезным приглашением в Ханабад «для уговора относительно общего дела», а затем энергичным отправлением Баба-хана в Мазари-Шариф, а Умар-хана — в Файзабад.

Так совершилась перемена управления в Бадахшане, вызвавшая тогда все-таки такое неудовольствие горцев, которое не разлилось в сопротивлении только потому, что замещение беков в Рустаке, Кишме родственниками Умар-хана последовало одновременно с афганским ухищрением, проводить

которое было уже легко, имея на своей стороне, кроме кундузцев и палтанов вначале враждебного Гуль Ахмада, еще и пришельцев из Кабула, Кухистана, прибывавших день ото дня, начиная с первой половины апреля месяца.

Действительно, в исходе весны все, казалось, прониклось верой в успехах Абдуррахман-хана настолько, что к нему потянулись отдельные личности афганцев-дезертиров бухарских войск и целые партии загиндукушских обитателей, и авантюристы-афганцы из Персии.

Можно утверждать, зная афганцев, что этот первый наплыв сторонников собрался под значок Абдуррахман-хана вовсе не в размышлении о войне с англичанами, а единственно в ожидании лучшего случая поживиться, как придется, в ожидании всяких благостей от счастливого сардара.

Были, разумеется, редкие исключения, нафантазированные мечтой и воспоминанием о сороковом годе, но были в значительном числе и такие, которые дорожили больше подкупленной преданностью англичанам, чем сочувствием сардару.

Весь этот сброд в 1,5 тыс. человек плюс до 800 человек афганских палтанов, довольствуясь с апреля месяца на счет каттаганцев, не получал, однако, кроме палтанов, денежного содержания, веруя в рассказы, что Абдуррахман-хан не привез с собой денег, веря в обещания всяких благ в будущем, и все чувствовали, что эти блага пошлют сами же англичане, все замечали учащенные сношения сардара с врагами, все сознавали, что сардары держатся в Ханабаде и Чар-Вилойяте только силой этих сношений, отодвинувших назад все серьезные угрозы Вали Мухаммад-хана, Нурмухаммад-хана и потушивших намерения чарвилойятских палтанов с преобладающим войсковым чиновным элементом кызыл-башей ретироваться в Кабул «к семействам».

Во всем Чар-Вилойяте также чувствовался для всех истинный поворот дела, начавшийся завязкой «ждите там, куда пришли», палтаны перестали получать подстрекательные письма из Бамиана, удовольствовались жалованьем, наполовину погашавшим недополучку времен изгнанного наиба, смирились [с] требованием Исхак-хана выходить на ученье, обратились к полному подчинению и в Тахтапуле, где комендантом сделался Мухаммад Хусейн-хан.

Таким образом, к концу апреля месяца власть сардаров в Афганском Туркестане окончательно окрепла, в начале мая положение населения улучшилось понижением цен на хлеб, а 6—10 мая последовала развязка всех этих успехов появлением в Ханабаде английского посольства. Проехав прямым, хотя и трудным, путем через Кутели-Гиндукуш, посольство было принято Абдуррахман-ханом с большим почетом, с отданием почестей палтанам, с такой вообще предупредительностью и заботливостью, которая внушила всем вполне опре-

деленные приятные ожидания. В чем, однако, состояли предсказания таких ожиданий, никто, разумеется, положительно не знал, так как все аудиенции эмира Абдуррахман-хана с посланником были келейные (утверждает разведчик) [1].

Пробыв в Ханабаде 8 дней при самых деятельных сношениях с Кабулом, посланник отправился обратно тем же путем, оставив при Абдуррахман-хане двух членов миссии.

Результатом появления в Ханабаде английского посольства было отправление Абдуррахман-ханом в конце мая в Кабул ответного посланца с изъявлением, между прочим, как объясняли в Чар-Вилойяте, согласия сардара на все предложения.

О сущности предложений догадывались из того, что вскоре после отправления посланца Исхак-хан готовился поехать в Ханабад, чтобы проститься с двоюродным братом, отправляющимся «на газо». Это намерение, условленное с Абдуррахман-ханом, было, впрочем, отложено под влиянием настойчиво державшихся слухов о движении из Бамиана отряда Парваеш-хана [2] с Мухаммадали-ханом, главным шейхалинским вождем, которого англичане пожелали восстановить правителем в Сейгане. В Чар-Вилойяте приняли это движение враждебным, но снеслись с Кабулом, и дело не только разъяснилось успокоительно, но, по желанию сардаров, отряд был отозван около 10 июня обратно в Бамиан.

В полной связи с подготовлением главного плана путем переговоров и советов сардара с афганскими вождями шли с 1 июня приготовления к выполнению этого условленного плана: сосредоточением в Гури чарвилойятских войск, заготовлением всякого довольствия для отряда, формированием вьючного обоза и военного снаряжения.

Для всего этого нужны были, конечно, немалые средства, и, вероятно, только полное истощение их вынудило Абдуррахман-хана обратиться к крайней мере — конфисковать и продать 450 верблюдов товара пешаварских купцов, удержавшихся в Ташкургане, с очевидной несообразительностью сардаров того, что эти небывалые стеснения торговли лишают Афганистан транзита, лишают сардаров таможенной пошлины несравненно большего размера, чем выручка в 200 тыс. рупий от продажи присвоенного товара.

Хотя, как утверждают, англичане условливали, чтобы Абдуррахман-хан взял с собой для личной охраны не более 600 человек эскорта, но все замечали, что размеры приготовлений далеко превышают эти ожидания. Из Чар-Вилойята было отправлено 8 июня в Гури до 700 человек конных узбе-

[1] Более достоверно разъяснение другого разведчика, что Абдуррахман-хан тогда же показывал своим приближенным письмо англичан, приглашавшее его эмирствовать (прим. док.).

[2] Так в документе.

ков (голобатыров) с Абдулладжаном, по 2 палтана афганцев с Неик Мухаммадом.

Сосредоточение войск и снаряжений старались почему-то скрывать, и части выступали из Ташкургана ночью.

Но уже первые признаки приготовления отряда вызвали толки во всем народе, что Абдуррахман-хан уговорился с англичанами и будет эмиром в Кабуле. Не скрывали этого и власти Чар-Вилойята, и сам наиб, истолковывавший цель таких обширных военных приготовлений тем, что Абдуррахман-хан получил от известного вождя Мухаммадджана и муллы Мушкаляма письма, угрожающие воспротивиться его намерению сделаться эмиром при содействии англичан, «вечных врагов и хундаров всего афганского народа».

Насколько справедливы были эти оправдательные объяснения Исхак-хана, судить трудно, но все считали в Чар-Вилойяте, что Абдуррахман-хан встретит сопротивление в приверженцах наследников Якуб-хана, и предположение ожиданий неудачного исхода планов сардара толковалось на все лады: «англичане заманивают Абдуррахман-хана, чтобы отправить его по следам Якуб-хана», «собирающиеся к сардару кабульцы подкуплены англичанами и изменят ему», «явившиеся к Абдуррахман-хану неважные представители от разных племен (баракзаи, гильзаи, вазиры и др.) предлагают газа (свящ[енную] войну), думая не об этом сардаре, а о своих претендентах».

Для всех было, таким образом, загадкой, какого будет характера движение Абдуррахман-хана за Гиндукуш, но все чувствовали после возвращения из Кабула ответного посланца, что действующая теперь на левом берегу Аму-Дарьи пружина стоит в Кабуле твердо.

Это дал почувствовать всему Чар-Вилойяту и, вероятно, по условию же сам Абдуррахман-хан, приказавший прочесть в Ташкургане, в Тахтапуле и в Мазари-Шарифе его предпоходное воззвание, объявившее 18-го числа собранным жителям и оставшимся войскам следующее: «Да будет известно, что англичане из Кабула пригласили меня через свое посольство отправиться в их сторону, остановиться где будет удобно и начать переговоры с тем, что в случае успеха они, англичане, поставят в Афганистане порядок, какой был при Дост Мухаммаде, обозначат границу и выведут свои войска, предоставив мне Кабул. Согласно такого условия я выступаю через Гиндукуш, оставляя Исхак-хана управлять Чар-Вилойятом».

Почему претендент предпочел трудный путь через Гиндукуш пути через Сейган и Бамиан, открытому, при своих отсутственных удобствах, для караванов даже и зимой, — предположения расходятся. Одни утверждают, что такой маршрут назначен самими англичанами, другие поясняют,

что Абдуррахман-хан не мог бы ни в каком случае пройти *другим путем, по горам шейхалинцев, которые сами нанесли* ему решительное поражение при Баджю в год распри его с Ширали-ханом.

Как бы ни было, но уже 10 июня значительная оседлость хазарейцев Гури сделалась военно-операционным пунктом, где сосредоточились до 3 тыс. войска чарвилойятского с ракетной командой, до 1 тыс. верблюдов обоза продовольственного и военных припасов. Отряд этот выслал 13 июня в Хонджан авангард из 300 рисалинцев конников и остался без общего начальника, так как и Абдулладжан, и Неик Мухаммад, поставив на указанный пункт свои части, отправились в Ханабад.

Общий начальник ожидался всеми из Кундуза при настроении войск, совершенно отвечающем природе афганца. Рассуждали, что «истребят хундаров-вардаков без остатка» и «будет у них хорошая пожива», толковали, что движение Абдуррахман-хана будет вначале невраждебное англичанам, но, если народа собирается много, никто не станет руководствоваться расчетом сардара, не исполнившего и прежних обещаний [3], а станут действовать, как укажут обстоятельства, надеясь пограбить на пути «неуклюжих» хазарейцев, чтобы они вспомнили времена Ширали-хана.

Совершенно в дýхе этих рассуждений, распространявшихся, разумеется, от самого сардара, велись в Ханабаде целые две недели деятельные приготовления к выступлению.

При содействии Султана Кундузского и Умар-хана Бадахшанского добывали оружие для новоприбывших из Кабула, которых насчитывают уже до 2 тыс., заготовляли провиант, приобретали скот и вьючных животных — все, разумеется, «пожертвованием на дела эмира».

В войсках пробивался энтузиазм и желание идти проглядывало в засидевшихся в Чар-Вилойяте палтанах так сильно и настойчиво, что пришлось сделать уступку — назначить в оставляемый в Кундузе охранительный отряд узбеков Чар-Вилойята (до 1,5 тыс. человек) и афганцев, собравшихся в течение последнего месяца.

Все было готово: Султан Мураду, Сарыбеку, Ник Мухаммаду назначено идти; произведенного каким-то образом в сардары Абдулладжана-расходчика оставляли управлять Кундузом, с Умар-хана и Султан-ша Рустакского брали клятвенное обещание охранять Бадахшан, где не осталось ни одного афганца. День выступления не был еще, однако, определен.

---

[3] Те палтаны, которые стояли в Кундузе, получили содержание полностью за прежнее время, чарвилойятские же войска не вполне удовлетворены (прим. док.).

Но вот... 13 июня торопливо прибыла из Кабула толпа афганцев и, рассказывая положительно о нанесенных будто бы англичанам в последние дни сильных поражениях, вопила к Абдуррахман-хану спешить для довершения народного дела. В тот день массы пришельцев все росли и росли, а рассказы их почему-то не внушали доверия ни самому Абдуррахман-хану, ни его приближенным. Одни истолковывали такое настроение перебежчиков самообманом, при сомнительном частном успехе, другие, и сам сардар, подозревали предательство. Наконец, 15-го числа, когда контингент кабульцев, уверявших в торжестве последней афганской победы, дошел уже, как утверждают, до 4 тыс., собранный Абдуррахман-ханом совет решил выступление.

Подъем в 5 часов вечера с позиции в Ханабаде, отправление частей отряда и неготового обоза — все шло торопливо, при самом воинственном настроении двенадцатитысячного сборища, кое-чем вооруженного. Под звуки барабана сам эмир Абдуррахман-хан выехал из Ханабада уже под вечер с огромной пестрой свитой и с тремястами рисалинцами. С ночлега был отправлен гонец к Исхак-хану, но события 13—15 июня как будто не разъяснились в Чар-Вилойяте, где цель движения сардара через Гури-Хонджан и Кутели-Гиндукуш истолковывали тогда так, как прочел ее наиб народу и войскам из послания самого эмира Абдуррахман-хана.

Капитан Арендаренко

Д. 451-а, лл. 166—177.

№ 24

11 июля 1880 г.
г. Бухара.

В дополнение журнала от 2 июля за № 21, передавшего оправдательные объяснения бухарского правительства против заявленных претензий чарвилойятского наиба Исхак-хана, я имею возможность отметить здесь, по достоверным разведочным сведениям, что источником взаимных неудовольствий служит столько же невыдача Гулям Хайдар-хана эмиром, задержание посланца Касым-ходжа Исхак-ханом, сколько отчасти и сделанное бухарскими властями взыскание с тех своих подданных туркменов левого берега Аму-Дарьи, которые помогали зимой 1879—1880 г. делу Исхак-хана в Чар-Вилойяте и деньгами, и людьми.

Утверждают, как было, впрочем, отмечено и в журнале от 25 января за № 3, что при появлении Исхак-хана в бекстве Керки тамошние туркмены с старшиной своим Тилля-токса-

бою, всего до 500 человек, присоединились к сардару без всякого разрешения, разумеется, бухарского правительства и сопровождали его всюду, пока им платили содержание и дела шли успешно.

Но затем туркменам этим власти бухарские сделали строгое внушение, и они обратились к Исхак-хану с требованием возвратить им те 10 тыс. тенег, которые были преподнесены ему в помощь и в полной надежде получить «четверицею», как и было им (туркменам) обещано сардаром.

Объяснение это весьма достоверно. Бухарское правительство, заботливо прислушивавшееся с прошлого года к приглашениям Гулям Хайдар-хана занять Чар-Вилойят, хотя и не препятствовало тогда Исхак-хану ни открытым противодействием, ни даже сдерживанием своих туркменов, тем не менее и не радовалось успехам его. Отсюда понятны преследования впоследствии тех отдельных личностей из эрсаринцев, которые присоединились к Исхак-хану.

К сожалению, новый наиб счел такое преследование бывших своих приверженцев личным своим делом и хлопочет за них, не объясняя, впрочем, ни в одном прошении, в чем именно состоит претензия его на керкинского бека, какие люди его, когда и как пострадали от бека и керкинцев. Умалчивание об этом Исхак-ханом справедливо ставит бухарское правительство в невозможность удовлетворить иски судом казиев, распространяющим юрисдикцию шариата не только на беков, но на членов семейства самого эмира.

В общих интересах поддерживания добрых отношений между бухарским и чарвилойятским правительствами и надо желать, чтобы сардар Исхак-хан формулировал бы всегда свои претензии с полной ясностью, с должной правдивостью, при сознании, что всякий иск обязательно требует доказательств, что всякий неосторожный оговор только вооружает другую сторону, не обещая ничего хорошего в будущем.

Мне именно представляется в голословных пока претензиях Исхак-хана желание нового правительства накопить побольше предлогов к возмездию над привлекательной территорией Бухарского ханства, тянущейся значительной полосой по левому берегу Аму-Дарьи. По-видимому, этого и не скрывают в Чар-Вилойяте, где разведчику моему пришлось заслушать недавно в Тахтапуле такое рассуждение коменданта Хусейн-хана: «Керкинцами мы вообще недовольны, если дела наши окрепнут здесь (Ч[ар]-В[илойяте]), придется идти туда и много кое-чего сделать».

Капитан Арендаренко

Д. 451-а, лл. 134—136.

№ 25

20 июля 1880 г.
г. Бухара.

Телеграммами от 2, 6, 20 июля настоящего года за №№ 242, 249, 262 [1] было засвидетельствовано мной из Бухары о занятии правителем Бадахшана Умар-ханом пограничного на востоке горного владения Шугнан.

Мало известная во всех отношениях, небольшая, как означено на географических картах, страна эта по своей бедности и ничтожеству никогда ранее не привлекала внимание к себе сильных соседей (Коканд, Бухара, Афганистан) и управлялась своими независимыми родовыми мирами (правителями).

Под опасением подвергнуться нашествию все миры шугнанские держали себя всегда крайне скромно, уступчиво ко всяким придиркам непосредственных соседей афганцев, которые, однако, признавали фактическую независимость Шугнана, обмениваясь только частными сношениями без всякой притязательности правительственного главенства.

До настоящего года Шугнан не подавал даже повода к придирчивости со стороны афганских властей, свободно практиковавших по-соседству над бадахшанцами свои финансовые теории с пятничным одеялом (сбор по 40 коп. в неделю с каждой семьи за супружеский акт). Но подчинение Бадахшана власти сардара Абдуррахман-хана невольно изменило отношение к Шугнану по вине отчасти последнего мира Юсуф Али-ша [2].

С января месяца Шугнан сделался притоном и убежищем разных претендентов на Бадахшан, не соглашавшихся (Шах-заде Хасан) уступить добровольно афганцам наследственную власть свою.

Это обстоятельство вынуждало Абдуррахман-хана сдерживать шугнанцев от солидарности с притязательным Шах-заде Хасаном, вынуждало неоднократно напоминать, что Шугнан слишком ничтожен, чтобы терпеливо выносить от него беспокойства.

Но мир Юсуф Али-ша точно не верил в прочность дела Абдуррахман-хана и на требования его через бадахшанского правителя не обращал никакого внимания. Это не представляло особенной опасности, пока претендент на Афганистан оставался в Кундузе со значительной кое-какой военной силой. Но с выступлением 15 июля Абдуррахман-хана из Ханабада угрозы Шах-заде Хасана и его братьев из Шугнана становились уже серьезными и предсказывали возможность

[1] Не публикуются. См. оп. 29, д. 451-а, лл. 57, 92. Телеграмма № 262 не обнаружена.

[2] Далее также Юсуф Али-ша.

больших беспорядков в Бадахшане. Вследствие этого правителю Умар-хану пришлось обратиться к миру Юсуф Али-ша с настойчивым требованием выдачи домогающегося Шах-заде Хасана и его мятежных приверженцев. На требование последовал решительный отказ, который и вызвал вторжение в конце июня в Шугнан из Бадахшана скопищ Умар-хана из местных горцев мерганов (стрелки) и полсотни афганцев из отставшего в Кундузе резервного отряда сардара Абдулладжана.

Движение в Шугнан не было затруднительно для бадахшанцев, потому что горцы отказались сопротивляться Умар-хану, чем вынудили своего правителя Юсуф Али-ша с Шах-заде Хасаном удалиться в соседний Чатрар, откуда так близко к передовой позиции англичан.

Свергнутый мир попытался было прогнать бадахшанцев собранным им скопищем плохо вооруженных горцев, но это ему не удалось, а вызвало только Умар-хана на энергичный грабеж, которому и подверглись все доступные оседлости несчастных шугнанцев.

Как и в былые времена, бадахшанцы не разбирали в этот раз, что им приходится карать соседних единоверных горцев, и не только грабили, но убивали беззащитных и бесчинствовали над женщинами.

Все это, разумеется, озлобило до крайности шугнанцев, и партия в 2 тыс. человек попыталась было сделать нападение на вторгнувшихся врагов, но была жестоко наказана, потеряв массу людей.

После этого Умар-хан считал полное присоединение Шугнана обязательным для себя, согласно данных приказаний Абдуррахман-хана и объявил, что он остается в Шугнане.

Занятие Шугнана, очевидно, входило в план претендентов на Афганистан, так как полученное Абдулладжаном, Исхак-ханом, Абдуррахман-ханом исполнительное донесение Умар-хана было встречено шумным ликованием и салютами из орудий.

Сослужит ли Шугнан полезную службу афганскому эмиру в будущем — покажет время, а теперь заслуживает быть отмеченным, что отряды Абдуррахман-хана получают из Шугнана значительное реквизиционное продовольствие главным образом баранами.

Отряд Умар-хана остается пока (12 июля по разведкам) в Шугнане, а мир Юсуф Али-ша и Шах-заде Хасан удалились в Чатрар.

Капитан Арендаренко

Д. 451-а, лл. 120—123.

№ 26

24 июля 1880 г.
г. Бухара.

Со времени присоединения в 1870 г. к бухарским владениям гг. Китаба и Шахрисябза с оседлостями долины Кашка-Дарьи бухарский эмир проводит каждогодно в этих пограничных с Зеравшанским округом бекствах несколько месяцев, считая это существенно необходимым для поддержания своего режима над теми узбеками-кенегесцами, которые в прежнее время так часто выделяли из своей среды узурпаторов, державших в страхе и самого эмира.

Поездки эти сопровождались всегда передвижением из Бухары войск, которые и возвращались обыкновенно с эмиром, оставляя в Шахрисябзе 2 батальона (2 тыс. человек) для гарнизонной службы. По условиям службы в войсках бухарцев, наклонных больше к домашности и землепашеству, чем к военщине, батальоны эти сменяются всегда через каждые 2,5 месяца очередями.

В этот раз эмир Музаффар-хан прожил в Бухаре 5 месяцев с 6 марта и выехал в г. Карши 24 июля в сопровождении 6 батальонов и 6 орудий при обозе в 300 верблюдов.

Таким образом, на границе сосредоточивается всего 8 тыс. сарбазов пехоты, вооруженной ударными гладкоствольными ружьями бухарского изделия и 6 медных пушек на тяжелых лафетах с весьма плохими приспособлениями и безразрывными снарядами.

Выступавшие 23 числа войска ворчали неудовольствием, что приходится идти в самое жаркое время (температура здесь 30° в тени по Реомюру) и притом заведомо, что начавшийся пост уразы и сами праздники придется провести вне дома, да к тому же весьма значительная часть сарбазов изнемогает риштой, которая не освобождает от службы у бухарцев, не имеющих больницы и для войск.

Наученное опытом случаев ответственности денежной перед верблюжниками, русскими подданными, поневоле тащившимися прежде с тяжестями бухарских войск, бесцеремонно удерживавшими верблюдов по 6 месяцев, не выдавая даже вознаграждения, с этого года бухарское правительство изменило систему формирования обоза. До Карши верблюды наняты от местных жителей через волостных управителей (амлякдары), а дальше и на последующее время предполагается завести казенных верблюдов, поставив ближайшим бекам в обязанность покупку животных, содержание их и доставление по мере надобности.

В самой Бухаре остается на время продолжительного, вероятно, отсутствия эмира, кушбеги Мухаммад инак, как наместник, и из войск 4 батальона сарбазов, без артиллерии, если не считать двух десятков мортир и маленьких медных пушек, сложенных в кучу перед воротами городской цитадели.

Капитан Арендаренко

Д. 451-а, лл. 125—126.

СЛОВАРЬ ВОСТОЧНЫХ ТЕРМИНОВ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Аманат — заложник, временный, непостоянный
Арбоб — староста, старшина селения
Арк — цитадель
Аскер — солдат

Баракзаи — афганское племя
Батман — мера веса, неодинаковая в разных местах, от 8 до 12 пудов (128—192 *кг*)
Бек — правитель района или округа в среднеазиатских ханствах в эпоху феодализма, титул знатного лица
Бекство — административно-территориальная единица, соответствующая *округу. В Бухарском ханстве было 27 бекств*

Вазиры — афганское племя
Вардак — афганское племя
Вилойят — область, провинция

Газо — священная война
Гильзаи — афганское племя
Гулям — невольник, раб
Гулям-давлетхан — соответствует старо-русскому «государев раб»

Давлетхан — правитель
Дастархан — угощение, скатерть, на которой подается угощение
Датха — бухарский военный чин, однозначен генерал-майору
Джаноби — господин, употребляется как титул — превосходительство
Джаноби-али — дословно высочайший господин, обычно переводится как титул — его высочество, его величество
Джарнейль (джарнойль) — генерал
Дурбар — совет
Дурбинбий — дословно прозорливец
Дуррани — афганское племя
Душман — враг, неприятель, противник

Закотчи (закятчи) — сборщик налогов в Бухарском ханстве
Зиндон — тюрьма, обычно подземная

Инак (инок) — генерал-лейтенант

Казий — судья
Карлук — узбекское племя в Бадахшане и Каттагане
Караван-сарай — постоялый двор
Каттаганцы — узбекское племя
Корнейль — полковник афганской армии (уст.)
Комун-пули — налог

Кукнор-хана — опиекурильня
Кул-бача — паж из свиты эмира
Куталь — перевал
Кухистанцы — горцы
Кушбеги — высший чин при дворе эмира, первый министр

Лак — 100 тыс. рупий
Лохани (лютаны) — афганское племя, занимавшееся кочевой торговлей (повинда)

Мазар — кладбище, гробница
Мамадзаи — афганское племя
Манзиль — переход, стоянка, привал
Масхарабоз — шутник
Махрам — придворный, приближенный
Мерган — стрелок, охотник
Мехмон-дули — сбор на угощение
Мехребан — добрый, ласковый, милосердный
Мир — вассальный правитель небольшого владения
Мирахур — шестой по старшинству чин чиновной иерархии Бухарского ханства, конюший
Мирза — писарь
Мотол — узбекское племя в Бадахшане и Каттагане
Мукаррар — определенный, установленный, решенный

Наиб — наместник, заместитель, помощник
Наукары — конные дружинники при должностных лицах Бухарского ханства

Палтан — полк, иногда батальон
Парваначи (парманачи) — один из высших чинов в Бухарском ханстве, соответствует чину полного генерала

Раис — должностное лицо, наблюдатель за выполнением религиозных обрядов и нравственностью мусульман, а также за правильностью мер и весов
Рисале — конница

Садозаи — афганское племя
Салом (салям) — приветствие
Сарбаз — жертвующий головой, солдат-пехотинец бухарской армии
Сардар — возглавляющий, глава, руководитель
Сафар-ой — месяц сафар (узб.). Сафар — второй месяц мусульманского лунного календаря. В 1880 г. в переводе на календарь старого стиля, которым пользовался Г. А. Арендаренко, первое число месяца сафар приходилось на 2 января (среда). Заканчивался сафар в среду 30 января 1880 г.
Судур — духовный чин в Бухарском ханстве
Суфи — аскет, дервиш

Танга — серебряная монета
Тилля — золотая монета
Токсаба (токсоба) — офицерский чин в Бухарском ханстве: подполковник, иногда занимал должность полковника
Тортук — подношение, которое низшие чины вручали высшим должностным лицам

Удайчи — личные докладчики эмира, придворная должность
Урак — бухарское почетное звание по судебной линии

Хазара — хазарейцы, таджикоязычная народность смешанного происхождения, обитающая главным образом в горной области Хазараджат (Центральный Афганистан)

Хазрат — светлость, величество, высочество; титул монахов, пророков, святых

Хаким — правитель, губернатор

Шах (ша) — монарх, государь. В Бадахшане произносится только шю, как приставка к имени указывает на знатность рода

Шейхали (шейхоли) — хазарейское племя

Шигаулы — личные адъютанты в чинах токсабы и ишик-ага-баши

Эрсари (эрсаринцы) — крупное туркменское племя

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

Аббас I, иранский шах из династии Сефевидов, талантливый полководец, государственный деятель и дипломат 54

Абдуджалил-инок, начальник Шахрисябзского бекства 31

Абдул Гафар см. Мирза Абдул Гафар

Абдул Кадыр-хан (Кадыр-хан), комендант крепости Шиберган 66, 67, 86, 103

Абдул Куддус-хан (Куддус-хан), сардар, сын Султан Мухаммад-хана, прибыл из Кабула в Самарканд к сардару Абдуррахман-хану после занятия Кабула англичанами. Перешел в Чар-Вилойят вместе с Мухаммад Исхак-ханом; после перехода Чар-Вилойята под власть Абдуррахман-хана был назначен правителем Ташкургана 22, 37, 38, 60, 93, 102

Абдуллабек, так в документе назван один из родовых вождей афганцев — солдат Чар-Вилойята 89

Абдулладжан, казначей сардара Абдуррахман-хана в период его нахождения в Бадахшане, командир отряда конных узбеков (700 чел.), посланного для сопровождения Абдуррахман-хана 119, 120, 124

Абдул Малик Катта-Тюре (Катта-Тюре), старший сын бухарского эмира Музаффар-хана. В 1868 г. поднял неудачное восстание против эмира-отца, потерпел поражение и бежал, сперва в Хивинское ханство, затем в Афганистан, Кашгарию и Индию. Умер в Индии в 1909 г. 14, 44, 61, 101, 114, 115

Абдураим-кайрак, мелкий чиновник Шахрисябзского бекства, живший постоянно в качестве бекского осведомителя в Самарканде 28

Абдуррахман-хан, сын Афзаль-хана. С 1869 по декабрь 1879 г. жил в изгнании в Самарканде. В 1880—1901 гг. эмир Афганистана 5, 8, 14, 18—23, 30, 31, 35—37, 39, 40, 42—49, 51, 53, 55, 62—68, 77—79, 81—83, 85—93, 96, 97, 99, 101, 102, 104—107, 109—111, 114—121, 123, 124

Абдухалим (Мирза Абдухалим), писарь канцелярии эмира бухарского, исполнявший обязанности курьера 70, 72—76

Абдышагим, искаженное в документе имя помощника правителя Бадахшана 63

Абрамов А. К., начальник Зеравшанского округа, в 1868—1877 гг. затем военный губернатор Ферганской области. В 1883 г. отозван из Туркестанского края 76

Авлиё Кулыбек-шигаул (Шигаул Аулья Кулыбек-мирахур), личный адъютант эмира Музаффар-хана, церемонийместер 27

Ага Мухаммад-хан, персидский шах, основатель династии Каджаров 55

Аглям Ахун см. Дин Мухаммад Мушк-и Алям Андари

Азам-хан см. Мухаммад Азам-хан

Акрам-хан см. Мухаммад Акрам-хан

Александр Македонский 41, 53, 94

* В подготовке именного и географического указателей принимали участие М. М. Огоева и И. Е. Федорова.

Алидат-хан, афганец, торговец, проживавший в Коканде, брат Ширмухаммада 70—73, 76
Алим-хан см. Алим-хан
Алладат-хан, эмиссар Абдуррахман-хана в Тахтапуле 87
Арендаренко (Арандаренко) Г. А., капитан, начальник Самаркандского отдела 8—18, 22, 23, 25, 37, 46, 49, 52, 62, 68, 70, 77, 79, 83, 90, 93, 95, 97, 101, 107, 110, 112, 113, 115, 121, 122, 124, 126
Афзаль-хан см. Мухаммад Афзаль-хан
Ахмад-шах Баба (Ахмад шах, Ахмад-хан), основоположник Афганского государства, первый шах Афганистана 54, 104, 105
Аюб-хан см. Мухаммад Аюб-хан

Баба-хан см. Мир Баба-хан
Бабур, основатель государства Великих Моголов 53
Бек-Магомет-хан 48

Вали Мухаммад-хан, сын эмира Дост Мухаммад-хана. В декабре 1879 г. должен был выехать *на пост наместника* Чар-Вилойята (по назначению английских властей). В Мазари-Шарифе были слухи о том, что наместником назначен его сын Нур Мухаммад-хан 59, 89, 104, 105, 117
Веселовский Н. И., *русский востоковед* 12, 13

Гияз-хан см. Мухаммад Гияз-хан
Гейнс А. К., царский генерал, автор статей о Средней Азии 11
Гирс Н. К., министр иностранных дел России 9, 11
Гуль Ахмад, кызылбаш 105, 106, 117
Гуль Мухаммад-хан (Хусейн-хан), генерал в Чар-Вилойяте, после смерти Ширали-хана изгнан солдатами, отказавшимися подчиняться ему 81, 122
Гулям Мухаммад 106
Гулям Реза-хан, бек, комендант афганской крепости Ахча 38, 47, 66, 86
Гулям Хайдар-хан, вардак, генерал, с апреля 1879 г. наместник (наиб) Чар-Вилойята. После восстания гарнизона крепости Тахтапуль бежал в Бухарское ханство 7, 9, 13, 14, 19, 21, 30, 35—37, 44, 45, 47—51, 53, 57—62, 64, 65, 67, 69, 78, 80—83, 85—93, 99, 102—105, 107—109, 114, 121, 122
Давлетбек, иранец, командовал до конца 1879 г. бухарскими войсками в Дарвазе. Казнен в декабре 1879 г. в Шахрисябзе за *допущение насилий*, учиненных бухарскими войсками над населением Дарваза 92
Давлет-хан, проводник, присланный Султан Мурадом Кундузским к Абдуррахман-хану, у которого выполнял обязанности *не только проводника, но и* конного курьера 83, 84, 86
Даниярбий, аталык (регент) при последнем бухарском хане Аштарханидской династии 54
Джафар-хан, правитель округа Баглан (Каттаган) 61, 82
Джахандар-шо, один из бадахшанских миров 20, 43, 49, 51, 63, 64
Джума-хан, полковник чарвилойятских войск, посланный Гулям Хайдар-ханом в Каттаган 61
Джурабек, бывший шахрисябзский бек 99
Дизраэли Б., премьер-министр Англии 5
Дилавар-хан, правитель Давоба, района к северу от Бамиана. Родовой старшина хазарейцев 58, 60, 61, 83—86, 89, 104
Дин Мухаммад Мушк-и Алям Андари (Аглям Ахун, Мушкалям), мулла, видный афганский богослов, один из руководителей *народной войны против англичан* в 1879—1880 гг. 59, 119
Дост Мухаммад-хан, эмир Афганистана, основоположник баракзайской династии 5, 8, 20, 54, 55, 60, 119
Дурбинбий, бухарский сановник 34, 39, 72—74, 100

Ибадулла-мирахур, каршинский закотчи 75
Ибрагимов И. И., старший советник, исполнявший должность чиновника по дипломатической *части при канцелярии* туркестанского генерал-губернатора в 1880 г. 16, 90
Ибрагим-хан см. Шо Ибрагим-хан
Ибрагим-ша см. Шо Ибрагим-хан
Иванов Н. А., начальник Зеравшанского округа (1877—1882).

С 1882 по 1887 г. военный губернатор Ферганской области. С 1901 по 1904 г. генерал-губернатор Туркестанского края 70—72, 75
Исмаил I, *основатель династии* Сефевидов, шах Ирана, крупный государственный и военный деятель 54
Исматулла-хан, один из руководителей народной войны против англичан в Афганистане в 1879—1880 гг. Крупный родовой вождь афганского племени гильзаев 58, 59
Исхак-хан см. Мухаммад Исхак-хан
Ишан-ходжа-урак (Ишан-урак, Урак Ишан-ходжа), до 1845 г. правил Балхом в качестве бухарского бека, был изгнан завоевателями-афганцами. В 1865 г. был послан с дипломатическими поручениями к ген. М. Г. Черняеву, а в 1873 и 1876 гг.— к ген. К. П. Кауфману; в 1878 г. был направлен эмиром Музаффар-ханом в качестве бухарского посла к афганскому эмиру Ширали-хану 56, 57, 96, 97, 103, 108, 110, 112, 114
Ишик ага-баши 79

Каваньяри Л., британский посол в Афганистане 7
Кадыр-хан см. Абдул Кадыр-хан
Камалетдинов, местный переводчик капитана Г. А. Арендаренко в период его командировки в Бухарское ханство в 1880 г. 32, 33, 72, 76
Касым-ходжа (Касым-ходжа-урак), посланник бухарского эмира Музаффар-хана при правителе Чар-Вилойята 18, 36, 51, 56, 57, 58, 60, 69, 103, 107, 121
Катта-Тюре см. Абдул Малик Катта-Тюре
Каус, джарнейль, *возглавлял* палтан 104
Кауфман К. П., туркестанский генерал-губернатор, имевший право вести дипломатические сношения с *соседними восточными* государствами 7—10, 13—16, 18, 34, 46, 48, 77
Клыч Али-хан, правитель Шибергана в середине XIX в., вассал Бухарского ханства 56
Кок-мирза, родовой старшина и правитель ахчинских туркмен (Северный Афганистан) 37, 38, 51
Колпаковский Г. А., военный губернатор Семиреченской области, исполнял должность туркестанского генерал-губернатора 11, 71
Куддус-хан см. Абдул Куддус-хан
Кузьменко В. И., заведующий отделом научной информации и публикации Главного архивного управления при Совете Министров Узбекской ССР 17
Кулчанов, чиновник, нередко был переводчиком 73
Кундуз-хан 48

Литтон, вице-король Индии 6
Логофет Д. Н., русский чиновник в Туркестане, автор ряда книг по Средней Азии 18

Маев Н. А., этнограф, начальник гиссарской научной экспедиции, редактор газеты «Туркестанские ведомости» 11, 15, 34
Малик Джарнаил, афганский генерал, видимо, *один из руководителей* народной войны против англичан в районе Кабула 59
Мансурбай, владелец караван-сарая в г. Карши 98
Махмуд-хан, родственник наиба Гулям Хайдар-хана, командовал *отрядом, направленным* в конце 1879 г. против Кундуза 82
Махмуд-хан, правитель Сарыпуля, после покорения Сарыпуля афганцами взят в плен и увезен в Кабул. В 1879 г. бежал на родину 80, 84, 85
Махсум см. Шах Мурад Махсум
Мир Алим-хан, сын Шо-Сулейман-бека, со стороны матери — сводный брат Шо-заде Хасана, правил Кишмом, принимал деятельное участие в феодальных распрях в Бадахшане в 60-х годах XIX в.; потерпев неудачу, бежал в Бухару 20, 21, 43, 47
Мир Баба-хан (Баба-хан), сын мира Насрулла-ша, внука Султан-Шо II, правителя Бадахшана. Был правителем Рустака, в 1879 г. захватил верховную власть в Бадахшане, смещен Абдуррахман-ханом 20, 21, 43, 46, 48, 49, 63, 64, 77—79, 106, 116

Мир Джахандар-ша, сын мира Шо-Заманэтдина, верховный правитель независимого Бадахшана (1863—1869). Убит в 1878 г. сыном в селении Уч-Курган, Скобелевского уезда, Ферганской области, где жил в изгнании 42
Мирза Абдул Гафар (Абдул Гафар), участник бухарского посольства, посланного эмиром Музаффар-ханом в Чар-Вилойят; до присоединения г. Ура-Тюбе к России был уратюбинским беком 51, 57, 62, 69, 101
Мирза Абдухалим см. Абдухалим
Мир Мухаммад Умар-хан (Умар-хан), сын мира Юсуфали-Шо, брат мира Султан-Шо. Некоторое время правил Рустаком, затем Абдуррахман-хан назначил его правителем всего Бадахшана 20, 21, 40, 42—44, 46, 48, 49, 51, 62, 64, 77—79, 92, 106, 116, 120, 123, 124
Мир Сеид, китабский бек 28
Мир Султан, сын Абдулла-хана, наследственный правитель Рога в Бадахшане 40
Мир Султан-Шо (Султан-ша), сын мира Юсуфали-Шо, брат мира Мухаммад Умар-хана, правитель Кишма (Бадахшан). Принимал активное участие в феодальных распрях в Бадахшане во второй половине XIX в. 21, 43, 63, 79, 120
Мир Шо-Заманэтдин (Заманудин), независимый верховный правитель Бадахшана (1844 или 1848—1863). До этого был правителем владения Рустак. Сын верховного правителя Бадахшана мира Султан-Шо II 20
Мир Юсуфали-Шо (Юсуф Алиша), наследственный правитель Шугнана 44, 123, 124
Мир Ярбек, основатель династии самостоятельных миров Бадахшана 20
Музаффар-хан см. Сеид Музаффар-хан
Мурад Султан см. Султан Мурад Кундузский
Мухаммад Азам-хан (Азам-хан), сын эмира Дост Мухаммада 20, 55
Мухаммад Акбар, казначей наиба Гулям Хайдар-хана 88
Мухаммад Акрам-хан (Акрам-хан), сардар, сын эмира Дост Мухаммада, командовал афганскими отрядами, захватившими в 40-х годах XIX в. Чар-Вилойят, правители которого были вассалами Бухарского ханства 54
Мухаммадали-хан, главный вождь хазарейского племени шейхали, был при эмире Ширали-хане правителем Сейгана 118
Мухаммад Аслан-хан, сын казненного английским генералом Робертсом правителя Майдана 59
Мухаммад Афзаль-хан (Афзаль-хан), сын эмира Дост Мухаммада, был наместником Афганского Туркестана, один из главных претендентов на трон после смерти Дост Мухаммада. Умер в Кабуле в 1867 г. от холеры 20, 54, 55, 109, 111
Мухаммад Аюб-хан (Аюб-хан), правитель Герата, брат Мухаммад Якуб-хана 7, 19, 85, 93
Мухаммад Гияз-хан, (Гияз-хан), сардар, сын Султан Мухаммад-хана, прибыл из Кабула в Самарканд к сардару Абдуррахман-хану в декабре 1879 г. 37, 38, 48, 60
Мухаммадджан-хан вардак, один из руководителей народной войны против англичан в Афганистане в 1879—1880 гг. 116, 119
Мухаммад Заман-хан, корнейль афганской армии 67
Мухаммад-инак (инок), бухарский кушбеги в 1880 г. 126
Мухаммад Исхак-хан (Исхак-хан), сардар, сын Мухаммад Азам-хана, двоюродный брат эмира Абдуррахман-хана. Жил в изгнании в Самарканде, после возвращения в Афганистан был наместником Чар-Вилойята 5, 8, 20, 22, 30, 35, 37, 38, 47, 49, 50, 51, 55, 64, 66—68, 79, 81, 83—91, 93, 96, 97, 101—105, 107, 109, 111—114, 117—119, 121, 122, 124
Мухаммад Мухсин-хан (Мухсин-хан), сын Мухаммад Азам-хана, брат Мухаммад Исхак-хана, жил в изгнании в Самарканде, не принимал участия в военных действиях сардаров на севере Афганистана 105
Мухаммад Рахим-хан, брат наиба Гулям Хайдар-хана 88, 93

Мухаммад Сарвар-хан (Сарвар-хан), сардар, сын Мухаммад Азам-хана; убит 16 января 1880 г. в Мазари-Шарифе 22, 37, 51—52, 66, 67, 79, 82, 84, 86, 103, 107
Мухаммад-хан, правитель Сарыпуля в середине XIX в., вассал Бухарского ханства 56
Мухаммад Хасан-хан, командир воинской части, направленной Гулям Хайдар-ханом против Кундуза 59, 87
Мухаммад Хусейн-хан, комендант крепости Тахтапуль после установления власти Абдуррахман-хана в Чар-Вилояте 117
Мухаммад Хусейн-хан, губернатор Майдана, назначенный английским генералом Робертсом. Убит восставшими патриотами в конце 1879 г. 59
Мухаммад Шах-хан, брат Гулям Хайдар-хана 38, 49, 50, 66
Мухаммад Якуб-хан (Якуб-хан), сын эмира Ширали-хана, после смерти отца в феврале 1879 г. провозглашен эмиром. В конце октября 1879 г. английские власти заставили его отречься от престола и в декабре 1879 г. выслали в Индию. Умер в Индии в 1923 г. 6, 7, 19, 48, 53, 58, 59, 67, 80—82, 119
Мухиддин-хан, генерал, комендант крепости Сарыпуль 87
Мухсин-хан см. Мухаммад Мухсин-хан
Мушкалям см. Дин Мухаммад Мушк-и Алям Андари
Мушкетов И. В., выдающийся русский геолог, исследователь Средней Азии 11

Надир-хан, родовой вождь афганцев из числа гарнизона Чар-Вилойята 89
Надир-шах, персидский шах (1736—1747) 54
Нажмуддин-хан, джарнейль 87
Накиб-ходжа, джигит из канцелярии начальника Зеравшанского округа 72
Насреддин, владелец караван-сарая в Карши 75
Насрулла-хан, эмир Бухарского ханства (1826—1860); вел непрерывные войны. Оставил о себе память как кровавый деспот, прозванный в народе за массовые казни «кассоб» (мясник) 54, 56
Науруз-хан, брат матери афганского эмира Мухаммад Якуб-хана 58
Неик Мухаммад-хан, сардар, сын эмира Дост Мухаммад-хана 60, 119, 120
Норсбрук, английский вице-король Индии 5
Нурмухаммад-хан, сын Вали Мухаммад-хана 48, 61, 81, 82, 89, 90, 91, 93, 104, 105, 107, 117

Парваеш-хан, сподвижник Мухаммадали-хана 118
Пирназар-бек (дотха), бек Керкинского бекства Бухарского ханства 67, 113
Рахманкулбек, китабский бек 28
Рахманкул ишик-ага-баши (Рахманкулбек), дарвазский бек 27, 95
Рахматулла-мирахур 27—32, 34—36, 44, 50, 68, 69, 71, 73—75, 96, 108
Робертс Ф., лорд Кандагарский, английский генерал, командовал карательным отрядом в период антианглийского восстания в Кабуле в октябре 1879 г. 59

Сарвар-хан см. Мухаммад Сарвар-хан
Сары-хан (Сарыбек, Сарыбек-хан), бывший независимый правитель Куляба. У него несколько лет жил в изгнании Султан Мурад Кундузский. После завоевания в 1869 г. Куляба бухарцами Сары-хан бежал в Афганистан 36, 44, 45, 47, 48, 61, 78, 81, 105, 106, 114, 115, 120
Сафар Алла-хан, командир афганского наблюдательного поста в Джоркудуке 49
Северцов Н. А., русский исследователь Средней Азии 11
Сеид Ахмед-хан, в конце правления эмира Ширали-хана командовал афганскими войсками в Бадахшане 43
Сеид Джафар-хан, посланник наместника Чар-Вилойята Гулям Хайдар-хана при дворе эмира бухарского в Шахрисябзе 51, 58, 60, 69, 104
Сеид Джафар-хан, правитель Сейгана, округа к северо-запа-

ду от Бамиана, родовой старшина хазарейцев 60, 89
Сеид Ислам-ходжа, судур, бухарский посланник, направленный в феврале 1880 г. в Чар-Вилойят 69
Сеид Музаффар-хан (Музаффар-хан) мангыт, эмир Бухары 7, 8, 13, 14, 19, 23, 32, 33, 48, 61, 68, 87, 94, 97, 101, 103, 108
Сеид Хасан, командир воинской части, направленной Гулям Хайдар-ханом против Кундуза 87
Сейфулла, джигит из канцелярии начальника Самаркандского отдела 72
Сираджуддин см. Шо Мухаммад Сираджуддин-хан
Солсбери Р., британский министр иностранных дел 5
Султан Ибрагим см. Шо Ибрагим-хан
Султан Мурад Кундузский (Мурад Султан) 36, 37, 45, 47—51, 60—62, 64, 78, 80—83, 85, 92, 105, 106, 115, 120
Султан Мухаммад-хан, брат эмира Дост Мухаммад-хана 60
Султан Ниаз, афганский командир, действовавший в районе Ахчи 87
Султан-ша см. Мир Султан-Шо

Тилля-токсаба, туркменский родовой вождь племени эрсари 38, 121
Тимур-шах, афганский падишах, сын Ахмад-шаха Баба 54
Токтамыш, сын Абдул Гафара, после присоединения Ура-Тюбе к России жил в Кабуле, с февраля 1879 г. в Ташкургане 101
Томич В. И., исполнял должность начальника Самаркандского отдела Зеравшанского военного округа в 1876 г. 71
Тюряджан Мир Абдусамат, чиракчинский бек 100

Умар-хан см. Мир Мухаммад Умар-хан
Урак Ишан-ходжа см. Ишан-ходжа-урак

Файз Мухаммад-хан, участник восстания против англичан в 1879—1880 гг. 59
Федченко А. П., русский путешественник, исследовавший Среднюю Азию 11
Фриде А. Я., горный инженер, заведующий делами дипломатической части Генерального штаба 5, 34

Хаким-хан, правитель Шибергана. После покорения Чар-Вилойята афганцами взят в плен и увезен в Кабул. Умер в 1879 г. 80, 84
Ходжа Кул, родственник мира Баба-хана 63
Ходжа Нури, командир конного полка в Чар-Вилойяте 85
Хорошхин А. П., русский исследователь Средней Азии 11
Худойназар-парваначи (Худай Назар-парваначи каратегинский), видный бухарский вельможа, перс по национальности, шиит, руководил покорением Каратегина, Куляба и Дарваза; в 1880 г. бек Каратегина 20, 27, 95
Худояр-хан, последний кокандский хан, правивший в 1845 г., 1862—1863, 1865—1875 гг., умер в Афганистане 14, 101
Хусейн-хан, афганский командир конного полка, действовавшего в районе Сарыпуля в январе 1880 г. 85
Хусейн-хан см. Гуль Мухаммад-хан
Хусейн-хан, правитель Меймене, в 1875 г. взят в плен афганцами и увезен в Кабул. В 1879 г. бежал на родину 80

Черняев М. Г., первый военный губернатор Туркестанской области, занимал пост туркестанского генерал-губернатора в 1882—1884 гг. 96

Шарбатбек, так в документе передано имя слуги Мухаммад Исхак-хана; захвачен под Шибергапом в плен, а затем провозглашен временным наместником Чар-Вилойята 47, 88
Ша Сираджуддин см. Шо Мухаммад Сираджуддин-хан
Шах Мурад Махсум (Махсум), первый бухарский эмир Мангытской династии, сын Данияр-бия 54, 55
Шах Шульджа уль-Мульк, афганский шах, активно сотрудничавший с английскими агрессорами, убит под Кабулом в 1842 г. 5

Ша Юсуф-Алла см. Мир Юсуф-али-Шо
Шердиль-хан (Ширдиль-хан), брат эмира Дост Мухаммад-хана. В 1874 г. назначен лойнаибом (великим наместником) Чар-Вилойята. Фактическим наместником со званием камнаиб (малый наместник) был его сын Хушдиль-хан 19
Шигаул Аулья Кулыбек-мирахур см. Авлиё Кулыбек-шигаул
Ширали-хан, эмир Афганистана 5—7, 19, 20, 33, 42, 43, 52, 53, 55—57, 63, 67, 74, 77, 80, 82, 84, 91, 101, 110, 114, 120
Шир Магомет см. Ширмухаммад Газни
Ширмухаммад Газни, афганец, уроженец Газни, живший в Дамане (Северо-Западная Индия), по-видимому, английский агент, посланный с заданием к бухарскому эмиру Музаффар-хану, брат Алидат-хана 13, 28, 33, 70, 72—77, 98, 99, 100, 101
Шо-заде Хасан, правитель Бадахшана 20, 21, 40, 43, 46—49, 51, 52, 62, 63, 77, 79, 115, 123, 124
Шо Ибрагим-хан (Султан Ибрагим, Ибрагим-хан, Ибрагим-ша), сын мира Ахмад-Шо, из династии бадахшанских миров, в 1879 г. на короткий промежуток захватил власть в Бадахшане 20, 42, 43, 79
Шо Мухаммад Сираджуддин-хан (Ша Сираджуддин), правил Дарвазом в 1870—1876 гг., бежал в Афганистан после завоевания Дарваза Бухарой 95
Шпицберг, русский офицер, ездивший в Бухару в 1877 г. 29

Юсуф Али-ша см. мир Юсуфали-Шо

Якуб-хан см. Мухаммад Якуб-хан
Яхшибек-токсаба, бухарский войсковой командир 27

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абдан см. Больджуан Баш Абдан
Азия 93
Азия Средняя 5, 7, 10—14, 18, 41
Азия Центральная 5
Айбак, г. в долине р. Хульм 81, 90, 91, 104, 110
Акбаи-Джума, перевал 23
Ак-Рабат (Акрабат), населенный пункт 110
Алапачан, местность в Северном Афганистане между Кундузом и Мазари-Шарифом 81—83, 91
Амударьинский оазис 98
Амударья (Аму, Окс), р. берет начало на Памире, впадает в Аральское море 7, 8, 14, 38, 41, 50—54, 56—58, 77, 83, 88, 92, 96—98, 104, 107, 108, 113, 115, 119, 121, 122
Англия см. Великобритания
Андижан, г. в Южном Туркестане 11
Андхой, г. и крепость в Северном Афганистане. До второй половины XIX в.— *независимое владение* 19, 35, 38, 49, 51, 53, 56, 59, 66, 80, 83, 86, 87
Анзоб, перевал в Таджикистане 22
Афганистан 5—9, 13—15, 18—21, 35, 37, 40, 42, 51—53, 56—58, 60, 61, 71, 82, 97, 101, 105, 109—111, 113, 114, 118, 119
Ахча, г. и крепость в Северном Афганистане, центр одноименного бекства 38, 47, 49, 53, 59, 66, 85, 87, 89, 104

Баглан, округ в Каттагане 19, 47, 59, 61, 82
Бадахшан, область на северо-востоке Афганистана 14, 18, 20—23, 35, 37, 40—42, 44, 46—49, 51—54, 58, 62—65, 77—80, 82, 84, 92, 94, 116, 120, 123, 124
Баджах (Баджю), местность в Афганистане 120
Балх, страна, известная также под названием «Бактрия» 19, 43, 48, 49, 53, 54, 57, 64, 81, 83, 89
Бамиан, г. в Центральном Афганистане 48, 81, 82, 89, 90—93, 109—111, 115—119
Бартанг, р. и расположенный в ее долине район в Горном Бадахшане 63
Баш-Абаджан, местность в Северном Афганистане 87, 105
Бейнибодом, округ в Афганистане 59
Больджуан Баш Абдан (Абдан), населенный пункт и бекство в Восточной Бухаре 36, 41, 50, 94, 105
Бомбей, г. 101
Бордалыг см. Бурдалык
Босмондинское ущелье 39
Боссага см. Буссога
Британская империя см. *Великобритания*
Бурдалык (Бордалыг), селение, центр одноименного бекства Бухарского ханства 37
Буссога (Боссага), туркменский аул к северу от г. Ахча 37, 49, 66
Бухара, г. 5—10, 13—15, 18, 20, 28, 33, 37, 41, 47, 48, 52—58, 60, 68—70, 73, 76, 80, 90, 93, 94, 96—103, 115, 126
Бухарское ханство 7, 8, 10—16, 18, 19, 22, 37—40, 50, 54, 62, 70, 94—97, 99, 108, 122

Вахш, р. (в верховьях называется Сурхоб или Сурхаб и Кизилсу), берет начало в Алайской долине; после слияния с Пянджем носит название Амударья 40
Великобритания 5—8, 13, 14, 18, 19, 114

Вишаб, перевал в отрогах Туркестанского хребта 39
Вишаб, селение в верховьях Зеравшана 22

Газни, г. в Афганистане к югу от Кабула, центр области (округа) 59, 71—75, 98
Газнихакк (Гозни-гак), населенный пункт в долине р. Хульм 110
Гандамак, г. в Афганистане между Кабулом и Джалалабадом 6, 58, 59
Гарданидивар (Гардан-дивар), населенный пункт 110
Геок-тепе, туркменская крепость 7
Герат, г. в северо-западном Афганистане 7, 19, 48, 54, 58, 68, 85, 87, 88, 93, 104
Гиндукуш, горный хребет 52, 54, 58, 62, 109, 117, 119, 121
Гиссар, г., центр одноименного бекства в Восточной Бухаре 36
Гозни-гак см. Газнихакк
Гумбаз, так в документе ошибочно названа р. Кишм 41, 63
Гурзиван (Гурз-Ван), крепость и населенный пункт в Северном Афганистане 87
Гури (Гурни), округ в Северном Афганистане (Каттаган) 19, 47, 59, 61, 65, 82, 118, 120, 121

Давлетабад (Давлат-Абад), г. в Северном Афганистане 68, 85
Давоб см. Дуоб
Дагбит, местность в горах Северного Афганистана 20
Даман, территория предгорий Сулеймановых гор со стороны долины Инда, населенная афганцами, дословно «предгорье», «подножие горы» 71, 73, 75, 98
Дандан-Шикана, перевал 90
Дараи-Юсуф (Дорои-Юсуф, Дарья-Юсуф), район верховьев р. Балхоб (Дарагез) 90, 104
Дарваз, бекство в Восточной Бухаре 12, 14, 41, 42, 94, 95
Дарх (Дархский), перевал через Зеравшанский хребет на главной тропе из верховьев Зеравшана в долину Ягноб-дарьи 39
Дарья-Юсуф см. Дараи-Юсуф
Дашти Мизон (Дошт Мозун), карлукское селение в Рустакском владении Бадахшана 43
Денау, г. 22, 40
Денгиль-тепе, туркменское укрепление в Атекском оазисе 100
Дербент, селение и небольшая крепость в верховьях р. Ширабат 19, 22, 40
Джам, селение в Зеравшанском округе, на границе с Бухарским ханством 23, 37
Джаус, селение в верховьях Кашка-Дарьи 22, 40
Джизак, г. и крепость в Сырдарьинской области 76
Джизакский уезд 10
Джоркудук, местность в Ахчинской степи и туркменский аул к северу от г. Ахча 49, 50
Джурум, р. 41, 42
Джурум, вассальное владение Бадахшана до 80-х годов XIX в. 41, 42, 49
Докир Кутель см. Кутель Докир
Дорои Юсуф см. Дараи-Юсуф
Дошт Мозун см. Дашти Мизон
Дуоб (Давоб, Ду-об), населенный пункт в верховьях р. Хульм 48, 104, 110
Дуроб, округ в Афганистане 59

Закаспийская область 11
Зеравшан, р. 10, 39, 41
Зеравшанские горы 39
Зеравшанский округ 7—10, 18, 27, 70—73, 108, 125
Зидды см. Мура

Инд, р. 54
Индия 5, 7, 52—54, 75, 76
Иран 5, 55

Кабаклы, селение, центр одноименного бекства Бухарского ханства 37, 112
Кабул, столица Афганистана 5, 6, 13, 19, 21, 22, 44, 48, 53—55, 57—60, 78, 80—82, 84, 90, 97, 101, 104—106, 109—111, 113—121
Кайдагар, г., важнейший политический центр Афганистана 6, 19, 54, 59
Кайнар (Кайнар-булак), населенный пункт и станция на почтовом тракте Самарканд—Шахрисябз 27, 28
Кала-и-Вамар, центр Рушана, район Горного Бадахшана 95
Кала-и-Хумб, политический и административный центр Дарваза 95
Кала-Кази, населенный пункт 110
Калу (Калю), населенный пункт в Афганистане 110

Каменный мост, почтовая станция и населенный пункт в 60 км к северо-востоку от Самарканда 72
Кандагар, г., важнейший политический центр Афганистана 6, 19, 54, 59
Каратегин, бекство в долине р. Сурхоб 12, 41, 42, 94, 95
Кара-Тюбе, селение к югу от Самарканда 27, 40
Кара-Хавар, населенный пункт на маршруте Абдуррахман-хана в долине р. Кичик Ура-Дарьи 40
Карши, г., центр одноименного бекства в Бухарском ханстве 36, 48, 52, 58, 68—70, 72, 74, 75, 77, 79, 83, 89, 90, 93, 98, 99, 125
Касан, крупное селение Каршинского бекства 37
Каттаган, провинция Северного Афганистана 89
Катта-Эшреф (Кути Ашру), населенный пункт 110
Кафирниган, населенный пункт к востоку от Гиссара 41
Кашка-Дарья, р. 27, 68, 125
Келиф, бекство и г. на берегу Амударьи 97, 108
Керки, крепость и г., центр Керкинского бекства, Бухарского ханства 35, 36, 39, 49, 50, 51, 53, 56, 67, 83, 107, 108, 121
Керкине, местность южнее г. Керки 38, 39, 66, 67
Керкинское бекство в Бухарском ханстве 112
Китаб, г., центр одноименного бекства Бухарского ханства 27, 30, 40, 68, 125
Китай 5
Кишм, центр одноименного феодального владения в западной части Бадахшана 21, 43, 49, 116
Кишм (Мошот), р., левый приток р. Кукча 63
Когмарт, селение в Афганистане 110
Коканд, г. 41, 55, 70, 71, 123
Кокандский уезд в Ферганской области 71
Кокандское ханство 101
Кукча (Кукча-Дарья), р. 41, 64, 79, 101
Куляб, г. и центр одноименного бекства в Восточной Бухаре 20—23, 36, 40—42, 44—46, 50, 94, 98, 115
Кум-Об, округ в Афганистане 59
Кундуз, г. в Северном Афганистане и центр одноименного бекства 19, 21, 36, 44—48, 53, 61, 78—82, 87, 89, 91—93, 96, 101, 105—107, 115, 116, 120, 123, 124
Кундуз-Дарья, р. 79
Курган Кишм см. Кишм
Курган-тюбе, центр одноименного бекства Восточной Бухары на левом берегу р. Вахш 40
Курчи, крепость и населенный пункт в Северном Афганистане 87
Кутель Гиндукуш, перевал 117, 121
Кутель Докир, перевал 90
Кутель Чамгорок, перевал 90
Кути Ашру см. Катта-Эшреф
Кухистан, местность в Афганистане 117
Кух-Морд, местность к югу от перевала Кызыл-куталь 89, 90
Куштут, горная община в долине р. Куштут 41
Куштутские горы 39

Лахор, г. в Пенджабе 13, 70
Лондон 6, 8

Магиан, независимое владение в долине р. Магиан-дарья 22, 39, 41
Мадр (Модр) населенный пункт 110
Мазари-Шариф (Мазари), г., центр Чар-Вилойята 6, 13, 14, 43, 47, 48, 51, 52, 57, 58, 60, 61, 64, 65, 67, 69, 82, 85, 87—90, 92, 93, 96, 101, 103, 104, 107, 116, 119
Майдан, долина и округ в Центральном Афганистане 59
Мары см. Мерв
Матча, селение и район в верхней части долины Зеравшана 41
Машхад см. Мешхед
Меймене, владение, входящее в Чар-Вилойят 19, 53, 54, 61, 80, 81, 84—86, 92, 104
Мекка, г., священный центр мусульман 33, 100
Мерв (Мары), г. в Туркмении 11, 100
Мервский оазис 14
Мервский уезд 11
Мешхед (Машхад), населенный пункт в Бадахшане 41, 63
Модр см. Мадр
Мошот см. Кишм
Мура (Муро, Зидды), перевал на пути в Гиссар 39

Мургаб, р. 61
Муро см. Мура

Нежинский уезд 9
Норх, местность в Центральном Афганистане 59

Обурдон, селение и перевал через Туркестанский хребет 22, 39
Окс см. Амударья

Патта-Гиссар, переправа через Амударью у Термеза 88
Персия 53, 55, 68, 84, 85, 117
Петербург, г. 6, 8, 10, 12, 15, 33, 71
Пешавар (Пешаур, Пешуар), г. в Пакистане 74, 101
Пяндж, р. (верхнее течение Амударьи) 21, 40, 41, 46, 48, 64, 94, 95, 116
Пяндж, нагорье 63

Регистан, площадь в Шахрисябзе 31
Рог, вассальное владение Бадахшана до 80-х годов XIX в. 40—43, 79
Россия, Российская империя 5—11, 14, 18, 19, 20, 55, 69, 96, 112—114
Руи, населенный пункт, укрепление 110
Рум см. Турция
Рустак, г. и центр одноименного района в Северо-Западном Бадахшане 20, 21, 40—49, 51, 62, 63, 77, 83, 84, 116
Рушан, небольшое владение в Горном Бадахшане 18, 95

Сайроб (Сары-об), селение в Шерабадском бекстве 57
Самарканд, г. 5, 8—10, 13, 22, 23, 27, 28, 31, 34, 37, 53, 67, 70—72, 75, 76, 98, 100, 105
Самаркандская область 10, 12
Сарыбаг (Сарбаг), населенный пункт в долине р. Хульм 110
Сары-об см. Сайроб
Сарыпуль, г. в Северном Афганистане 19, 53, 56, 85, 87, 89, 104
Сары-Чашма, населенный пункт 110
Саят (Сояд), населенный пункт в долине р. Хульм 40, 84, 110
Сеидабад, узбекская ставка к северу от Ахчи 38, 66, 84
Сейган, округ в Северном Афганистане 90, 110, 118, 119
Сояд см. Саят
Сурх-дара (Сурхдар), населенный пункт, укрепление 110
Сурхоб ,(Сурхаб), верхнее течение р. Вахш 40

Таликан, г. в СевернойАфганистане 92, 101, 105, 106
Тарноб см. Торноб
Тахта-Карача, перевал через Зеравшанский хребет южнее Самарканда 27
Тахтапуль, крепость около г. Мазари-Шарифа 67, 84, 87—89, 92, 104, 105, 117, 119, 122
Ташкент, г. 7, 8, 11, 13, 22, 27, 28, 31, 33, 39, 53, 55, 69, 71—74, 78, 90, 92, 93, 96, 97, 101, 115
Ташкентский тракт 72
Ташкурган, г. к востоку от Мазари-Шарифа 13, 47, 62, 93, 102—104, 109—111, 118, 119
Ташкурганский округ 82
Тегеран, г. 68
Тифлис, г. 7, 11
Торноб (Тарноб), приведено в документе № 3 как название населенного пункта в районе Рустака. Название, видимо, искажено 43
Туркестан 10, 11, 13, 82, 84—86, 100
Туркестан Афганский, географическое название, применяемое к северным загиндукушским областям Афганистана, в которых преобладающей частью населения являются узбеки, туркмены и таджики 7, 48, 51, 53—56, 58, 64, 80, 89, 90, 93, 96, 101, 104, 107—109
Туркестанский край 5, 7—12, 14, 15, 18, 35, 52, 70, 90
Туркестан Центральный 80, 81
Турция (Рум) 52, 100
Тянь-Шань, горы 95

Ура-тюбе, г. 10, 22, 23, 39
Ургут, г. 23
Урмитан, таджикское селение 22, 23, 29
Уч-Курган, селение в Ферганской области 43

Файзабад, политический и административный центр Бадахшана 41—43, 46, 47, 49, 51, 62, 63, 77—79, 83, 84, 116
Фальгар, волость в верховьях Зеравшана 39, 41

Фан, горное владение в долине р. Фан-Дарья 41
Фараб, таджикское селение к югу от Пенджикента 22, 23, 39
Фергана, Ферганская область 11, 20

Хазрати Султан (Хозрет Султан, Хазрат Султан), населенный пункт в долине р. Хульм 110
Хамйяб, туркменский аул Ахчинского бекства 38, 49, 66, 67
Ханабад, г. в Каттагане 111, 114, 116, 118, 120—123
Хивинское ханство 4, 7
Хинджан (Хонджан), населенный пункт и местность в Южном Каттагане 120, 121
Ходжа-Дух, туркменское стойбище в степи между Анхоем и Шиберганом 51
Ходжа-Имхона, кишлак в 10 *км* к востоку от Китаба 40
Ходжент, г. 22
Хозрет Султан см. Хазрати Султан
Хонджан см. Хинджан
Хульм, независимое владение в Северном Афганистане 19, 53
Хуррам (Хурам), населенный пункт в долине р. Хульм 110

Чагиоб см. Чахи-Аб
Чаракчи (Чироки), селение 69
Чар-Вилойят, провинция в Северном Афганистане. Дословно — четыре области — по количеству независимых в прошлом владений, которые и составили территорию этой провинции: Балх, Кундуз, Андхой, Меймене 9, 13, 14, 19, 21—23, 31, 35—37, 39, 40, 44, 45, 47—50, 53, 54—58, 60, 61, 64—66, 69, 78—83, 85, 86, 88—92, 96, 97, 99, 101—112, 114, 115, 118—122
Чарджоу (Чарджуй), г. в Бухарском ханстве 53, 108
Чатрар см. Читрал
Чатрар-баля (Читрал Боло) 80
Чахи-Аб (Чагиоб), населенный пункт к северу от Рустака; местное произношение Чайоб 41
Чашма-Хофизон, населенный пункт в Денауском бекстве Бухарского ханства 40
Чигчи, местность между Шиберганом и Ахчой 66
Чироки см. Чаракчи
Читрал (Чатрар) г. и княжество в Северо-Западной Индии (ныне Пакистан) 21, 78—80, 92, 124
Чор-Вилойят см. Чар-Вилойят

Шаар см. Шахрисябз
Шах-дарья, р. 41
Шахристан, перевал в Северном Афганистане 22
Шахрисябз (Шаар), г. в Бухарском ханстве, центр одноименного бекства в долине р. Кашка-дарья 18, 19, 23, 27, 28, 31, 34, 35, 37, 39, 40, 44, 46, 49—52, 62, 68—72, 75, 95, 98, 99, 125
Шейхали, округ в Афганистане 59
Шерабад (Ширабад), г. 71, 74, 89, 108
Шерабадское (Ширабадское) бекство в Бухарском ханстве 57, 98
Шиберган, крепость и г. в Северном Афганистане 49, 51, 53, 56, 66, 79, 84—89, 103, 104
Ширабад см. Шерабад
Ширабадское бекство см. Шерабадское бекство
Ширпур, населенный пункт 58, 59
Шугнан, область в Горном Бадахшане и центр одноименного бекства 18, 20—22, 41, 44, 49, 51, 63, 79, 94, 123, 124

Юмгон, р. 41

Яккабаг, селение и центр одноименного бекства в Бухарском ханстве 40
Якка-Чинар, квартал в Шахрисябзе 31
Ямчи-Рабат, крепость в Бухарском ханстве 40
Янги-ярык, местность в Северном Афганистане 82
Янги-кала, небольшая крепость северо-западнее Рустака 21, 40, 46, 66
Ярты-тюбе, г. в Бухарском ханстве 40

СОДЕРЖАНИЕ

Н. А. Халфин. Важный источник по истории Средней Азии и Афганистана 5
А. В. Станишевский. Несколько слов о журналах Г. А. Арендаренко 18
Журналы командировок капитана Г. А. Арендаренко в Бухарское ханство 25
№ 1 от 18 января 1880 г. 27
№ 2 от 20 января 1880 г. 35
№ 3 от 25 января 1880 г. 37
№ 4 от 26 января 1880 г. 44
№ 5 от 29 января 1880 г. 46
№ 6 от 1 февраля 1880 г. 50
№ 7 от 8 февраля 1880 г. 52
№ 8 от 10 февраля 1880 г. 62
№ 9 от 10 февраля 1880 г. 68
№ 10 от 22 февраля 1880 г. 70
№ 11 от 25 февраля 1880 г. 77
№ 12 от 28 февраля 1880 г. 79
№ 13 от 4 марта 1880 г. 83
№ 14 от 20 марта 1880 г. 90
№ 15 от 28 марта 1880 г. 94
№ 16 от 5 апреля 1880 г. 96
№ 17 от 12 апреля 1880 г. 97
№ 18 от 30 мая 1880 г. 101
№ 19 от 20 июня 1880 г. 107
№ 20 от 26 июня 1880 г. 110
№ 21 от 2 июля 1880 г. 112
№ 22 от 6 июля 1880 г. 113
№ 23 от 7 июля 1880 г. 115
№ 24 от 11 июля 1880 г. 121
№ 25 от 20 июля 1880 г. 123
№ 26 от 24 июля 1880 г. 125
Словарь восточных терминов и этнических названий 127
Именной указатель 130
Географический указатель 137

БУХАРА И АФГАНИСТАН
В НАЧАЛЕ 80-х ГОДОВ XIX ВЕКА
(Журналы командировок
Г. А. Арендаренко)

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

•

Редактор *З. Д. Кастельская*
Младший редактор *Н. И. Иванова*
Художник *Л. С. Эрман*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *З. С. Теплякова*
Корректоры *Г. С. Гэрюнова* и *Р. А. Каликштейн*

•

Сдано в набор 29/I 1974 г.
Подписано к печати 10/VI 1974 г.
А-01846. Формат 60 × 90¹/₁₆. Бум. № 1
Печ. л. 9. Уч.-изд. л. 9,2.
Тираж 8000 экз. Изд. № 3394
Зак. № 96. Цена 59 коп.

•

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

Выйдут в 1974 году:

Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV—XV вв.). 512 стр.

Чихачев П. А. Путешествие в Восточный Алтай. 360 стр.

Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). 408 стр.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книготоргов и «Академкнига», а также по адресу: 117464, Москва В-464, Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 («Книга-почтой») «Академкнига»

59коп.